

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»**

СИБИРСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ОБЩЕСТВО И ЭТНОПОЛИТИКА

**Материалы Международной научно-практической конференции
24—26 сентября 2015 г.**

В трех частях

Часть 1

**Под научной редакцией
доктора политических наук
Л. В. Савинова**

**НОВОСИБИРСК
2015**

ББК 66.3(0),5я431
О 285

Издается в соответствии с планом научной работы

Рецензент: Р. Ш. Нуриддинов — профессор, доктор политических наук
(Таджикский национальный университет)

Под научной редакцией
доктора политических наук Л. В. Савинова

О 285 **Общество и этнополитика** : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 24—26 сентября 2015 г. : в 3 ч. / РАНХиГС, Сиб. ин-т упр. ; под науч. ред. Л. В. Савинова. — Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. — Ч. 1. — 335 с.

ISBN 978-5-8036-0706-9 (часть 1)
ISBN 978-5-8036-0705-2

В сборник вошли материалы участников Международной научно-практической конференции «Общество и этнополитика», организованной в рамках научной работы Сибирского института управления — филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» и при финансовой поддержке ФГБУ «Российский гуманитарный научный фонд» (проект № 15-03-14002).

В материалах содержатся результаты теоретико-методологических и практических исследований о сущности, содержании и специфике этнополитики и этнополитических процессов, происходящих в России и других странах. При этом многие статьи сборника носят дискуссионный характер, представляя различные точки зрения и оценки происходящих этнополитических процессов. Мы сочли возможным показать всю палитру взглядов на эти процессы, в том числе не совпадающих с нашим мнением.

Сборник предназначен для специалистов, изучающих этнополитику и этнополитические процессы, а также для всех интересующихся данной проблемой.

ISBN 978-5-8036-0706-9 (часть 1)
ISBN 978-5-8036-0705-2

ББК 66.3(0),5я431
© ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте
Российской Федерации», 2015

Содержание

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ 9

<i>Кузнецов Анатолий.</i> ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ: КОНКРЕТНАЯ ДИСЦИПЛИНА ИЛИ НАУЧНАЯ ОТРАСЛЬ?	10
<i>Розов Николай.</i> К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРЕСТИЖ, РОЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ И ПОДКРЕПЛЕНИЕ ГАБИТУСОВ В РИТУАЛАХ	18
<i>Шнирельман Виктор.</i> МОБИЛИЗОВАННОЕ ПРОШЛОЕ: ОБРАЗЫ ИСТОРИИ И КСЕНОФОБИЯ.....	28
<i>Волох Владимир.</i> ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ	36
<i>Хопёрская Лариса.</i> МИГРАЦИОННАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....	49

КРУГЛЫЙ СТОЛ «МИГРАЦИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА» 59

<i>Аминов Ильдар.</i> ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ФЕДЕРАТИВНОЙ РОССИИ.....	60
<i>Глебов Виктор.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ СТУДЕНТОВ КИТАЯ И АФРИКИ: ТЕЧЕНИЕ И СЛОЖНОСТИ АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....	72
<i>Демидова Ирина.</i> MIGRATION IS IT A THREAT OR AN OPPORTUNITY?.....	77
<i>Джанталеева Мадина.</i> ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНОЙ МИГРАЦИИ.....	83
<i>Кириллова Антонина.</i> ФАКТОРЫ ВЫБОРА ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ СТРАТЕГИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ	93
<i>Леоненко Наталья.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ПО ОКАЗАНИЮ СОДЕЙСТВИЯ ДОБРОВОЛЬНОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ: РЕАЛИЗАЦИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ	101

<i>Нефёдов Данил.</i> СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ.....	110
<i>Толстокурова Алиса.</i> ISSUES OF EMIGRATION AND DIASPORAS IN UKRAINIAN ETHNOPOLITICS	119
<i>Чхутияшвили Лела.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	125
<i>Штон Дарья.</i> ОБ ИНТЕГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ	133
<i>Щеклачева Татьяна.</i> МИГРАНТЫ ИЛИ РУССКИЕ? ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА НОВОСИБИРСКА В ВЫБОРЕ СОСЕДЕЙ.....	139
СЕКЦИЯ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ».....	143
<i>Сердюков Дмитрий, Акимова Марина, Афанасьева Оксана.</i> К ВОПРОСУ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА СУРГУТА.....	144
<i>Баранов Андрей.</i> ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ.....	153
<i>Богатова Ольга.</i> ЭТНИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКАХ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ «ФИННО-УГОРСКИХ» РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ).....	161
<i>Бубликов Василий.</i> МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ	172
<i>Васильев Владимир.</i> МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ.....	181
<i>Власова Татьяна.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	191
<i>Дёмкин Юрий.</i> РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В Г. ТОЛЬЯТТИ.....	200
<i>Савинов Леонид, Дорожнинская Елена, Сигарев Андрей.</i> «ДЕЛО О ТАНГЕЙЗЕРЕ»: СЕКУЛЯРНЫЙ ПАРАДОКС?.....	207

<i>Ермолаев Терентий.</i> ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЮЖНОЯКУТСКОМ РЕГИОНЕ	214
<i>Мадюкова Светлана, Персидская Ольга, Ерохина Елена.</i> СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕГИОНАХ ОБСКОГО СЕВЕРА И ЮЖНОЙ СИБИРИ)	222
<i>Золотухин Иван.</i> ПРОБЛЕМА РОХИНДЖА В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ	231
<i>Ирхин Юрий.</i> ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ АБХАЗИИ	236
<i>Лапин Дмитрий.</i> ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МОНИТОРИНГА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ Г. НОВОСИБИРСКА)	243
<i>Леньо Павел.</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЗАКАРПАТСКИХ РУСИНОВ.....	249
<i>Логинова Нина.</i> ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ	256
<i>Малькова Вера.</i> ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПРЕССЕ	265
<i>Нимаева Баира.</i> СОХРАНЕНИЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ	272
<i>Поляков Евгений.</i> ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ	280
<i>Попов Максим.</i> ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ КАК УГРОЗЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	289
<i>Сенюшкина Татьяна.</i> РАННЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЛИКТОВ: КРЫМСКИЙ ОПЫТ	295
<i>Сергеева Сталина.</i> СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ В ОЦЕНКЕ СТУДЕНТОВ ПЕРМСКОГО ФИЛИАЛА РАНХИГС ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	303

<i>Скорых Наталья.</i> НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕСПУБЛИКИ В СИСТЕМЕ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ТРАНСФЕРТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	311
<i>Сулейманов Артур.</i> РЕГИОН В СИСТЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ	319
<i>Лобода Оксана, Ярулин Илдус.</i> СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО СДВИГА	326

Уважаемые участники и гости нашей конференции!

Мы рады приветствовать вас в Сибирском кампусе Президентской академии. Вот уже восемь лет мы проводим Международную научно-практическую конференцию «Общество и этнополитика». Вначале конференция проходила в Интернет-формате, а в 2015 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда она вышла на классический вариант, и мы очень надеемся на то, что в следующем году конференция тоже пройдет в г. Новосибирске.

Современный мир становится все более и более сложным. Процессы глобализации и глокализации неумолимо ведут к смешению народов, культур и образов жизни. Все это способствует не только цивилизованному взаимообогащению, но и приводит к конфликтам и межэтническим противоречиям. Данные вызовы требуют адекватного и достойного интеллектуального ответа экспертного и научного сообщества. Именно поэтому конференция «Общество и этнополитика» стала площадкой для обмена теоретико-методологическими и практическими исследованиями о сущности, содержании и специфике этнополитики и этнополитических процессов, происходящих в России и других странах.

По результатам конференции опубликован сборник материалов в трех частях. Электронный вариант материалов сборника размещен в РИНЦ.

Мы очень рады тому, что интерес к конференции растет из года в год. Мы также рады тому, что из года в год все больше молодых ученых участвуют в нашей конференции. Они — будущее этнополитологии.

Желаем всем плодотворной работы и научных успехов!

*Леонид Савинов,
научный руководитель конференции,
доктор политических наук*

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Анатолий Кузнецов

*доктор исторических наук, профессор,
профессор Восточного института — Школы региональных
и международных исследований
Дальневосточного федерального университета*

Владивосток, Россия

ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ: КОНКРЕТНАЯ ДИСЦИПЛИНА ИЛИ НАУЧНАЯ ОТРАСЛЬ?¹

Вначале обратимся к проблеме определения статуса этнополитологии. Как и любое новое явление, этнополитология должна была получить обоснование своего места и статуса среди уже существующих дисциплин.

Несколько обстоятельств 1960-х гг. оказали существенное влияние на эту важную процедуру. Во-первых, этнополитология состоялась из практики разрешения межэтнических конфликтов. В результате мы имеем коннотационный шлейф ее очень конкретного осмысления как этноконфликтологии. Во-вторых, на момент формирования этого нового явления в науке этнические конфликты считались уделом «молодых» стран, преимущественно из так называемого «третьего мира». Отсюда на этнополитологии появился некоторый оттенок маргинальности. Такое положение было усугублено еще и тем обстоятельством, что зарубежная, прежде всего англофонская, научная традиция поздно пришла к признанию этничности как некоего значимого явления, но опять-таки сначала в маргинализированном смысле. Наконец, на эти же 1960-е гг. пришелся и вызов постмодернизма, который поставил все социально-гуманитарное знание, в том числе и этнологию / антропологию, перед разного рода «неудобными вопросами» по поводу их научного статуса. Так что особо мудрствовать в отношении такой «второстепенной» дисциплины, как этнополитология и ее положения, было не ко времени. Вот все дело и застопорилось на констатации ее погра-

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации «Формирование нового международного порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе и национальные интересы России» (код проекта 1430).

ничного положения между этнологией / антропологией и политической наукой или же просто на признании в качестве одной из субдисциплин этих наук.

Однако существует несколько причин теоретико-методологического характера, которые заставляют возражать против таких упрощенных представлений о статусе этнополитологии и ее задачах. Первая из них представляет свидетельства о наличии серьезных проблем с теорией в социально-культурной антропологии — этнологии. В их числе следует отметить отсутствие до настоящего времени обоснованных критериев собственно этнических общностей (к ним относят и «новые социальные группы»: инвалидов, сексуальные меньшинства и даже... коммунистов). Не менее показателен плюрализм взаимоисключающих мнений в отношении основного объекта антропологии — культуры. Может ли в таких обстоятельствах сегодня кто-нибудь ответить на поставленный еще в 1946 г. К. Клакхоном «самый трудный вопрос для всей антропологии»? А как насчет более современной задачи: откуда нам следует начинать отсчет истории собственно французов — от Хлодвига, от Вольтера (высокой культуры) или от 1789 г.?¹ Не случайно тот же Д. Маркус посетовал: «Представители социальных наук (во всяком случае, некоторые представители последних), с момента разрыва социокультурной антропологии с позитивистской тактикой исследований в конце 1970-х годов и в 1980-х годах, стали все меньше и меньше понимать, в чем состоит смысл антропологических исследований»².

Особо же примечательным выглядит почти тотальный отказ сегодня на Западе обсуждать этнические проблемы на том основании, что еще в 1970-е произошло смещение интересов антропологов к новым темам, а идея этничности никак не соответствовала этим изменившимся интересам³. Произошедшие перемены одним из первых озвучил Т. Парсонс: «Можно считать уже обще-

---

¹ См.: *Госью Ж. Ф.* Ethnie и этничность: определения, теории, апории // Французские тетради. Диалоги и переводы / пер. с фр. Е. Филиппова. М.: МФГПУ Росинформнадзор, 2008. С. 99.

² *Маркус Д.* О социокультурной антропологии США, ее проблемах и перспективах // Этнографич. обозрение. 2005. № 2. С. 54; 55.

³ *Banks M.* Ethnicity: Anthropological Construction. L.: Routledge, 1996. С. 1.

признанным, что то, что мы называем этничностью означает, прежде всего, обращение к групповой идентичности, которая является организующим началом объединения отдельных индивидов в подобные группы, а также выражением солидарности и лояльности этих индивидов своей группе»¹. Так что же настал момент, когда этнополитологию нам пора перелицевать во что-то вроде политологии идентичностей или идентитиполитологию? Ведь, как известно, и у нас в стране отношение к этносу и связанным с ним проблемам тоже далеко не однозначное.

Но будет ошибочно полагать, что в современной политической науке ситуация в концептуальном плане более благоприятная и она может предложить эффективные средства разрешения проблем, связанным с ростом этносепаратизма и вообще «бунтующей этничности». Уже ситуация вокруг определения таких базовых концептов данной области знаний, как государство и нация, очень показательна в этом отношении². События «арабской весны» и современное состояние той же политики мультикультурализма не менее симптоматичны для оценки концептуальных оснований политологии с ее все усиливающейся тягой к анализу конкретных ситуаций (case studies). Так что навряд ли в современном состоянии своих теорий и методологии рассмотренные области знаний могут претендовать на роль «старших братьев» этнополитологии.

Между тем особый статус нашей области исследований обусловлен теоретическими обстоятельствами, которые предполагают не просто использование той же теории этноса / этничности или фактора политики, но и их интеграцию на новом уровне. Однако проблема концептуального синтеза не ограничивается только этими обстоятельствами. Как известно, подавляющая часть современных государств (около 180 из примерно 200) является полиэтническими по составу населения государствами. Следовательно, общества таких государств имеют еще

---

¹ *Parsons T.* Some Theoretical Considerations on the Nature and Trends of Change of Ethnicity // *Ethnicity: Theory and Experience* / ed. by N. Glazer, D. Moynihan, C. Schelling. Harvard Univ. Press, 1975. P. 53.

² *Axtmann R.* The formation of the modern state: the debate in the social sciences // *National Histories and European History* / ed. by M. Fulbrook. Boulder ; San Francisco : West-View Press, 1993. P. 21—45.

и этническое измерение, предполагающее проведение этнической политики. Развернувшийся в последнее время новый виток дискуссий на тему — что такое общество — не менее показателен для состояния и этой отрасли знаний¹. Одной из причин размывания прежних представлений об обществе стала и масштабная транснациональная, а теперь трансконтинентальная миграция. Увеличение количества мигрантских диаспор, наметившаяся среди них тенденция к своему сохранению и общественно-политическая активность диаспоральных образований составляют еще один вектор для этнополитических исследований. Поэтому этнополитология выходит еще и в поле социологии (этносоциологии). Однако этнические диаспоры сегодня все активнее играют роль и в международных отношениях, активно лоббируя интересы стран своего происхождения в принимающих государствах.

Добро, если бы только этим все дело и ограничивалось. Но современные социологические трудности и ряд других причин актуализируют в разных науках ставку на активное использование идеи культуры: например, «культура, как оборотная сторона общества», политическая культура, «мягкая сила» и, наконец, загадочные «этнокультурные» образования. Наконец, та же самая пресловутая идентичность, пусть и коряво, но возвращает нас в область коллективного сознания, социальной психологии, а значит и этнопсихологии. Тогда, на самом деле, в поле этнополитологии мы имеем дело с более комплексным явлением, которое для своего изучения предполагает синтез теорий этноса / этничности, современных концепций общества, теории политической системы, теории культуры и ряда других идей, теорий и концепций. В таком случае предмет этнополитологии попадает в категорию сложных образований.

Поэтому далее перейдем к категории сложности и обоснованию теоретико-методологических оснований этнополитологии.

Концепт сложности активно используется в современном научном познании². В соответствии с его нормами эффективная

---

¹ *Urry J. Sociology Beyond Society: Mobilities for Twenty-First Century. L. ; N. Y. : Routledge, 2000. 255 p.*

² *Urry J. Global Complexity. Cambridge : Polity Press, 2003. 154 p.*

теория сложных явления не может создаваться средствами одной дисциплины или области знаний, а должна быть «полидисциплинарной» по своему характеру¹. Необходимый синтез данных и идей разных дисциплин может обеспечить современная системная методология. Как известно, в работах Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева было продекларировано стремление создать именно системное представление этноса. Но эти авторы не справились с поставленной задачей, так как не уделили достаточного внимания вопросам методологии системного анализа. Более эвристичными в данном отношении представляются выводы Л. Уайта: «...1) отдельные единицы имеют тенденцию к соединению и созданию интегрированных систем, но 2) процесс интеграции не может до бесконечности образовывать все более и более крупные системы; для каждого вида систем существует максимальный размер и предел»². Затем, как считает этот исследователь, «...системы одного уровня могут быть интегрированы в качестве сегментов в более крупные системы вышестоящего уровня. Таким способом процесс эволюции может длиться неопределенно долго, преобразуя системы одного уровня в более крупные системы вышестоящего уровня»².

Несмотря на то что социально-гуманитарное знание под влиянием постмодернизма отказалось от системной парадигмы, она активно развивалась и доказала свою состоятельность в естественно-научной сфере. В этом случае особо следует отметить работы чилийских нейробиологов У. Матураны и Ф. Варелы, а также И. Е. Москалева³. Разочарование в возможностях системных идей во многом явилось результатом стремления создавать свои собственные варианты системных теорий в узких дисциплинарных рамках. Наиболее успешной попыткой использования средств современной системной парадигмы для

---

¹ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М. : Наука, 1973. 268 с.

² Уайт Л. Эволюция культуры. Развитие цивилизации до падения Рима // Уайт Л. Избранное: эволюция культуры. М. : РОССПЭН, 2004. С. 201; 202.

³ Матурана У., Варела Ф. Древо познания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с. ; Москалев И. Е. Концепция автопоэзиса в современном научном познании : автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М. : Ин-т философии РАН, 2002. 35 с.

решения социальных проблем, но с рядом замечаний, можно считать концепцию социальной системы немецкого теоретика Н. Лумана¹. В частности, следует отметить значение, которое в этой парадигме уделяется процедуре наблюдения и позиции наблюдателя в исследовании сложных явлений, например, в той же физике. Эту проблему отчасти поняли и основоположники современной антропологии, обосновавшие «метод включенного наблюдения», но в отличие от «естественников» они не учли различие между «внутренним» и «внешним» наблюдением.

С позиций современной системной методологии анализа сложных явлений становится очевидной причина тупика многих внутридисциплинарных дискуссий: например, между примордиалистами и конструктивистами, так как на самом деле эти подходы не обладают универсальным эвристичным значением, а потому они являются комплементарными (дополнительными) друг другу. Это становится понятно после анализа концептуальных оснований дискуссии между сторонниками этноса и этничности.

Большинство зарубежных специалистов, в силу сложившейся традиции, придерживались принципа методологического национализма. Смысл этого принципа изложил, например, американский специалист Р. Графштейн: «Анализ на различных “уровнях” остается анализом той же самой вещи, описанной различным способом. Различные уровни анализа, таким образом, не означают различных уровней реальности...»². В результате исследователь делает вывод о том, что любое исследование в социальной сфере должно ограничиваться уровнем реальных индивидов². Данный принцип вполне соответствует определенной социально-политической реальности — той, в которой индивид признан реально значимым явлением. Но существует и другая реальность. Показательно, что все наши варианты теории этноса исходят из значения общностей людей, т. е. основываются на принципе методологического коллективизма, значимость которого признал тот же Н. Луман. Однако индивиды и образующие ими общности являются разными уровнями сложной ре-

---

¹ Луман Н. Общество как социальная система. М. : Логос, 2004. 232 с.

² Grafstein R. Institutional realism: the social and political constraints on rational actors. New Haven ; L. : Yale Univ. Press, 1992. P. 24.

альности. В этом смысле теории этноса и концепции этничности также являются комплиментарными в отношении друг друга, и нет необходимости отменять одни из них и признавать другие.

Не менее показательна критика методологического индивидуализма, развернувшаяся среди современных европейских социальных теоретиков. В упрек этому «изму» была поставлена в том числе и практика создания моделей, претендующих на универсальность, на основе реалий одной конкретной страны (государства).

Дебаты по типологии государств также позволяют констатировать, что в отношении исследований этнической составляющей некоторых из них правомерен примордиалистский подход, в то время как для других — конструктивистские варианты¹.

Как и любое сложное явление, этнический феномен испытывает изменения, поэтому важным моментом исследования этого феномена является их анализ. В этом смысле предложение С. М. Широкогорова рассматривать этнос как процесс, в который включены и в котором существуют, изменяются, исчезают и возникают этнические общности, является очень эвристичным². Подобная трактовка этноса очень близка по смыслу концепции эволюции систем Л. Уайта.

С учетом приведенных обстоятельств при решении этнополитологических проблем целесообразно различать этнос как процесс, а этничность — как некоторые специфические свойства различных реальных общностей и представляющих их отдельных индивидов, закладываемые с начальных этапов истории человечества и обновляющиеся по мере последующего развития.

Этнические общности — это сложный концепт, фиксирующий определенный уровень интеграции («расширенное родство») объединений людей с их территориальными, социальными, психоментальными и собственно этничными характеристиками. Наконец, мы должны учитывать положение этнических

---

¹ См.: Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исслед. постиндустриал. о-ва, 2008. 336 с.; Sorensen M., Christiansen A., Beck U. An Introduction to the Theory of Second Modernity and the Risk Society. Routledge, 2013. 178 p.

² Schirokogoroff S. M. Psychomental Complex of the Tungus. L.: Kegan Paul: Trench, Trubner & Co, 1935. P. 14.

общностей в различных общественно-политических системах (государствах) и проводимую в их отношении этническую политику как часть национальной политики государства. Понятно, что рассматриваемые политики в значительной степени основаны на представлениях, как этнических, так и политических элит и лидеров о существовании проблем.

При рассмотрении этнополитических проблем с указанных теоретико-методологических позиций можно констатировать несколько существенных моментов.

Во-первых, возникновение свойства этничности долгое время было результатом процесса дезинтеграции некоторых исходных общностей.

Во-вторых, с началом активизации процесса разделения труда и развития собственно экономики получают развитие процессы интеграции отдельных общностей. Последние особо активизировались под влиянием процесса политогенеза, заложившего формирование политической организации общества, которая, в свою очередь, стала задавать границы и «генеалогию» (по М. Фуко) разных этносов. В результате длительного сосуществования разных этнических общностей в определенных государственных границах стали складываться сложные объединения, которые уже характеризовались внутренней однородностью населения (например, ханьская общность).

Западной Европе пришлось возобновлять процесс этнической гомогенизации своего населения на других основаниях, в новых условиях и в более позднее время. Исходя из этого данный процесс, получивший осмысление сначала как формирование национальных государств, с которым тесно связана проблематика нации как таковой, был адекватно описан и изучен. Как следствие государство-нация стало считаться эталоном общественно-политического устройства, а европейское понимание нации под влиянием методологического национализма получило универсальное значение. Очевидно, что подобные установки уже нуждаются в переосмыслении. В свете приведенных обстоятельств предлагается рассматривать этнополитологию как самостоятельную отрасль знания, которой предстоит решать эти новые задачи.

Николай Розов

*доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук, профессор кафедры международных
отношений и регионоведения
Новосибирского государственного технического университета*

Новосибирск, Россия

К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРЕСТИЖ, РОЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ И ПОДКРЕПЛЕНИЕ ГАБИТУСОВ В РИТУАЛАХ

Почему этносы появляются и исчезают, сливаются и разделяются? Геополитическая теория этнической динамики Р. Коллинза стала значительным прорывом в этой проблемной области¹. В данной работе сделана попытка уточнения и дополнения теории Р. Коллинза через анализ механизмов этнических изменений на микро- (индивиды, установки, габитусы), мезо- (ритуалы, группы, институты) и макро- (государства, их сила и легитимность, внешняя и внутренняя геополитика) уровнях, с привлечением ранее разработанных концептов социальной и исторической динамики².

Исходя из этого дадим определения понятий этничности, этнических групп, этнической динамики.

Под этничностью здесь понимается тот или иной набор различающих признаков, таких как соматотип (внешность), родной язык, идентичность как чувство принадлежности некоему народу, обозначенному этнонимом, ритуалы жизненного цикла (от рождения до похорон), практики материальной культуры (одежда, еда, убранство жилища), вероисповедание, включенность в потребление и производство духовной культуры «своего народа» (фольклор, литература, искусство), а также принадлежность

---

¹ Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М. : УРСС, 2015. Гл. 3.

² См.: Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М. : РОССПЭН, 2011. Гл. 3.

политической или культурной целостности (т. е. политики, государству, цивилизации).

Этнические группы объединяют поколения индивидов с единой идентичностью и сходством по тому или иному набору указанных признаков этничности.

Этнические группы различаются масштабами и типами, они включают субэтноты (народности), этносы (народы, национальности), нации, расы, конфессиональные, цивилизационные и языковые общности.

Этническая динамика — это совокупность процессов генезиса и трансформации этнических групп, их слияния и распада, а также факторы, закономерности и механизмы таких изменений.

Вначале рассмотрим феноменологию этничности (основные маркеры различения).

Разделим признаки, по которым определяется этничность индивида, на следующие классы. В первую очередь каждый индивид имеет индивидуальное этническое наследие:

— соматотип (расовые признаки, цвет кожи и волос, форма лица, разрез глаз и пр.);

— родной язык, который обычно осваивается на ранних стадиях семейного воспитания;

— этническую идентичность (ответ себе на вопрос — кто я такой, к какому племени принадлежу?), которая обычно определяется ранним семейным воспитанием, соматотипом и родным языком.

Выделим социальные стандарты этнической группы, на основе которых в большинстве случаев «свои» отличаются от «чужих»:

— происхождение («кровь») — принадлежат ли родители индивида той же группе;

— говорит ли свободно и без акцента на языке группы;

— соблюдает ли главные ритуалы жизненного цикла (например, как крестится, женится, хоронит близких);

— как ведет себя в быту (одежда, еда, убранство жилища);

— какую веру исповедует, кому, как и где молится, каких моральных принципов и ценностей придерживается, какие песни поет, как празднует и т. д.

На основе такого рода стандартов происходит этническое признание принадлежности индивида группе, на членство в которой он претендует как изнутри группы, так и извне.

Затем рассмотрим теории примордиализма и конструктивизма (преодоление дилеммы).

Заметим, что некоторые перечисленные элементы для индивида полностью или практически не поддаются изменению (происхождение, соматотип, родной язык), другие в той или иной мере поддаются произволу (можно поменять веру, выучить другой язык, перейти на другие ритуалы жизненного цикла, иначе стричься, одеваться и готовить еду и т. д.), третьи больше зависят от социального окружения и контекста (этническое признание извне).

Принято считать, что для этнических групп, выделенных по неотменяемым признакам, адекватен примордиализм (этнос как укорененная в истории естественная органическая целостность), а по признакам, легче изменяемым, — конструктивизм (этнические группы суть результаты преднамеренных решений, практик и конвенций, навязывания идентичностей и культурных паттернов).

Р. Коллинз убедительно показал, что как только мы выходим на масштабы макро- — к большим общностям и множеству поколений, к столетиям и тысячелетиям, — то обнаруживается относительность примордиализма. Так, «Степень сходства или различия в этнических соматотипах зависит от того, насколько обособлены были популяции (breeding pools). У народов, живущих в отдаленных друг от друга частях света, скорее всего развиваются совершенно различные соматотипы. Такие географически обособленные популяции выработали соматотипы скандинавов, кельтов, жителей Средиземноморья, коренных обитателей Центральной и Южной Африки (Sub-Saharan Africans), китайцев, айнов и всех остальных соматических вариантов человеческой расы. И наоборот, там, где популяции близки в географическом и социальном плане, соматотипы становятся более сходными. При полной социальной и территориальной близости они сливаются»¹.

---

¹ Коллинз Р. Макроистория... С. 138.

Степень различия и близости в соматотипах и языках оказывается функцией от времени географической изоляции групп друг от друга; уровня отчуждения и частоты межэтнических браков; социального контроля, государственного принуждения относительно «чистоты крови» и «чистоты языка».

Иными словами, даже расы, языки и языковые семьи включены в этническую динамику, существенно трансформируются на протяжении большого исторического времени. При близком соседстве, низком отчуждении, частных межэтнических и межрасовых браках, малом социальном контроле и отсутствии государственного принуждения в отношении «чистоты крови» и «чистоты языка» разница в соматотипах и языках непременно сглаживается. Такие эффекты, в частности, наблюдаются в латиноамериканских странах, таких как Бразилия, Куба, Мексика.

Конструктивистская парадигма уязвима для критики в ином плане. Нельзя отрицать значимость преднамеренной государственной политики и этнических антрепренеров для этнических изменений: либо в сторону ассимиляции (офранцузивание, русификация, американизация, онемечивание и т. д.) или в сторону этнического отделения, этнонационализма («балканизация»). Однако ход, успехи и неудачи в каждом случае определяются не столько намерениями, сколько естественно-историческими закономерностями.

Так, преднамеренное навязывание языка, бытовых практик, канона общей истории, идентичности, даже этнонима (теперь будете называться французами или американцами, русскими, алтайцами, хакасами) возможно, но воспринимается и приводит к желаемому результату только при наличии ряда условий. Среди этих условий отметим ослабление, размывание прежней идентичности, привлекательность новых символов, новой принадлежности, налаженные государственные, религиозные, образовательные, военные или иные институты и практики, долго и систематически реализующие это навязывание, перспективы карьерного роста, а также положительное подкрепление (чувство комфорта) от новой идентичности в течение двух-трех и более поколений.

Таким образом, вместо дилеммы примордиализма и конструктивизма, противопоставления исконных природных этно-

сов и произвольно придуманных, слепленных «воображаемых сообществ» мы получаем большую сферу долговременных и быстрых в изменчивости этнических групп от рас и наций до малых народностей¹. Соответствующая теория этнической динамики должна отвечать на вопросы о причинах, закономерностях и механизмах таких изменений.

Далее рассмотрим этнические изменения через масштаб макро- (государство, легитимность и геополитика).

Коротко, геополитическая теория Р. Коллинза, объясняющая трансформацию этнических групп, состоит в следующем.

Люди склонны присоединяться к наиболее статусным, престижным группам. Привлекательность, легитимность доминирующей в стране этнической группы зависит от геополитического престижа государства: она растет при повышении этого престижа и падает при его понижении.

Соответственно альтернативные этнические группы, меньшинства, окраинные народности в первом случае скорее ассимилируются (в пределе — с образованием этнически однородной нации), а во втором случае становятся сами более привлекательными, при этом начинаются процессы этнической мобилизации, роста самосознания, культурных и политических требований, вплоть до межэтнического насилия, гражданской (национально-освободительной) войны и сепаратизма.

Чем больше геополитическое напряжение между этническими группами (в пределе — долгая и ожесточенная война), тем больше и этническое отчуждение: каждая сторона максимально отделяет себя от противника в религии, языке, бытовых практиках, при этом до минимума сокращается количество смешанных браков.

Напротив, внутри одного государства, когда централизованная бюрократия устанавливает единый официальный язык, общую систему образования, социальной информации, мотиви-

---

¹ Ср.: «Этничность — это конструкция, составленная из сочетаний маркеров: соматотипов, языков, фамилий, напоминающих о давнишних и, вероятно, уже исчезнувших различиях между предками; маркерами являются и другие различия в культуре и образе жизни. Все они могут одновременно присутствовать в отдельных, сильно интегрированных местных общинах» (См.: *Коллинз Р. Макроистория...* С. 144).

рует представителей меньшинств на присоединение к доминирующей группе с перспективами вертикальной мобильности, тем более при общенациональной мобилизации для ведения войны, этнические группы становятся склонны к сближению, ассимиляции. При этом растет количество смешанных браков, дети которых обретают идентичность доминирующей этнической группы.

Заметим, что в обоих случаях действует причинность «извне-внутри».

От геополитики, обществ и государств перейдем к индивиду и попытаемся определить этническую динамику через масштаб микро- (габитусы, этнические установки и ритуалы солидарности). Что означает для него (нее) иметь ту или иную этничность в общих психологических и социологических терминах? Что означает считать себя русским (немцем, французом, турком, китайцем) и думать, чувствовать, говорить, вести себя как русский (немец, француз, турок, китаец)? Лучше всего здесь подходит категория «габитус», введенная в современную социологию Пьером Бурдьё¹. Это понятие было развернуто как комплекс установок четырех типов²:

— фреймы (когнитивные установки) — схемы определения и осмысления ситуации, явлений внешнего мира, подведения незнакомого под знакомое;

— символы (ценностные установки) — всевозможные святыни, идеалы, моральные принципы, нормативные регулятивы, отделяющие должное от недолжного, доброе и обязательное от злого и запрещенного и т. д.;

— идентичности (экзистенциальные установки) — различные самоопределения, в том числе этнические, конфессиональные, гендерные, профессиональные, локалистские, идеологические;

— поведенческие стереотипы (практические установки) — привычные реакции, повседневные практики и стратегии деятельности.

Несложно показать, что за исключением соматотипа (врожденных черт внешности) все остальные признаки этничности

---

¹ Бурдьё П. Практический смысл. М., 2001.

² См.: Розов Н. С. Колея и перевал... С. 41—44.

являются порождением установок указанных типов. Даже владение языком как речевое поведение раскрывается через усвоение индивидом соответствующих поведенческих стереотипов — повседневных практик слушания, говорения, понимания, думанья, чтения, писания на данном языке.

Таким образом, проблема происхождения габитуса переформулируется как проблема генезиса установок. Однако общее решение этой проблемы есть: установки рождаются, укрепляются, изменяются и разрушаются в интерактивных ритуалах¹. Наиболее действенные ритуалы понимаются как эмоционально внушительные действия, обычно в группе, с общим фокусом внимания, синхронизированными психофизиологическими ритмами, присутствием общих символов, драматически подкрепляемыми или разрушаемыми связями солидарности и сплоченности, поклонения и подчинения, отвержения и отчуждения, презрения и ненависти.

Какие же ритуалы порождают и укрепляют этничность? Смело можно утверждать: ровно те, в которых своя этничность противопоставляется чужой. Здесь укрепляется солидарность среди тех, кто принадлежит одной группе, а также чувства отчужденности, отделенности в отношении остальных групп. Здесь же укрепляются общие картины мира (через фреймы), общие святыни и ценности (через символы), общие поведенческие стереотипы («мы ведем себя так, а они — совсем иначе»).

Устойчивость этнических групп при смене поколений (основа примордиализма) объясняется именно такими ритуалами этнической солидарности. В них каждый ведущий себя «правильно» (в соответствии с социально принимаемыми стандартами данной этничности) получает явную или неявную похвалу, одобрение (положительное подкрепление), а каждый отклоняющийся или смеющийся усомниться в своей идентичности или символах получает порицание с угрозой остракизма (отрицательное подкрепление).

---

¹ Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2002. Гл. 1 ; Розов Н. С. Колея и перевал... Гл. 3. С. 44.

Лидеры этнических групп особенно заинтересованы в успешности таких ритуалов, поскольку резонно (пусть и неосознанно) связывают свое лидерство и легитимность с крепостью этнических установок.

Почему же происходят изменения этничности? Суть этих изменений заключаются в разрушении, угасании прежних этнических установок и габитусов и в рождении и укреплении новых. Такие изменения всегда драматичны, связаны с конфликтами, скандалами, поруганием одних святынь, авторитетов и поклонением другим. Здесь также происходят ритуальные действия, но характер их уже не поддерживающий и подкрепляющий, а разрушительный и созидающий: с заимствованием или появлением новых фреймов, символов, идентичностей, поведенческих стереотипов. Таковы ритуалы этнической трансформации.

В результате происходит дискредитация прежних устоев и лидеров, появляются восхищение и преклонение перед новыми силами, ценностями, а также персонифицирующими их новыми кумирами. Кроме символов (святынь, принципов, ценностей) меняются и картины мира (рефрейминг), а также идентичности, в том числе этнические.

Последующие изменения в охватывающем контексте, новые ритуалы дают положительное подкрепление новым идентичностям и отрицательное — прежним идентичностям (уже плохо быть Савлом, а надо быть Павлом; уже не очень приятно считаться ирландцем (немцем, поляком), а гораздо комфортнее — американцем; отец — чуваш, мать — мордвинка, а сам — русский).

За ритуалами следуют и социальные действия, утверждающие смену идентичности. Так иммигранты меняют свои имена и фамилии, дают детям новые имена, говорят с ними на новом языке и т. д.

Как же связать масштаб макро- — с геополитикой, государствами, легитимностью групп и масштаб микро- — с габитусами, установками и ритуалами?

Для этого рассмотрим этническую динамику через масштаб мезо- (институты, этническая мобилизация и государственная бюрократия).

Так, социальные институты включают структуры социальных позиций и отношений, а также правила взаимодействия, доступа к различным ресурсам. Взаимодействия в рамках институтов воспроизводят структуру отношений и представляют собой рутинизированные ритуалы (отдача приказов, отчеты, принятие решений, контроль за выполнением, речи и проповеди, дискуссии, переговоры и торг, поощрения и порицания).

Очевидно, что воспроизводство этничности происходит во всех главных социальных институтах: в семье, школе, армии, церкви, государственных ведомствах, а также в дружеских компаниях, соседствах, профессиональных сообществах и т. п. Но ведь и смена, трансформация этничности происходит или в рамках институциональных ритуалов или контрритуалов, отвергающих институциональные устои (например, мобилизация этнических меньшинств в общенациональной армии).

Таким образом, институты могут укреплять наличную этничность, разрушать, преобразовывать ее. От чего это зависит?

Вероятно, главным фактором являются интересы институциональных элит и лидеров, которые в одних условиях видят укрепление своих позиций в поддержке этнических устоев, а в других — в их изменении. Условия же эти предоставляет охватывающий контекст макромасштаба: события и процессы в государстве, прежде всего геополитические, отношения между центром и провинциями, между государством и другими государствами.

Лидеры и элиты институтов наиболее чувствительны и отзывчивы к силе и престижу охватывающих структур. Как правило, они стремятся присоединиться к наиболее могущественным и влиятельным инстанциям. При ослаблении, упадке государственного центра интересы лидеров и элит смещаются либо к союзу с могущественными соседями (соответственно к культурному, идеологическому, экономическому, этническому сближению с ними), либо к формированию собственного центра, что нередко ведет к подъему этнического национализма и сепаратизму провинций.

Институты, в том числе государственная бюрократия, оказывают огромное влияние на этнические установки индивидов, прежде всего благодаря своим экономическим, административ-

ным, силовым, символическим ресурсам. Они способны не только организовывать ритуалы укрепления установок, нужных элитам, или разрушения установок, нежелательных для элит, но также действенно поощрять сторонников и наказывать отступников, что всегда бурно и широко обсуждается опять же в ритуальных действиях.

Центральная бюрократия, как правило, заинтересована в общенациональной идентичности, в ассимиляции этнических меньшинств, как минимум, в инкорпорации местных элит (последнее особенно было характерно для полиэтнических империй, таких как Российская и Австро-Венгерская империи, СССР). Однако иногда мобилизация меньшинств одерживает верх. Здесь также решающую роль играют институты: как местные бюрократии (например, в союзных республиках конца 1980-х гг.), так и неформальные объединения на основе религии, культурного и языкового «возрождения» и т. п.

Итак, понятийный каркас общей теории этнической динамики включает взаимосвязь трех основных социальных масштабов: макро-, где решающая роль принадлежит геополитике, престижу могущества и изменениям легитимности преобладающей этнической группы; мезо-, где институциональные лидеры и элиты, чувствительные к расстановке сил вовне, стремятся к укреплению своих позиций через поддержание или преобразование этничности подведомственного населения; микро-, где индивиды склоняются либо к поддержанию, либо к преобразованию своей этнической идентичности, поскольку получают положительное или отрицательное подкрепление в ритуалах с фокусировкой на этническую принадлежность: «кто *мы* (всегда или теперь) и почему мы в лучшую сторону отличаемся от *них* (чужих или прежних)».

Виктор Шнирельман

*доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института этнологии и антропологии Российской академии наук*

Москва, Россия

МОБИЛИЗОВАННОЕ ПРОШЛОЕ: ОБРАЗЫ ИСТОРИИ И КСЕНОФОБИЯ¹

Когда ходишь по улицам Вены, постоянно ощущаешь себя в центре насыщенного исторического дискурса. Памятники, топонимика, настенные фрески — все напоминает тебе о богатой и сложной истории города, веками служившего столицей одной из главных европейских империй. Эта история богата самыми разными событиями, но один сюжет преследует тебя постоянно — это осада Вены турецкими войсками в 1683 г., когда город был спасен только благодаря своевременно подоспевшим войскам польского короля Яна Собеского. Благодарная Вена хранит барельеф Яна Собеского на стене Августинской кирхи, одного из главных храмов в историческом центре города. Этой славной победе посвящен костел на горе Каленберг к северу от Вены, где развернута небольшая экспозиция, показывающая эпизоды битвы за Вену и вооружение польских и турецких воинов. Здесь всегда много туристов и особенно поляков, для которых эта память также важна. Кроме того, в музее г. Вены целый зал посвящен событиям 1683 г. Там посетитель видит турецких полководцев и турецкое оружие, боевые символы и картины с эпизодами битвы. Все это должно демонстрировать мощь армии Османской империи и показывать, с каким опасным врагом тогда встретилась Вена, едва не павшая под мощным натиском могущественного противника.

Сегодня все это не остается мертвой памятью о делах давно минувших дней. Австрия, как и многие другие страны Европы, притягивает к себе многочисленных мигрантов из Азии и Африки, причем наиболее многочисленную диаспору составляют вы-

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Измерение рисков межэтнических отношений в регионах Российской Федерации. Разработка теории и междисциплинарного подхода» (грант Российского научного фонда № 14-18-03090).

ходцы из Турции. У местных жителей это вызывает неоднозначную реакцию и порождает антимигрантские настроения. При этом речь идет не только о стандартных ксенофобских суждениях, типичных для современной Европы¹, но и об апелляции к исторической памяти.

Такие настроения активно и эффективно используются крайне правой Австрийской партией свободы (АПС), с 2005 г. возглавляемой Хайнцем Христианом Штрахе, добившегося тогда раскола партии и вытеснившего из нее прежнего лидера, пресловутого Йорга Хайдера, который прославился в свое время антисемитскими эскападами. С тех пор партия сменила антисемитские лозунги на антитурецкие, говорящие о «третьей осаде Вены»² и провозглашающие, что «Вена никогда не станет Стамбулом». Правые пропагандисты настойчиво напоминают людям о «турецкой опасности», которая якобы вновь нависла не только над городом, но и над всей «христианской цивилизацией».

В 2005 г. эта агитация позволила АПС набрать 14,8 % голосов на муниципальных выборах в Вене и провести в городской совет 13 своих представителей³. Партия закрепила эту победу на парламентских выборах в 2006 г., получив 11,03 % голосов избирателей, что дало ей право на 21 место (из 183) в парламенте. Примечательно, что уже тогда Х. Х. Штрахе находил у мусульман «расизм, направленный против христианской европейской культуры». А два года спустя АПС еще больше усилила свое влияние, набрав 17,5 % голосов и получив 34 места в парламенте. Наконец, в 2010 г. антимиграционистские и почвеннические лозунги помогли ей набрать 26,2 % голосов в Вене и получить 27 мест в городском совете. Это сделало АПС второй по значимости партией в Вене. Сегодня Х. Х. Штрахе стоит на платформе «патриотизма», занимает прочное место среди евроскептиков и выступает против «исламизации», отстаивая не только «христианские ценности», но и «чистоту венской крови». Все это

---

¹ Об этом см., например: *Шнирельман В. А.* Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма. М., 2011.

² Турки осаждали Вену в 1529 г. и 1683 г.

³ *Fredriksson C. H.* «Vienna has fallen» // *IWMpost*. 2014. N. 113. P. 5; 24.

трактуются в Австрии как «правый популизм», прямой наследник национал-социализма.

В современном мире, где бушуют «войны памяти», лозунги, апеллирующие к травматическому прошлому, имеют высокий спрос и вызывают вполне предсказуемые эмоции, нередко окрашенные ксенофобией.

К сожалению, это явление не чуждо и России. В частности, оно дало о себе знать во время осетино-ингушского конфликта в 1992 г., когда в своей исторической речи «О вероломной агрессии ингушских национал-экстремистов» тогдашний председатель Верховного Совета Северной Осетии А. Х. Галазов заявил об «ингушской агрессии» против «миролюбивых осетин»¹ и инициировал расистское по своему духу постановление Верховного Совета Северной Осетии о «невозможности совместного проживания» осетин и ингушей². Это заставило осетинские СМИ оживить сталинскую ложь об измене всего ингушского народа в годы Великой Отечественной войны, а также вспомнить о выселении казаков в 1918 г. и начале 1920-х гг.³ При этом речь шла не просто о трагических эпизодах недавнего прошлого, которые можно обнаружить в истории едва ли не каждого народа, — ведь мировая история переполнена конфликтами, войнами и самыми разными несправедливостями. Вместе с тем с течением времени страны и народы находят в себе силы отказаться от былой ненависти и перейти от конфронтации к добрососедским отношениям. Ибо в истории ничего не предрешено, и многое зависит от доброй (или недоброй) воли самих людей.

Однако ситуация складывается иначе, если в дело вступает пропаганда, исходящая из метафизических установок, апеллирующих к неким «вечным стереотипам поведения» и «вечным ценностям», над которыми время не властно. Именно это и наблюдалось в Северной Осетии, где журналисты принялись

---

¹ Галазов А. Х. О вероломной агрессии ингушских национал-экстремистов и мерах по обеспечению безопасности, законности и правопорядка в Республике : докл. на XVIII сессии ВС СО ССР от 10 нояб. 1992 г. // Север. Осетия. 1992. 11 нояб.

² Пригородный район: выбор цели. Владикавказ : Иристон, 1997. С. 25.

³ Об этом см.: Шнирельман В. А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.

изображать ингушей патологическими разбойниками и грабителями, якобы неспособными от этого отказаться. «Научной» основой антиингушской кампании послужила теория ведущего осетинского историка М. М. Блиева, со ссылкой на Кавказскую войну XIX в., провозгласившего «набеговую систему», коварство и жестокость «этногенетическими» особенностями ингушей, связанными с «определенной формационной стадией»¹. Мало того, со временем М. М. Блиев считал возможным расширить рамки своей «теории» и провел прямую параллель между событиями XIX в. и XXI в., объясняя их якобы «веками выработанными поведенческими особенностями» чеченского народа, что полностью снимало какую-либо вину с действий российских властей².

Начиная с 1983 г. М. М. Блиев постоянно доказывал, что агрессивность была будто бы обусловлена формационной принадлежностью горских «вольных» обществ, лишь недавно расставшихся с родоплеменным строем. Он регулярно воспроизводил эту концепцию в своих работах, на которые осетинские исследователи опираются как на «лучшее объяснение чеченских событий»³ и «выдающийся вклад в конфликтологию»⁴. По сути, все это обогатило местную ксенофобию аргументами культурного расизма, говорящими о якобы неизменных основах поведения горских обществ, закрывающих им вход в современную цивилизацию. С тех пор некоторые авторы заговорили об «избыточной пассионарности чеченцев (и ингушей — В. Ш.) с их реликтовым менталитетом, законсервировавшим уровень

---

¹ *Блиев М. М.* «...Война есть грех и свидетельство о грехе...» // Север. Осетия. 1993. 13—14 апр.

² *Блиев М. М.* Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004. С. 44.

³ *Бзаров Р. С.* Предисловие // Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ, 1999. С. 4; 5.

⁴ См., например: *Магомедов А. А.* Изучение прошлого и настоящего в интересах будущего // Национал. отношения и межнационал. конфликты / Х. Х. Хадиков (ред.). Владикавказ, 1997. С. 12; 19; *Дегоев В. В.* Проблема Кавказской войны XIX века: историографические итоги // Сб. Рус. ист. о-ва, 2000. Т. 2 (150). С. 236.

сознания эпохи «военной демократии»¹. Эту концепцию подхватили российские военные и журналисты, а также некоторые историки, усматривающие причину Кавказской войны в столкновении державных российских интересов с традиционным укладом жизни горцев (абречество, похищение людей, работорговля, заложничество), которые якобы «терроризировали все прилегающие области»². При этом дикие поступки ряда царских офицеров на Северном Кавказе иной раз списывались за счет якобы развращающего влияния горской культуры³. Рассматриваемая концепция находит место даже в некоторых федеральных школьных учебниках по истории России⁴, авторы которых

---

¹ См.: *Гатагова Л. С.* Северный Кавказ: метаморфозы исторического сознания // Национал. истории в советском и постсоветских государствах / К. Аймермахер, Г. Бордюгов (ред.). М., 1999. С. 260; *Ее же.* Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // Россия и Кавказ сквозь два столетия / Г. Г. Лисицына, Я. А. Гордин (ред.). СПб., 2001. С. 49; *Тамарин Я., Земфилов В.* Историческая справка о г. Владикавказе и Пригородном районе Северо-Осетинской ССР // В тумане над пропастью. Владикавказ, 1994. С. 37; 38; *Тотоев Ф. В.* Размышления об ингушском вторжении // Там же. С. 84.

² См.: *Кавказская война: уроки истории и современность* / А. Авраменко, О. Матвеев, П. Матющенко, В. Ратушняк // Кубан. новости. 1994. 26 мая. С. 3; *Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны.* М., 1998. С. 10—12; 36 (прим. 14); *Азаров В., Маруценко В.* Кавказ в составе России // Красная звезда. 2001. 19 янв. С. 2; 3; *Ротарь И.* Под зеленым знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. М., 2001. С. 25; «Кавказский нерв», или пожелаем им добра // Родина. 2000. № 1; *Матвеев В. А.* Исторические особенности утверждения геополитических позиций России на Северном Кавказе: дискуссионные аспекты проблемы и реалии эпохи // Россия XXI. 2002. № 6; *Клычников Ю. Ю., Цыбулькинова А. А.* «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе. Пятигорск, 2011. С. 164—177; *Виноградов В. Б., Виноградов Б. В., Клычников Ю. Ю.* Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII — начале XXI века. Славянск-на-Кубани, 2012; *Дегоев В. В.* Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М., 2013.

³ См.: *Клычников Ю. Ю., Цыбулькинова А. А.* «Так буйную вольность законы теснят...». С. 219; 226; 228.

⁴ *Зырянов П. Н.* История России. XIX — начало XX вв. : учеб. книга для 8—9 классов сред. школы. М., 1999. С. 66—68; *Сахаров А. Н., Боханов А. Н.* История России в XVII—XIX вв. : учеб. для 10 класса сред. общеобразовател. учеб. заведений. М., 2003. С. 319; 320; *Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В.* История России. XIX век : учеб. для 8 класса общеобразовател. учреждений. М., 2011. С. 149—155; *Лубченков Ю. Н., Михайлов В. В.* История России.

не сознают, что повторяют типичные аргументы культурного расизма¹.

Подобного рода исторические построения убеждают казаков в том, что их предки когда-то заселили пустынные земли, а Кавказскую войну спровоцировали сами горцы². При этом идею М. М. Блиева о «горской экспансии» и «набеговой системе» с благодарностью подхватывают авторы шовинистических памфлетов, изображающие чеченцев «варварами» и доказывающие, что русским якобы «свойственно чувство принципиальной несовместимости с чеченцами»³.

Иными словами, история, изложенная в эссенциалистском духе, фактически демонизирует чеченцев и ингушей, заставляя видеть в них вечных «варваров», всегда готовых к «набегам» и «бандитскому поведению». Якобы ничего иного от них ожидать не приходится. Надо ли говорить, что такой «культурологический подход» воспитывает лишь подозрительность и недоверие к чеченцам и ингушам, а заодно и ко всем выходцам с Северного Кавказа, подливая масло в огонь ксенофобии и грозя межэтническими конфликтами. И это уже неоднократно отмечали северокавказские ученые, справедливо усматривая в описанном подходе расистские нотки⁴.

XIX век. 8 класс : учеб. для общеобразовател. учреждений. М., 2013. С. 75; 76 ; Шнирельман В. А. Несовместимость культур: от научных концепций и школьного образования до реальной политики // Рус. национализм. М., 2006. С. 209—211.

¹ Подробнее об этом см.: Шнирельман В. А. «Порог толерантности». М., 2006. С. 210; 211.

² Ханаху Р. А., Цветков О. М. Исторический феномен в современном преломлении // Социс. 1995. № 11. С. 61.

³ Кольев (Савельев) А. Чеченский капкан. М., 1997. С. 260—267; 280; 281; 285; 286.

⁴ См., например: Ахмадов Я. З., Гапуров Ш. А. Об освещении «кавказоведческой школой» академика В. Б. Виноградова вопросов истории народов Северного Кавказа // Вестн. Акад. наук Чеченской Республики. 2010. № 2. С. 78—84 ; Абдурахманов Д. Б., Ахмадов Я. З. Битва за Чечню. «Война историографий», или информационная война. Грозный, 2015. С. 108; 300; 319; 328; 333 ; Баудинов И. Марк Блиев. Черкесия и черкесы, Чечня и чеченцы, Осетия и осетины... Что дальше? // Ассоц. чеченских обществен. и культур. объединений. URL: http://chechenasso.ru/?page_id=1652

Между тем концепция М. М. Блиева страдала очевидными огрехами и противоречиями. Так, например, он взваливал весь груз ответственности на ислам, якобы втянувший дружелюбный чеченский народ в тяжелую многолетнюю войну. Он как будто бы забывал о том, что его собственная концепция «набеговой системы», никак не была связана с исламом. Кроме того, делая акцент на «поведенческих особенностях народа», он не объяснял, почему часть чеченских тайпов перешла на сторону русских. Он также навязывал чеченцам XIX в. идеи этнической исключительности и мессианства, свойственные национализму, которого у чеченцев тогда не могло быть, исходя из его же собственной оценки их уровня развития¹. В то же время, как убедительно демонстрировали ингушские и чеченские ученые, при желании элементы «набеговой системы» можно было найти и у осетин².

Однако ни М. М. Блиев, ни его последователи из «Школы Виноградова» такие критические замечания не воспринимают. Сегодня последние иной раз уже выходят за пределы Северного Кавказа, перенося свою аргументацию на еще более широкий круг явлений, и пишут о «всплеске криминала и агрессивной наступательности» гастарбайтеров³, хотя этот аргумент в не меньшей мере связан с культурным расизмом, чем концепция М. М. Блиева⁴.

---

¹ Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа... С. 32; 33; 61; 62; 796.

² *Сознавать* меру ответственности. Трагедия ингушского народа / сост. Ю. Тангиев. Грозный, 1991. С. 23; Ахмадов Ш. Б., Гапуров Ш. А. Дискуссионные вопросы истории Чечни XVIII—XIX вв. // Докл. на Всерос. науч. конф. «Чеченская Республика и чеченцы: история и современность», организованной ИЭА РАН, Москва, 19—20 апреля 2005 г.; Баудинов И. Чеченская история от Марка Блиева // Чечен. о-во сегодня. М., 2006. № 4; Абдурахманов Д. Б., Ахмадов Я. З. Битва за Чечню... С. 24—31; 34; 35.

³ См., например: Дударев С. Л. На нелегких путях интеграции и взаимопонимания // Межэтничес. взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития рос. государственности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. С. 7—10.

⁴ См.: Шнирельман В. А. СМИ, «этническая преступность» и мигрантофобия // Язык вражды против общества / А. М. Верховский (ред.). М.: Центр «Сова», 2007. С. 107—149; *Его же*. СМИ, борьба с «этнической преступностью» и культурный расизм // Россия — не Украина: современные акценты национализма / А. Верховский (ред.). М.: Центр «Сова», 2014. С. 114—139.

Таким образом, рассмотренный северокавказский дискурс основывался на двух идеях, воспроизводящих логику культурного расизма: во-первых, горцы представлялись вечными «разбойниками и грабителями», что якобы вытекало из их неизменной «этнопсихологии»; во-вторых, доказывалось, что своей культурой они якобы разлагали окружающих, и под влияние их «расово-психологического типа» попадали казаки. Все это иллюстрировалось тщательно отобранными фактами из эпохи Кавказской войны, которые искусственно и без учета исторического контекста сопоставлялись с данными кардинально иных исторических периодов — Второй мировой войны и 1990-х гг. В итоге горцы рисовались некими «варварами», которых следовало «цивилизовать», но которые не только этому сопротивлялись, но и были попросту неспособны к «интеграции» в силу своих «этнопсихологических особенностей». Так и появилась модель культурного расизма, которая в течение последних 10—15 лет стала применяться не только к кавказским горцам, но и к гастарбайтерам из Центральной Азии.

Аналогичную траекторию такая же идеология проделала и в Австрии, где правые экстремисты вначале говорили о «турецкой угрозе», экстраполируя события 1683 г. на современность, а затем расширили рамки этой угрозы, приписав ее всем выходцам из «исламского мира», противопоставив его «христианской цивилизации».

Проанализированные примеры показывают, что современная ксенофобия, во-первых, развивается по модели не биологического, а культурного расизма, во-вторых, апеллирует к исторической памяти, в-третьих, обладает кумулятивными свойствами и потенциальностью к экспансии, включая в сферу своего интереса все новые группы «других». Ключевыми понятиями ксенофобии служат «культура», «религия» и «цивилизация», которые эссенциализируются и используются для выстраивания непродолимых границ, препятствующих интеграции «чужаков». Но при этом именно последние обвиняются в «неспособности к интеграции».

Владимир Волох

*доктор политических наук, профессор кафедры
государственного управления и политических технологий
Института государственного управления и права
Государственного университета управления*

Москва, Россия

ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ

Основным документом, на основании которого строится вся деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации в сфере миграции населения, является Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная в 2012 г. на самом высоком политическом уровне.

До июня 2012 г. документом, который концептуально определял направление политики в сфере миграции населения, была Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, одобренная распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 марта 2003 г.¹ Этот документ прежде всего был нацелен на борьбу с незаконной миграцией, которая рассматривалась преимущественно как «вызовы и угрозы». Кроме того, в документе не было дано определение сущности и структуры миграционных процессов в России, не выделены основные этапы реализации концепции, и он в целом носил декларативный характер².

В целях исправления сложившегося положения Совет безопасности Российской Федерации в соответствии с решениями от 17 марта 2005 г. и от 18 марта 2006 г. дал поручение заинтересованным федеральным органам исполнительной власти разработать проект Концепции государственной миграционной по-

---

¹ *Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 10. Ст. 923.*

² *См.: Тюркин М. Л. Миграционная политика Российской Федерации. Опыт и перспективы развития. М. : Зимогляд, 2009. С. 45; 46.*

литики Российской Федерации. Таким образом, работа над проектом велась с 2005 г.

В 2011 г. проект концепции дважды рассматривался на заседаниях Общественного совета при ФМС России. Для этого было подготовлено экспертное заключение для Общественной палаты Российской Федерации, которое легло в основу рассмотрения (дважды) в этой Палате проекта концепции.

Президент Российской Федерации В. В. Путин 13 июня 2012 г. утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее — Концепция).

Данная Концепция представляет собой систему взглядов на содержание, принципы и основные направления деятельности Российской Федерации в сфере миграции.

Структура Концепции состоит из 7 разделов: 1. Общие положения. 2. Условия формирования и реализации государственной миграционной политики Российской Федерации. 3. Цели, принципы, задачи и основные направления государственной миграционной политики Российской Федерации. 4. Международное сотрудничество. 5. Информационно-аналитическое обеспечение реализации государственной миграционной политики Российской Федерации. 6. Основные механизмы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации. 7. Этапы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации.

Она определяет цели, принципы, задачи, основные направления и механизмы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации.

Цели государственной миграционной политики Российской Федерации включают: а) обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, максимальной защищенности, комфортности и благополучия населения Российской Федерации; б) стабилизацию и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации; в) содействие обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей.

В соответствии с целями и задачами государственной миграционной политики сформулированы ее основные направления, которые включают следующие блоки проблем: а) создание для соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан условий и стимулов для переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства; б) разработку дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы, востребованной российской экономикой; в) содействие развитию внутренней миграции граждан Российской Федерации; г) содействие образовательной (учебной) миграции в Российскую Федерацию и поддержки академической мобильности; д) выполнение гуманитарных обязательств в отношении вынужденных мигрантов; е) содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом; ж) противодействие незаконной миграции.

Концепция определяет основные направления международного сотрудничества Российской Федерации в сфере миграции, в которых предусматриваются расширение взаимодействия с международными организациями; создание условий для свободного перемещения и трудоустройства граждан в соответствии с международными соглашениями; гармонизация и унификация миграционного законодательства Российской Федерации; формирование правовой базы сотрудничества с иностранными государствами с целью обмена информацией по вопросам миграции; выработка единых подходов по вопросу реадмиссии граждан третьих государств; развитие многостороннего и двустороннего взаимодействия в сфере миграции; заключение международных соглашений.

В Концепции большое внимание уделяется информационно-аналитическому обеспечению реализации государственной миграционной политики Российской Федерации.

Концепция конкретизировала и определила основные этапы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации (первый этап — 2012—2015 гг., второй — 2016—2020 гг., третий этап — 2021—2025 гг.).

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1502р был утвержден План мероприятий по реализации в 2012—2015 годах (далее — План мероприятий) (первый этап) Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Следуя логике данного исследования, проанализируем ряд показателей по результатам реализации Концепции и Плана мероприятий.

По данным Росстата, численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2015 г. составила 146,3 млн человек, из них 2,3 млн человек проживало в Крымском федеральном округе. По сравнению с началом года число жителей России возросло на 333,6 тыс. человек, или на 0,2 % (на соответствующую дату предыдущего года — на 295,8 тыс. человек, или на 0,2 %).

Увеличение численности населения за январь — декабрь сложилось за счет естественного (+ 33,7 тыс.) и миграционного (+ около 300 тыс.) приростов. При этом миграционный прирост составил 89,9 % от общего прироста населения¹.

Что касается внешней миграции, то динамика въезда иностранных граждан (ИГ) и лиц без гражданства (ЛБГ) на территорию Российской Федерации и их выезда с территории страны в течение последних 5 лет оставалась достаточно стабильной. Общий объем ежегодно прибывающих на территорию Российской Федерации иностранных граждан имел тенденцию к росту. Однако в 2014 г., несмотря на массовое прибытие граждан Украины, в целом отмечается снижение въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию.

Исходя из сведений Центрального банка данных по учету иностранных граждан в 2014 г. (ЦБД УИГ) на территорию Российской Федерации въехало почти 17,8 млн иностранных граждан. Вместе с тем необходимо скорректировать данные по въезду иностранных граждан на территорию Российской Федерации по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а именно исключить из числа въехавших через Крымский федераль-

---

¹ Здесь и далее использованы статистические данные ФМС России.

ный округ и граждан Украины, въехавших с 1 апреля 2014 г. через государственную границу Российской Федерации в Ростовскую, Белгородскую, Воронежскую и Курскую области в массовом экстренном порядке. Таким образом, при сравнении с аналогичным периодом прошлого года (АППГ) корректно считать въехавших в Российскую Федерацию 14,3 млн человек (– 19,9 %; АППГ — 17,9 млн человек).

По национальному составу во всех федеральных округах лидирующие позиции по числу въехавших граждан занимают граждане СНГ, удельный вес которых варьирует в диапазоне от 75,7 % в Центральном федеральном округе до 96,1 % в Приволжском федеральном округе. Исключение составляют Дальневосточный федеральный округ, где на граждан СНГ приходится только 2,0 %, а лидирующие позиции занимают граждане стран Азии (вне СНГ) — 79,7 %, и Северо-Западный федеральный округ, где 48,9 % от числа въехавших — граждане ЕС. В Крымском федеральном округе основной поток въехавших составили граждане Украины (96,4 %).

Наибольшую долю иностранных граждан, прибывших за 2014 г. на территорию Российской Федерации, составляют лица, въехавшие в частных целях, — 43,6 %.

Приведенные данные касаются количественных показателей пересечения иностранцами государственной границы. При этом одно и то же лицо может несколько раз въезжать и выезжать из страны. Что касается находящихся на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства, то по состоянию на 1 января 2015 г. их численность составила около 10,9 млн человек. Особо подчеркнем, что в Российской Федерации постоянно и временно проживают всего около 700 тыс. иностранцев, что составляет менее 0,5 % от общей численности населения страны.

Трудовая миграция является одним из важнейших элементов российской экономики, действенным инструментом рынка труда, стабилизации социально-политической ситуации как в отдельных регионах страны, так и в Российской Федерации в целом.

Ранее действовавшее законодательство в основном было ориентировано на приток временных трудовых мигрантов, ко-

личество которых определялось квотой, а качество практически никак не регулировалось. С 1 января 2015 г. вступил в силу Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, который был направлен на предоставление юридическим и физическим лицам права привлекать к трудовой деятельности иностранных граждан, въезжающих в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, на основании патента.

Таким образом, при привлечении к трудовой деятельности иностранных граждан, прибывших на территорию Российской Федерации в безвизовом порядке, устаревший механизм квотирования был заменен разрешительным порядком осуществления трудовой деятельности по патенту.

В результате введения нового законодательства в 2014 г. на 55,2 % возросло количество оформленных патентов (в 2014 г. — 2,4 млн; в 2013 г. — 1,5 млн). С момента введения такого разрешительного документа было выдано 5,8 млн патентов. По возрастным группам среди трудящихся иностранных граждан большинство составляют лица в возрасте от 18 до 29 лет (46,1 %).

Более половины (58,4 %) всех патентов выдано в Центральном федеральном округе (рост составил 81,3 %). Наибольшее количество патентов выдано в г. Москве (32,9 % от общего количества выданных патентов на территории Российской Федерации, что в 2,7 раза превышает показатель за АППГ), Московской области (16,5 %; + 28,0 %), Санкт-Петербурге (4,4 %; + 38,9 %), Свердловской (2,6 %; + 63,0 %) и Новосибирской (2,6 %; + 9,3 %) областях.

Сумма поступившего в бюджеты налога на доходы физических лиц в виде фиксированного авансового платежа за приобретение патентов в 2014 г. составила почти 18,8 млрд руб. Всего с 1 июля 2010 г. в бюджеты поступило почти 37,6 млрд руб.

Что касается порядка получения разрешительных документов для иностранных граждан, прибывших на территорию Рос-

---

¹ *Собр.* законодательства Рос. Федерации. 2014. № 48. Ст. 6638.

сийской Федерации по визе, то он остался практически прежним. В 2014 г. численность человек, оформивших таких разрешения на работу, снизилась на 4,9 % и составила 1,3 млн человек.

Основными регионами сосредоточения иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании разрешений на работу, являются г. Санкт-Петербург и Ленинградская область (21,1 % от общего количества действительных разрешений на работу в Российской Федерации), г. Москва (20,3 %), Московская область (11,1 %), Ханты-Мансийский АО (3,8 %), Калужская область (3,1 %).

Среди иностранных работников, оформивших разрешения на работу, преобладающее число имеют граждане СНГ — 84,4 % (граждане Юго-Восточной Азии составили 1,6 %, стран ЕС — 0,9 %).

В десятку стран, граждане которых чаще оформляют разрешения на работу, вошли только три визовых страны: Китай — 6,5 %; КНДР — 2,5 %; Турция — 2,3 %. Все остальные — страны СНГ, среди которых на первом месте находится Узбекистан, — 43,5 %.

Из иностранных трудовых мигрантов, оформивших разрешение на работу, абсолютное большинство составляют мужчины (85,2 %).

Качественный состав трудовых мигрантов за последние годы существенно изменился. Так, на 22,6 % увеличилось количество оформленных разрешений на работу квалифицированным специалистам (в 2014 г. — 158,7 тыс.; в 2013 г. — 129,4 тыс.). Из них зарубежным специалистам, прибывшим в Российскую Федерацию в порядке, требующем получения визы, оформлено 28,5 тыс. разрешений, что составило 18,0 % от общего количества оформленных разрешений квалифицированным специалистам.

В качестве высококвалифицированных специалистов (ВКС) за 2014 г. 34,3 тыс. (+ 29,9 %) иностранным гражданам оформлены разрешения на работу, в том числе 32,5 тыс. (+ 44,8 %) — прибывшим ВКС в визовом порядке. На первом месте по привлечению иностранных ВКС находится Китай (около 6 тыс. человек). Основными регионами привлечения ВКС являются г. Москва (59,4 % — от общего числа ВКС, осуществляющих трудовую деятельность на территории Российской Федерации),

г. Санкт-Петербург (8,7 %), Московская (8,7 %) и Сахалинская (7,8 %) области, Краснодарский край (2,3 %).

Для осуществления трудовой деятельности в реализации проекта «Сколково» высококвалифицированным специалистам оформлено 786 разрешений на работу.

В соответствии с Концепцией одним из основных направлений миграционной политики является создание условий и стимулов для переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом. Такая работа проводится на основе Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (Государственная программа), которая является одним из элементов, способствующих демографическому развитию отдельных регионов. С 2013 г. вступила в силу новая редакция Государственной программы.

По состоянию на 25 мая 2015 г. Государственная программа реализуется на большей части территории страны — в 57 субъектах Российской Федерации.

Механизм Государственной программы постоянно совершенствуется, в том числе с учетом массового прибытия украинских соотечественников на территорию России из-за сложной общественно-политической обстановки в Украине.

В частности, в 2014 г. в Государственную программу были внесены изменения, которые предусматривают возможность участия в Государственной программе лиц, получивших временное убежище в Российской Федерации. Данные нововведения позволяют организовать работу, в том числе с соотечественниками, покинувшими территорию Украины и пребывающими на территории России.

При работе с соотечественниками из Украины, получившими временное убежище на территории России, возникает ряд трудностей, в том числе связанных с возможным отсутствием у таких лиц обязательных документов, подаваемых вместе с заявлением об участии в Государственной программе (документов, удостоверяющих личность, документов о семейном положении). Для оказания максимального содействия соотечественникам из Украины, получившим временное убежище в России,

8 октября 2014 г. было издано постановление Правительства Российской Федерации № 1032 «Об организации работы с соотечественниками, постоянно проживающими на территории Украины, прибывшими на территорию Российской Федерации и желающими принять участие в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (вместе с «Временными правилами организации работы с соотечественниками, постоянно проживающими на территории Украины, прибывшими на территорию Российской Федерации, получившими временное убежище в Российской Федерации и желающими принять участие в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»)¹.

Меры законодательного и практического характера, принимаемые в рамках реализации Государственной программы, позволяют превзойти прогнозные показатели по приему соотечественников. С начала реализации Государственной программы и по состоянию на 25 мая 2015 г. в уполномоченные органы за рубежом и территориальные подразделения ФМС России было подано более 292 тыс. заявлений об участии в этой программе на более чем 656 тыс. человек. Всего в рамках программы в Россию переехало свыше 317 тыс. соотечественников. При этом число соотечественников, желающих переселиться в Россию, растет.

В большинстве своем участники Государственной программы и члены их семей относятся к экономически активным слоям населения. Так, доля лиц от 18 до 30 лет составляет более 23 %; от 30 до 40 лет — почти 26 %; от 40 до 50 лет — 14 %; от 50 лет и старше — около 14 %. Большая часть соотечественников (23 %) является несовершеннолетними.

Наиболее значительная часть соотечественников выбрала для проживания в России субъекты Центрального (более 133 тыс. человек), Сибирского (почти 63 тыс. человек) и Северо-Западного федеральных округов (свыше 43 тыс. человек).

Почти 40 % соотечественников-участников Государственной программы и членов их семей имеют высшее либо неокон-

---

¹ *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2014. № 42. Ст. 5743.

ченное высшее образование, 39 % — среднее профессиональное образование, 22 % — полное и основное среднее образование.

В 2014 г. в 73 субъектах Российской Федерации территориальные органы ФМС России приняли и рассмотрели ходатайства о признании беженцами, поступившие почти от 7 тыс. иностранных граждан из 57 государств. Из них около 5,8 тыс. человек составляют граждане Украины (83 %). Доля лиц, признанных беженцами, от общего числа обратившихся с ходатайствами в указанном году составила 4 % (254 человека из 11 стран).

В 85 территориальных управлениях ФМС России в 2014 г. были приняты и рассмотрены заявления о предоставлении временного убежища более 267,8 тыс. выходцев из 49 государств. Среди них большинство составляют граждане Украины (265,4 тыс., или 99 %). Доля лиц, получивших временное убежище, от общего числа обратившихся с заявлениями в отчетном периоде составила 93 % (около 250 тыс. из 31 страны).

С июля 2014 г. происходило экстренное массовое прибытие украинских граждан на территорию Российской Федерации в поисках убежища, которым с 1 августа временное убежище предоставлялось в упрощенном порядке в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 22 июля 2014 г. № 690 «О предоставлении временного убежища гражданам Украины на территории Российской Федерации в упрощенном порядке»¹. В упрощенном порядке были рассмотрены заявления 81 % обратившихся граждан Украины.

Содействие социальной адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество является актуальной задачей миграционной политики Российской Федерации.

Как фундамент для интеграции, по нашему мнению, следует рассматривать знание иностранцами русского языка, истории и основ законодательства России (комплексный экзамен в 2015 г.), который предусмотрен для некоторых категорий иностранцев. В целях информирования иностранных граждан о введении единого комплексного экзамена была организована широкомасштабная информационная кампания.

---

¹ *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2014. № 30 (ч. 2). Ст. 4326.

Для устранения правовых пробелов в области адаптации и интеграции мигрантов, закрепления в законодательстве основных понятий, а также функций и полномочий органов власти всех уровней, а также органов местного самоуправления в данной сфере разработан проект федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации».

В Концепции особо подчеркнута роль общественных институтов. К реализации программ по правовой, социальной и культурной адаптации мигрантов предлагается привлекать национально-культурные автономии. Взаимодействие с диаспорами, а также их привлечение к работе по адаптации и интеграции мигрантов в российское общество способствуют эффективному решению многих задач в миграционной сфере, являются эффективными инструментами предупреждения и локализации конфликтов, в том числе на национальной почве.

Ключевой задачей миграционной политики является и противодействие незаконной миграции, которой уделено внимание и в Концепции, и в Плане мероприятий.

Итак, в целях усиления уголовной ответственности за организацию незаконной миграции внесены поправки в ст. 322.1 Уголовного кодекса РФ, увеличены размер и сроки наказания за такое преступление. Указанное деяние отнесено к преступлениям средней тяжести, а при наличии квалифицирующих признаков — к тяжким преступлениям.

Административная ответственность установлена также приглашающей стороне за неисполнение обязанностей по материальному, медицинскому и жилищному обеспечению приглашенного иностранца, а также за предоставление заведомо ложных сведений о его цели.

Изменения внесены и в ст. 26 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (в редакции от 13 июля 2015 г.) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»¹, устанавливающие запрет на въезд в Россию в течение 3 лет для лиц, которые в период своего предыдущего пребывания не выехали до истечения 30 суток со дня окончания

---

¹ См.: *ПГ*. 1996. 22 авг.

срока временного пребывания. Следует добавить, что в стране находится значительное число иностранцев с нарушением срока пребывания. Именно на эту категорию и направлен закон. Безусловно, эти изменения коснутся в первую очередь граждан СНГ, которые приезжают в Россию без виз и впоследствии «задерживаются» и незаконно работают. В этом направлении должно осуществляться тесное партнерское взаимодействие с правоохранительными и миграционными органами стран СНГ в рамках соглашений.

С принятием Концепции и Стандарта деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти на Общественный совет при ФМС России были возложены новые полномочия, которые оптимизировали участие гражданского общества в формировании и реализации миграционной политики Российской Федерации.

На заседаниях Общественного совета при ФМС России рассматриваются наиболее важные вопросы, связанные с повышением роли общественных организаций в реализации положений Концепции. Причем практически все положения были рассмотрены на заседаниях Совета в открытом режиме с приглашением руководства и представителей ФМС России, федеральных органов исполнительной власти, научного сообщества, общественных и религиозных организаций, СМИ и референтных групп. На официальном Интернет-сайте ФМС России размещена информация об итогах всех проведенных Общественным советом заседаний.

Вопросы миграционного законодательства обсуждаются также на заседаниях общественно-консультативных советов при управлениях и отделах территориальных органов ФМС России.

В связи с введением с 1 января 2015 г. обязательного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации для иностранных граждан, желающих оформить разрешение на работу, патент, разрешение на временное проживание и вид на жительство в 59 субъектах Российской Федерации проведены внеочередные заседания общественно-консультативных советов при территориальных органах службы, посвященные вводимым требованиям.

В 2014 г. в ФМС России состоялось расширенное совещание при руководителе ФМС России К. О. Ромодановском с уча-

ствием министра Российской Федерации М. А. Абызова, на котором был рассмотрен вопрос о реализации Стандарта открытости в ФМС с докладом председателя Общественного совета при ФМС России.

В заключение отметим, что органами власти и институтами гражданского общества проведена значительная работа по выполнению положений Концепции и Плана мероприятий первого этапа.

Из приоритетных направлений деятельности в сфере миграции населения на 2015 г. следует выделить:

- выполнение Плана мероприятий по реализации Концепции и поручений, содержащихся в Послании Президента Российской Федерации;

- совершенствование правового регулирования в сфере миграции;

- повышение эффективности иммиграционного контроля, установление механизмов реализации нового законодательства;

- совершенствование деятельности по адаптации и интеграции мигрантов, в том числе по правовому консультированию, изучению русского языка, основ истории и законодательства России, сотрудничеству с международными, общественными организациями, национальными сообществами;

- дальнейшее развитие международного сотрудничества в миграционной сфере;

- унификацию порядка предоставления и исполнения общественно значимых государственных услуг и функций в сфере миграции с использованием информационных технологий;

- реализацию новой Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников.

Сегодня миграция населения приобретает реальное, практическое значение для решения экономических задач. При этом необходимо сделать так, чтобы выгоды от миграции существенно превышали издержки.

Однако кроме использования миграции для решения экономических задач необходимо решить задачи защиты законных интересов россиян. Российские законы должны быть главенствующими для всех находящихся в России иностранцев.

Лариса Хопёрская

*доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института философии, политологии и права им. А. Баховадинова
Академии наук Республики Таджикистан*

Душанбе, Республика Таджикистан

МИГРАЦИОННАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В настоящее время миграционная политика и этническая политика России тесно переплелись с защитой ее геополитических интересов и реализацией евразийского интеграционного проекта, который был провозглашен Президентом РФ В. Путиным в октябре 2011 г.¹ В 2012 г. было объявлено, что евразийская интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе является внешнеполитическим приоритетом России. С 1 января 2012 г. начало функционировать Единое экономическое пространство Белоруссии, Казахстана и России, а 29 мая 2014 г. был подписан принципиально важный Договор о Евразийском экономическом союзе (Договор ЕАЭС)², который стал действовать с 1 января 2015 г.

ЕАЭС предусматривает проведение общей экономической политики и формирование общего рынка товаров, услуг, труда и капитала, унификацию национального законодательства (в частности, проведение согласованной миграционной политики). Самостоятельный раздел данного Договора посвящен миграции, он регламентирует организованный набор и привлечение трудящихся для осуществления ими трудовой деятельности в государствах-членах без учета ограничений по защите национального рынка труда. В 2014—2015 гг. членами ЕАЭС стали

---

¹ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. URL: www.izvestia.ru/news/50276

² Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (в ред. от 10 окт. 2014 г., с изм. от 8 мая 2015 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264

Армения и Киргизия. Возможность вступления в это региональное объединение рассматривает и Таджикистан.

Следует отметить статью, согласно которой «трудящиеся государства-члена и члены семей обязаны соблюдать законодательство государства трудоустройства, уважать культуру и традиции народов государства трудоустройства, нести ответственность за совершенные правонарушения в соответствии с законодательством государства трудоустройства». То есть договор предусматривает систему мер, направленных не только на обеспечение социальных гарантий трудовых мигрантов, но на уважение образа жизни принимающего сообщества.

Иными словами, нормы этнической политики, зафиксированные в Конституции РФ, Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, законах и правовых актах РФ, должны распространяться на граждан, прибывающих в Россию в качестве трудовых мигрантов. Эта новая ситуация требует теоретического осмысления и заставляет обратиться к небольшому историческому экскурсу.

Российская Федерация как полиэтническое государство всегда уделяла большое внимание национальной политике, вопросам обеспечения равноправия народов, сохранению их культур, языков, представленности в органах власти. В первые постсоветские годы было создано Министерство РФ по делам национальностей, принята Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Но в этот же период появился новый фактор, существенным образом повлиявший на межэтнические отношения в России, — миграционный. Дело в том, что в конце XX — начале XXI в. в России сложилась демографическая структура населения, способствовавшая постоянному росту демографической нагрузки на снижающееся по численности трудоспособное население, ресурсы которого пополнялись за счет миграции.

Кроме механического миграционного прироста происходило качественное изменение этнического состава принимающих российских регионов. Наиболее заметной этнодемографической тенденцией стало сокращение абсолютной численности и процентной доли славянского населения. Приток малоквалифицированной рабочей силы, прежде всего из стран Южного Кавказа

и Центральной Азии, непосредственно стал влиять на социокультурную, языковую, религиозную и политическую структуру местных сообществ.

Наряду с этим произошли следующие события: совмещение имущественного и этнического расслоения, приватизация обеспеченными иноэтничными гражданами земли, рынков и других объектов собственности, использование иноэтничных трудовых мигрантов в районах, характеризующихся безработицей старожильческого населения, формирование этнических преступных группировок и коррупционных кланов.

Этническое измерение экономических, демографических и других социальных процессов, связанных с миграцией, нашло свое выражение в локальных бытовых конфликтах и политических акциях («русские марши», «русские пробежки», митинги против этнической преступности, заявления казачества, создание новых патриотических объединений), количество которых в «нулевые» годы неуклонно росло и превратилось в серьезную угрозу национальной безопасности России. По данным Московского бюро по правам человека, только в 2007 г. на территории Российской Федерации было зафиксировано «230 случаев нападений и конфликтов на почве ксенофобии. В них погибли 74 человека и не менее 317 получили увечья»¹.

Данная ситуация приобрела международный аспект. Так, например, 4 февраля 2008 г. представители киргизской диаспоры в России распространили Заявление в связи с убийствами с начала 2008 г. в России пяти граждан Киргизии. В Заявлении содержалась однозначная оценка убийств как результата деятельности на территории России «националистически настроенных групп», вслед за этим заявлением в общественном дискурсе Киргизии тема ксенофобии в России заняла ведущее место. Парламент подготовил Обращение к Государственной Думе и Совету Федерации Федерального собрания РФ, в ходе обсуждения которого было заявлено: «Последние убийства не позволяют нам дипломатично отмалчиваться. Мы должны подчеркнуть,

---

¹ См. об этом: *Краткий обзор проявлений агрессивной ксенофобии на территории Российской Федерации в 2007 году* / Моск. бюро по правам человека. URL: <http://www.antirasizm.ru>

что Россия обязана соблюдать международные обязательства. В связи с последними убийствами мы должны подчеркнуть, что в нашем обществе среди населения Киргизстана формируется неблагоприятная атмосфера взаимодействия с Россией»¹.

Президент России В. Путин на это ответил, что «граждане стран СНГ, в том числе в России, сталкиваются подчас с проявлениями ксенофобии, нетерпимости и даже с преступными посягательствами на их жизнь. Мы сожалеем и сделаем все для того, чтобы преступники были найдены, изобличены и наказаны. Будем бороться с этим неизменно и постоянно. Вместе с тем мы с вами прекрасно понимаем, что такие проявления национализма и ксенофобии непосредственно связаны с тем, как власти регулируют проблемы миграции. Именно поэтому — я уже говорил об этом ранее — мы приняли решения в сфере экономики, малого бизнеса, руководствуясь прежде всего этими соображениями, чтобы граждане СНГ, которые приезжают на временное проживание в Россию либо хотят остаться на более длительный срок, были защищены, а местное население тоже не чувствовало себя ущемленным, прежде всего на рынке труда. У нас позиция открытая, ясная. Повторяю, еще раз: что касается преступных проявлений — будем с этим бороться»².

Озабоченность складывающейся миграционной ситуацией нашла отражение в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года, ориентированной на совершенствование государственного управления в сфере национальной политики Российской Федерации. В перечень негативных факторов межэтнических отношений была включена «недостаточная урегулированность миграционных процессов, вопросов социальной и культурной интеграции и адаптации мигрантов, не позволяющая в должной мере обеспечить текущие и будущие потребности экономического, социального и демографического развития страны, интересы работодателей

---

¹ *Депутат* парламента Киргизстана Алишер Мамасалиев недоволен текстом письма в Государственную думу России по фактам убийств киргизстанцев в Москве и Санкт-Петербурге. URL: <http://www.24.kg/community/2008/02/22/77633.html>

² См.: *Путин* призывает бороться с ксенофобией на пространстве СНГ. URL: <http://ca-news.info/2008/02/23/5>

и российского общества в целом», а также «незаконная миграция, экспансия международного терроризма и религиозного экстремизма»¹.

В 2010—2014 гг. постоянно воспроизводились конфликтные ситуации (Кондопога, Манежная площадь, Сагра, Хотьково, Пугачёв, Бирюлёво и др.), которые получили большой общественный резонанс. Социологи фиксировали устойчивость ксенофобских и националистических настроений в российском обществе. По данным Левада-Центра, на вопрос — «Какой политики должно придерживаться правительство России в отношении приезжих?» — в июле 2014 г. 76 % респондентов дали следующий ответ — «пытаться ограничить приток приезжих», а 64 % считали, что нелегальных иммигрантов из стран ближнего зарубежья следует выдворять за пределы России².

В качестве реакции власти на эти настроения в этническую политику и политику трудовой миграции были внесены существенные новации. В частности, в специально принятом федеральном законе³ устанавливалось, что к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ и муниципальных образований всех уровней в сфере межнациональных отношений относятся укрепление межнационального и межконфессионального согласия; предотвращение дискриминации по признакам национальной, языковой или религиозной принадлежности; социальная и культурная адаптация мигрантов.

Невыполнение этих полномочий является основанием для отправления в отставку глав субъектов РФ и глав муниципальных образований.

---

¹ *Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года* : утв. указом Президента Рос. Федерации от 19 дек. 2012 г. № 1666. URL: <http://kremlin.ru/news/17165>

² См.: *Общественное мнение* — 2015. М. : Левада-Центр, 2014. С. 143.

³ *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений* : федер. закон от 22 окт. 2013 г. № 284-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2013/10/23/mezhnacionalnye-site-dok.html>

Выступления против ксенофобии в государствах-донорах трудовых мигрантов, с одной стороны, и антимигрантские акции старожильческого населения в различных регионах России, с другой, обусловили необходимость ужесточения политики трудовой миграции. С целью регламентирования потоков трудовой миграции были предприняты специальные меры.

В июле 2014 г. вступил в действие Федеральный закон, который предусматривает въезд граждан государств СНГ на территорию Российской Федерации только по заграничному паспорту (ранее въезд осуществлялся по внутренним паспортам), а также устанавливает, что выдача разрешения на работу или патента иностранному гражданину, прибывшему в Россию в порядке, не требующем получения визы, возможна только в случае указания им в миграционной карте цели визита в Российскую Федерацию — работа¹.

С 1 января 2015 г. вступил в силу Федеральный закон, в котором определено, что законно находящийся на территории Российской Федерации иностранный гражданин, прибывший в порядке, не требующем получения визы, имеет право осуществлять трудовую деятельность на основании патента. Для получения патента иностранный гражданин в течение 30 календарных дней со дня въезда в Российскую Федерацию представляет лично или через уполномоченную субъектом Российской Федерации организацию в территориальный орган ФМС России заявление о выдаче патента².

Этим же законом установлено, что к иностранным гражданам, за исключением высококвалифицированных специалистов, желающим оформить разрешение на работу, патент, разрешение на временное проживание или вид на жительство, предъявляются следующие требования: владеть русским языком, знать историю и основы законодательства Российской Федерации. Трудо-

---

¹ *О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»*: федер. закон от 21 июля 2014 г. № 230-ФЗ. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38707>

² *О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации*: федер. закон от 24 нояб. 2014 г. № 357-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2014/11/27/inostr-dok.html>

вому мигранту необходимо встать на миграционный учет и получить ИНН, пройти медицинское освидетельствование и приобрести полис добровольного медицинского страхования. На оформление отводится 1 месяц, мигрантам, не успевшим уложиться в срок, грозят штраф до 10 тыс. руб. и выдворение после 90 дней пребывания в стране.

С 10 января 2015 г. вступил в силу Федеральный закон, предусматривающий для нарушителей миграционного законодательства запрет на въезд в Россию на период от 3 до 10 лет в зависимости от времени их незаконного пребывания на ее территории¹. За превышение срока законного пребывания в России свыше 120 дней иностранцам запрещается посещение страны сроком на 3 года, 180 дней — запрещается посещение страны сроком на 5 лет. Под десятилетний запрет въезда подпадают иностранные граждане или лица без гражданства, которые во время своего предыдущего пребывания в России не выехали из страны и находились на российской территории непрерывно свыше 270 суток со дня окончания предусмотренного законом срока, т. е. непрерывное пребывание в стране у которых составляет больше 1 года. По данным Федеральной миграционной службы, на сегодняшний день перед 1 млн 300 тыс. нарушителей российского законодательства уже опущен шлагбаум на Государственной границе Российской Федерации².

Россия заключила соглашения о реадмиссии, т. е. о согласии на прием обратно на свою территорию граждан, которые подлежат депортации из РФ, с Арменией, Узбекистаном, Казахстаном, Киргизией, Украиной, Белоруссией, ведет подготовку к заключению международных договоров о реадмиссии с Азербайджаном, Молдавией, Таджикистаном, Туркменистаном и Абхазией.

Механизмами ужесточения административного контроля с целью предупреждения совершаемых мигрантами правонару-

---

¹ *О внесении изменений в статью 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»* : федер. закон от 31 дек. 2014 г. № 524-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173153

² *Усиление ответственности за нарушение миграционного законодательства*. URL: http://www.fms.gov.ru/press/news/news_detail.php?ID=8743

шений стали обязательная государственная дактилоскопическая регистрация, депортация и выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы РФ, усиление ответственности за массовую регистрацию граждан в «резиновых» квартирах.

О результативности нововведений можно судить по следующим данным за 2014 г.: численность иностранных граждан, поставленных на миграционный учет, возросла более чем на 2 млн человек; количество оформленных патентов увеличилось на 55,2 %; сумма поступившего в бюджеты налога за приобретение патентов составила почти 18,8 млрд руб.¹

На первом месте по количеству граждан, оформивших патент, находится Узбекистан (37,4 %), далее следуют Таджикистан (20,3 %), Украина (12,0 %), Молдавия (8,5 %). Эти данные позволяют сделать выводы об этническом составе потоков трудовых мигрантов и целенаправленной работе с государствами-поставщиками рабочей силы.

В соответствии с Договором ЕАЭС трудовые мигранты из государств-членов ЕАЭС (Армения, Белоруссия, Казахстан и Киргизия) могут не сдавать экзамены по истории и основам права РФ, а также могут не приобретать патент, что существенно сокращает финансовые затраты и организационные усилия этих мигрантов.

Особую актуальность этот Договор приобрел в контексте резкого падения курса рубля в конце 2014 г., которое привело к падению доходов гастарбайтеров в 2 раза и уже оказало заметное влияние на миграционные процессы на постсоветском пространстве. Сокращение объемов трудовой миграции и размера заработка непосредственно повлекло за собой сокращение размеров денежных переводов мигрантов, что особенно было заметно для стран, где эти денежные поступления составляют существенную долю ВВП (Таджикистан (42 %), Киргизия (32 %), Молдавия (25 %) и Армения (21 %)).

Следует признать, что миграционная политика в настоящее время стала одним из факторов геополитического развития

---

¹ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2014 год и плановый период 2015—2017 годов. URL: http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/b26/doklad_2014_naplan_2015_2017.pdf

постсоветских государств, поскольку предусматривает преференции гражданам государств, которые являются геополитическими союзниками России.

В заключение можно представить вывод о том, что в 2014—2015 гг. миграционная политика России стала основываться на дифференцированном подходе к миграционным потокам. Этот принцип должен лежать и в основании ее дальнейшей трансформации. В то же время успешность геополитических устремлений России на постсоветском пространстве во многом зависит от способности власти обеспечить снижение уровня ксенофобии и мигрантофобии, т. е. от степени эффективности осуществления государственной национальной политики.

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
«МИГРАЦИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА»**

Ильдар Аминов

*кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права
Института права Башкирского государственного университета*

Уфа, Россия

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ФЕДЕРАТИВНОЙ РОССИИ

Эффективное управление миграционными процессами предполагает не только организацию действенного контроля над пребыванием иностранных граждан и осуществлением ими трудовой деятельности на территории страны, но и плановую деятельность в области инкорпорирования мигрантов. Результатом интеграции мигрантов должно быть содействие формированию у них стремления к обретению российской гражданской идентичности¹.

Для появления такого тренда необходимо выполнение условий, не связанных напрямую с трудовой миграцией. Одним из них является превращение России в современное развитое и привлекательное государство, в котором гражданская идентичность воспринимается как основополагающая ценность, отражающая сплоченность, достойную жизнь и возможности развития каждого человека независимо от его этничности, социального положения, религиозных убеждений.

Для адаптации, интеграции мигрантов в социум необходимо применение ряда технологий. Так, успешно применяются технологии социальной работы с мигрантами, психологического сопровождения мигрантов в образовательной среде и т. д. Но они носят преимущественно локальный характер, отличаются ограниченностью сферы воздействия. В связи с этим представляется целесообразным применение политических технологий.

Создание нового социокультурного пространства — интеллектуальной среды приема и проживания мигрантов, которое необходимо конструировать в первую очередь на субнациональ-

---

¹ *Дмитриев А. В.* Интеграция трудовых мигрантов в мегаполисе: локальные модели, контекст идентичности (методология и методы исследования) // Социол. исслед. 2013. № 5. С. 49—56.

ном и локальном уровнях управления миграционными процессами, также можно представить в виде политической технологии.

Основными субъектами в данном случае будут выступать государство и различные институты гражданского общества, а значимыми социальными группами — сами мигранты, население, работодатели и политическая элита.

Создание интеллектуальной среды приема и проживания мигрантов непосредственно затрагивает их интересы, во многом несовпадающие. Так, мигранты стремятся к стабилизации положения, прекращению дискриминации на рынке труда. Работодатели, в свою очередь, стремятся максимизировать прибыль, в том числе за счет использования труда нелегальных мигрантов. Политическая элита (политические партии) использует негативное отношение принимающего населения к мигрантам для усиления политического «веса» в период предвыборной кампании.

Государство, различные институты гражданского общества проводят первичный мониторинг социально-экономической, политической, культурной ситуации в городе, субъекте РФ, на уровне государства и т. д. Для проведения мониторинга используются сравнительный, исторический, аналитический методы, метод экспертной оценки. Они позволяют выявить проблемы, риски, тенденции в сфере миграции, на которые необходимо воздействовать методами политического управления.

В ходе мониторинга также выявляются проблемы в региональном разрезе, позитивный опыт отдельных регионов, который можно с учетом субнациональной специфики транслировать в других субъектах РФ.

Целесообразно обозначить и целевую аудиторию конкретных программ: некоторые проекты могут быть направлены на адаптацию вновь прибывших трудовых мигрантов, оказание содействия в сдаче экзаменов и получении патента, а другие программы могут быть нацелены на инкорпорацию уже легализовавшихся мигрантов. После определения «мишеней» необходимо четко обозначить цель, задачи, а также выбрать механизмы, методы формирования интеллектуальной среды приема и проживания мигрантов.

Так, можно применять законодательно-правовой, организационный (административный), проектно-целевой, информационный и научно-исследовательский механизмы. Из основных методов следует выделить моделирование, планирование, программирование, прогнозирование, метод построения сценариев и т. д.

В результате формируется интеллектуальная среда приема и проживания мигрантов, результатом реализации которой являются интеграция мигрантов в российский социум, снижение уровня межэтнической напряженности, повышение толерантности российского общества, комфортное сосуществование мигрантов и принимающего населения. Все это впоследствии с большой долей вероятности будет способствовать стабилизации социально-экономической, социокультурной, политической ситуации в государстве.

Интеллектуальная среда приема и проживания мигрантов предполагает формирование дружественного как для мигрантов, так и для принимающего сообщества пространства, в котором содействие межличностным коммуникациям оказывают органы государственной власти, неправительственные организации, иные политические акторы.

Данное пространство, с одной стороны, может быть создано при высоких интегральных показателях (общий уровень интеллектуальной культуры граждан, политическая компетентность, политическая мобильность и гибкость), с другой — созданная и функционирующая интеллектуальная среда будет самостоятельно воспроизводить и репродуцировать данные показатели (характеристики).

В условиях роста ксенофобии и мигрантофобии среди населения России, а также при нежелании и неготовности временных трудовых мигрантов интегрироваться в российский социум актуализируется проблема поиска баланса и выстраивания качественно нового уровня отношений между мигрантами и принимающим населением. Можно в полной мере согласиться с позицией И. А. Ивахнюк, которая считает, что интеграцию мигрантов необходимо понимать не как двухсторонний или трехсторонний процесс, а как четырехсторонний, в котором наряду с мигрантами и коренным населением должны принимать уча-

стие принимающее государство и государство исхода мигрантов¹. Следует отметить, что только при активном участии акторов на всех уровнях возможна реализация эффективного механизма политического управления миграционными течениями.

Интеллектуальная среда приема и проживания мигрантов создается не с нуля, так как в каждом субъекте Российской Федерации накоплены определенные интегративные практики. Поэтому целесообразно создать интерактивную карту интеллектуальной среды приема и проживания мигрантов, которая отображала бы числовой коэффициент каждого компонента интеллектуальной среды, описание качественных характеристик, а также итоговый показатель значения для каждого субъекта РФ. Этот проект реализуем в перспективе, но для создания комплексной карты требуется значительный объем эмпирических данных, собранных в каждом регионе.

Схожий проект реализует Центр изучения национальных конфликтов (ЦИНК), который с 2013 г. публикует рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Он представлен в виде интерактивной карты с разбивкой по цветам: красный (очень высокая напряженность); оранжевый (высокая напряженность); желтый (средняя напряженность); зеленый (низкая напряженность); синий (очень низкая напряженность).

Основными задачами проекта являются выявление факторов роста межэтнической напряженности (которую авторы проекта понимают как состояние социума, которое предшествует межэтническому конфликту), классификация регионов по уровню межэтнической напряженности, установление причин возникновения и роста напряженности в «красных» и «оранжевых» регионах, а также отслеживание динамики напряженности в субъектах РФ.

В рамках проекта была организована система мониторинга более 50 федеральных и региональных Интернет-порталов, а также проведен экспертный опрос специалистов федерального и регионального уровней. По результатам рейтинга, опублико-

---

¹ *Ивахнюк И. А.* Интеграция мигрантов с точки зрения государства // Миграция. XXI век. 2014. № 3—4. С. 23; 24. URL: [http://mirpal.org/files/files/migraciaXXI-23-24%20\(2\).pdf](http://mirpal.org/files/files/migraciaXXI-23-24%20(2).pdf)

ванного в октябре 2014 г., к регионам, входящим в «красную» зону риска, были отнесены Москва, Республика Дагестан, Ханты-Мансийский автономный округ (рисунок).

Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России (весна — осень 2014 г.)¹: ■ — очень высокая напряженность; ■ — низкая напряженность; ■ — высокая напряженность; ■ — очень низкая напряженность; ■ — средняя напряженность

В г. Москве эксперты традиционно оценивают напряженность как очень высокую, что связано со значительным миграционным притоком. Снижение межэтнической напряженности возможно при условии создания в стране других мощных экономических центров, которые оттянули бы на себя часть миграционного потока. Однако предпосылок для этого пока нет, временное перераспределение потоков иностранной рабочей силы может быть связано только с подготовкой регионов к чемпионату мира по футболу. Таким образом, в столице сохраняется стабильно напряженная межэтническая ситуация. Высокий уровень миграции, геттоизация окраин столицы и бюрократический под-

---

¹ См.: *Гроздь гнева*. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России : Интернет-сайт ЦИНК. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/>

ход местных властей к решению межнациональных проблем формируют мощный конфликтный потенциал.

В Республике Дагестан напряженная ситуация в сфере межнациональных отношений связана, во-первых, с негласной практикой распределения должностей по национальному признаку, во-вторых, с острыми противоречиями между представителями многочисленных местных этносов. Эксперты отмечают парадоксальную разобщенность, доходящую до вооруженной междоусобицы аварцев, лезгинов и т. д. на фоне их высокой сплоченности в качестве «дагестанцев» за пределами малой родины, проявляемую особенно ярко во взаимоотношениях с представителями других национальностей.

Основное количество проблем в сфере миграции связано с продолжающимся мощным оттоком населения, прежде всего молодежи, из Дагестана в Москву и другие экономически развитые регионы. Согласно данным Росстата, в 2013 г. в республику въехало 41 737 человек, а выехало 63 297¹: уровень неттомиграции является отрицательным, и эта тенденция особенно опасна в среднесрочной перспективе. С одной стороны, это позволяет в какой-то степени разрядить обстановку в самой республике, с другой — повышает «среднероссийский» уровень межэтнической напряженности и формирует негативное отношение к выходцам с Кавказа.

Тревожной тенденцией является вербовка радикальными исламистами кавказской молодежи для участия в боевых действиях на стороне террористов Исламского государства. Росту напряженности способствуют высокая безработица, деиндустриализация региона в постсоветский период, архаизация общества, коррупция. Таким образом, в Республике Дагестан в ближайшей перспективе маловероятна стабилизация ситуации в межнациональной сфере.

В Ханты-Мансийском автономном округе сложилась ситуация, противоположная большинству регионов страны, где на фоне украинского кризиса наблюдаются консолидация общества и снижение уровня межэтнической напряженности.

---

¹ См.: Интернет-сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/>

Но конфликты в основном имеют насильственный и массовый характер, не разрешены противоречия между представителями коренных народов и нефтедобывающими компаниями, регулярно происходят задержания членов экстремистских религиозных организаций. Мероприятия по нормализации обстановки, проводимые органами местной власти и правопорядка, демонстрируют чрезвычайно низкую эффективность, большинство принимаемых мер носят аппаратный характер и не связаны с непосредственной работой с населением.

Ситуация усугубляется еще и тем, что кризис в сфере межнациональных отношений не признается региональной властью¹. Таким образом, низкая эффективность работы ответственных чиновников, переплетение межнациональной и межконфессиональной вражды и обострение социально-экономических противоречий обусловили взрывоопасную обстановку в регионе.

Рейтинг субъектов РФ по уровню межэтнической напряженности, разработанный ЦИНК, может успешно применяться при планировании эффективной миграционной политики государства. Уровень межэтнической напряженности является одним из основных компонентов, входящих в интеллектуальную среду приема мигрантов и неотъемлемым условием ее создания. Однако только одного этого показателя недостаточно для отображения целостной картины миграционной ситуации в регионе, в связи с чем целесообразно ввести ряд дополнительных параметров. Так, необходимо конкретизировать условия создания интеллектуальной среды приема и проживания мигрантов и ее неотъемлемые компоненты. К некоторым условиям относятся доступ мигрантов к получению образования, медицинским услугам и т. д., а также эффективная работа правоохранительных органов.

Определенные показатели являются одновременно и условиями, и компонентами, что предполагает необходимость существования определенного параметра для возможности конструирования среды, и одновременно с этим сама созданная среда будет воспроизводить данные индикаторы. К таким усло-

---

¹ URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/>

виям и компонентам можно отнести уровень межэтнической напряженности, наличие инфраструктуры для интеграции и адаптации мигрантов, образ мигранта в средствах массовой информации, отношение местного населения к мигрантам и т. д.

При наличии и реализации данных условий возможно целенаправленное создание интеллектуальной среды приема и проживания мигрантов, результатом которой будет интеграция мигрантов в российский социум, повышение уровня толерантности в обществе, достижение социальной, культурной стабильности в государстве.

Особый интерес представляют выявленные прямые и обратные зависимости между «стартовыми» условиями формирования интеллектуальной среды приема и проживания мигрантов и планируемым результатом. Например, существует прямая зависимость между образом мигранта в СМИ и формированием интеллектуальной среды: чем позитивнее образ мигранта в СМИ, тем проще реализовать на практике компоненты интеллектуальной среды приема и проживания мигрантов. Это же относится к таким входным условиям, как отношение местного населения к мигрантам, наличие инфраструктуры для адаптации, интеграции мигрантов, доступ мигрантов к образованию и т. д., работа правоохранительных органов. Чем выше суммарное значение показателей по этим параметрам, тем проще будет проходить формирование интеллектуальной среды в регионе. Обратная зависимость наблюдается в отношении таких параметров, как уровень межэтнической напряженности, уровень дискриминации. Чем больше применяется дискриминационных практик по отношению к мигрантам, тем более затруднено конструирование интеллектуального пространства.

О. Ф. Шабров отмечает, что политические технологии всегда связаны с распределением политической власти¹. На примере интеллектуальной среды приема и проживания мигрантов этот феномен можно наблюдать в двух плоскостях: вертикальной и горизонтальной. Вертикальное распределение предполагает разграничение полномочий субъектов создания интеллек-

---

¹ Шабров О. Ф. Политические технологии // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 328—330.

туальной среды в зависимости от уровня политического управления. При этом образ мигранта в СМИ может создаваться как на транснациональном, национальном, так и на субнациональном уровнях. Горизонтальная или линейная плоскость подразумевает разграничение и распределение властных полномочий между субъектами одного уровня: например, на локальном уровне за интеграцию мигрантов отвечают общественные организации и сами мигранты.

Указанные показатели отобраны в силу нескольких причин: во-первых, все они могут быть отображены в конкретных цифрах, во-вторых, они компилируют практики взаимодействия мигрантов, местного населения и государств приема в конкретном субъекте Федерации. Немаловажными являются и такие показатели, как политическое участие мигрантов в жизни принимающего общества, отсутствие дискриминационных практик, простота получения гражданства и т. д. Но эти параметры (показатели) зависят в первую очередь от федерального законодательства и реализуются на национальном уровне, а интеллектуальная среда формируется на субнациональном и локальном уровнях. При рассмотрении каждого показателя представлено обоснование его значимости, а также совокупность методик, позволяющих измерить числовое значение коэффициента.

Распад СССР спровоцировал волну националистических настроений в ряде государств (например, в Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане). Русский язык в них потерял статус государственного и практически перестал преподаваться в школах, университетах. Это привело к снижению грамотности, в том числе языковой, среди трудовых мигрантов, въезжающих в Россию. У этой категории мигрантов в силу ряда причин отсутствуют стимулы для интеграции в российское общество.

Первая причина заключается в том, что значительная часть мигрантов не рассматривает Россию как страну постоянного пребывания и будущего места жительства, а планирует вернуться в государство исхода¹.

---

¹ *Селина М. В.* Киргизские мигранты не хотят жить в России постоянно : эксперт. сайт Высш. шк. экон. URL: <http://opec.ru/1721134.html>

Вторая причина заключается в том, что в крупных городах России, являющихся центрами миграционного притяжения, за последние годы значительно развилась этническая (миграционная) инфраструктура, удовлетворяющая основным потребностям мигрантов. Так, в г. Москве сформировались этнические кафе, которые нацелены на обслуживание мигрантов или которые созданы самими мигрантами: в них играет национальная музыка, предлагается широкий ассортимент национальных блюд, организуются встречи с земляками.

Третья причина связана с тем, что подавляющее большинство мигрантов, прибывших из стран постсоветского пространства, используют на первичном этапе так называемые «мигрантские сети» (родственники, знакомые, земляки), общение через эти каналы коммуникации осуществляется на родном для мигрантов языке. Опора на неформальные институты и мигрантские сети неминуемо сопровождается социальной исключенностью, анклавизацией и геттоизацией, но при этом является одной из стратегий адаптации самих мигрантов к дискриминации¹.

С 1 января 2015 г. введен обязательный экзамен для мигрантов (за исключением высококвалифицированных специалистов) на знание русского языка, основ российской истории и законодательства, что актуализирует вопрос о создании условий для изучения мигрантами русского языка. На субнациональном и локальном уровнях (особенно в г. Москве и г. Санкт-Петербурге) функционируют бесплатные курсы русского языка для мигрантов.

Но в данный момент наблюдается недобор «учеников», что эксперты связывают, во-первых, с высокой загруженностью трудовых мигрантов, во-вторых, с недостаточной информированностью мигрантов о возможности получения бесплатного образования. Попыткой преодолеть эти проблемы является открытие петербургской газетой для выходцев из Средней Азии «Туран» онлайн-курсов русского языка, которые можно проходить самостоятельно в любое время. Бесплатные курсы по изу-

---

¹ См.: *Мигранты*, мигрантофобии и миграционная политика / отв. ред. В. И. Мукомель. М., 2014.

чению русского языка проводятся на базе церквей и мечетей. Летом 2013 г. в рамках программы РПЦ по социокультурной адаптации мигрантов 150 приезжих прошли курсы русского языка, культуры и истории при православных храмах. Это свидетельствует о увеличении количества субъектов политического управления.

К данной инициативе целесообразно привлекать работодателей, мотивируя их создавать условия для получения мигрантами знаний по русскому языку. Но эта мера требует законодательного закрепления. Данный опыт реализован в Швейцарии, где после провала политики мультикультурализма ответственность за интеграцию мигрантов была перенесена с национального уровня на локальный, т. е. на организации, использующие труд мигрантов. Помимо этого необходимо ужесточение законодательства для работодателей, использующих труд нелегальных мигрантов.

Дружественное информационное пространство для мигрантов может быть реализовано на базе многофункциональных центров, а также «горячей линии» с возможностью выслушать мигранта на родном языке. Такую деятельность осуществляет, например, общественная организация «Миграция и закон», в штате которой работают представители различных национальностей¹. Это позволяет мигрантам получить понятную юридическую, психологическую консультацию.

Показатель наличия инфраструктуры для интеграции и адаптации мигрантов можно измерить в нескольких системах координат: количество многофункциональных центров для мигрантов; количество региональных и локальных неправительственных организаций, работающих с мигрантами; наличие представителей различных диаспор в регионе и отдельных филиалов диаспоральных организаций (процент от числа населения, процент от числа мигрантов); количество структур (государственных, неправительственных, религиозных и т. д.), на базе которых мигранты могут изучить русский язык.

---

¹ См.: Интернет-сайт Интеграционного центра «Миграция и закон». URL: <http://www.migrocenter.org/>

Итак, наличие инфраструктуры для интеграции и адаптации мигрантов является как условием, так и компонентом интеллектуальной среды приема и проживания мигрантов. Инфраструктура может создаваться как со стороны государства, институтов гражданского общества, так и со стороны самих мигрантов и принимающего населения.

Закон, принятый в России, закрепляет право трудовых мигрантов на медицинское обслуживание и оформление больничных листов¹. Эта мера, кроме уравнивания в первичных правах резидентов и нерезидентов РФ, также будет объективно способствовать повышению уровня жизни мигрантов и, следовательно, улучшению социального самочувствия общества. Действие закона будет распространяться только на легальных мигрантов, имеющих медицинский полис. С одной стороны, это должно способствовать стремлению мигранта легализоваться, но, с другой стороны, это означает, что значительная часть целевой аудитории закона не сможет получать медицинское обслуживание в силу того, что работодатели не заинтересованы в увеличении издержек в данной сфере, и многие мигранты останутся в теневом секторе.

Таким образом, одним из результатов создания интеллектуальной среды приема будет формирование позитивных интеграционных установок у всех участников среды, что объективно будет способствовать выстраиванию новой многоуровневой и многосубъектной модели взаимоотношений между всеми участниками. Позитивные интеграционные установки также позволят повысить уровень толерантности в обществе и, следовательно, снизить межнациональную напряженность, стабилизировать социально-экономическую и политическую ситуацию в России.

---

¹ *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством*: федер. закон от 1 дек. 2014 г. № 407 // РГ. 2014. 10 дек.

Виктор Глебов

*кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры экологии человека
Российского университета дружбы народов*

Москва, Россия

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ СТУДЕНТОВ КИТАЯ И АФРИКИ: ТЕЧЕНИЕ И СЛОЖНОСТИ АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В конце 80-х гг. XX в., когда в Китае Дэн Сяопин принял принципиально важное решение: ежегодно посылать на учебу за границу по 3 тыс. студентов и ученых. Расчет видного руководителя страны был таков: если хотя бы 15 % из отправленных за рубеж возвратятся на родину — это будет большой выигрыш для страны. В настоящее время Китайская Республика вышла в мировые лидеры по количеству студентов, которые проходят обучение за рубежом. Вместе с этим отмечается, что $\frac{1}{3}$ обучающихся после окончания зарубежного вуза возвращается домой. С 1978 по 2009 г. по разным источникам из Китая за границу с целью обучения выехало около 1,62 млн человек. География образования китайской молодежи сосредоточена на развитых странах, таких как США, Великобритания, Австралия и Япония. По статистическим данным в 2009—2010 учебном году число китайских студентов в американских учебных заведениях составило более 127 тыс. человек — 18,3 % от общей суммы иностранных студентов.

В этом плане Россия с ее снижающимся качеством образования, сложной социально-экономической ситуацией и ростом мигрантофобией и национализмом является не привлекательной для китайских абитуриентов. Поэтому в России получают российское образование не более 20 тыс. человек. Хотя в 50-е гг. прошлого века китайские студенты были многочисленной группой, получающей российские знания как в системе высшего, так и средне-специального технического образования. Тем не менее желание обучаться в России у китайской молодежи существует. Оно стимулируется интенсивно развивающимся двусторонним

экономическим сотрудничеством, порождающимся потребностью в хорошо подготовленных кадрах, владеющих техническими, экономическими, экологическими знаниями и русским языком. Еще одним стимулом обучения в России является сохранившийся в стране относительно высокий уровень некоторых технологий, например связанной с космосом, которые Китай хотел бы перенять. И, наконец, обучение в России обходится намного дешевле, чем на Западе. Например, в среднем обучение в российском вузе оценивается 2 000—4 000 долл., что доступно значительному количеству китайских семей. На Западе цена на порядок выше. Существенно и то, что при поступлении в российский вуз не требуется сдавать экзамен по русскому языку, достаточно предъявить свидетельство об окончании в КНР средней школы или высшего учебного заведения, после чего можно начать учебу на подготовительном языковом факультете. Эти обстоятельства и играют решающую роль для определенно большого числа молодых китайцев при выборе места учебы в России.

К сожалению, приезжая в Россию китайские студенты испытывают сложности в адаптации. В этой связи нами на протяжении последних пяти лет проводятся исследования по течению комплексной адаптации иностранных студентов, прибывших из разных регионов мира¹. Ниже представлены некоторые результаты адаптационных процессов китайских и африканских студентов, проходящих обучение в Российском университете дружбы народов.

Процессы адаптации, которые отражают уровень здоровья студентов, формируются в результате сложного взаимодействия наследственно-конституциональных особенностей организма

---

¹ См., например: *Глебов В. В., Сошников Е. А.* Динамика адаптации сердечно-сосудистой системы китайских студентов в условиях столичного мегаполиса // *Вестн. психофизиологии.* 2015. № 1. С. 101—104; *Аникина Е. В., Глебов В. В.* Психофизиологические показатели адаптации африканских студентов в условиях Москвы // Там же. С. 90—93; *Глебов В. В.* Процессы академической адаптации иностранных студентов к процессу вузовского образования в России // *Вестн. РУДН. Серия «Экология и безопасность жизнедеятельности».* 2012. № 5. С. 8—10; *Аникина Е. В., Глебов В. В.* Особенности адаптации студентов мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы) // *Сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы экологии и Природопользования».* М. : РУДН, 2010. Вып. 12. С. 322—325.

с природой и обществом¹. Студенты представляют собой особую социальную группу, которая характеризуется специфическими условиями жизни и труда, необходимостью адаптации к комплексу новых факторов, умственной и психологической нагрузке, вынужденным нарушением режима труда, отдыха и питания². Успешность обучения студентов в вузе во многом определяется состоянием их здоровья, при этом начало многих заболеваний взрослого населения лежит именно в подростковом и юношеском возрасте.

Для выявления особенностей адаптации иностранных студентов к новым условиям жизни и учебы в России нами в течение ряда лет проводятся исследования на выборке африканских и китайских студентов столичного мегаполиса³. В качестве методик исследования нами взяты психологические и психофизиологические тесты и анкетирование, которые позволяют изучать воздействие комплекса факторов окружающей среды на адаптационные процессы в среде иностранных студентов.

В анкеты наших исследований были заложены вопросы, касающиеся социального окружения, состояния межличностной коммуникации, условий проживания, культуры, досуга, воздействия некоторых экологических факторов столицы. Наше анкетирование на выборке африканских и китайских студентов ($n = 353$, возраст 18—26 лет) разных курсов показало, что большинство из них предпочитают видеть студентов своей группы (земляков) в качестве самого близкого друга и просто товарища (99,7 % китайских студентов и 94,4 % африканских студентов).

Отношения с преподавателем группы является вторым важным показателем в процессе адаптации иностранных студентов. Большинство африканских и китайских студентов хотят видеть в своем преподавателе не просто человека, который передает им знания, но и «старшего», опекающего друга, справедливого учителя, зачастую родителя, способного создать для них уютную

---

¹ См.: *Евсеева М. Е.* В центре научного поиска — проблема здоровья молодежи // *Вестн. медицины.* 2005. № 1. С. 41—42.

² См.: *Глебов В. В.* Китайский студент в российской столице: социообразовательная адаптация // *Азия и Африка сегодня.* 2013. № 1. С. 49—52.

³ См.: *Витковская М. И., Троцук И. В.* Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН). М. : РУДН, 2004.

и домашнюю атмосферу (98,7 % китайских и 92,1 % африканских студентов).

Отвечая на вопрос «Как вы решаете свои проблемы и кто вам помогает, когда у вас возникают сложности во взаимоотношении с окружающей средой?», китайские и африканские студенты дали следующие ответы: 52,8 % — сами решают свои проблемы, 32,3 % — помогают друзья, 6,2 % — помогают преподаватели, 8,7 % — посольство.

Рассматривая негативные факторы, которые могут вызвать дезадаптацию, можно сказать, что иностранным студентам больше всего в России не нравится стиль преподавания (в большей степени авторитарный), погодно-климатические условия, условия проживания в общежитии (неприемлемые санитарные условия, сложности во взаимоотношениях с административной службой и охраной, отсутствие покоя и безопасности) и агрессивное отношение российских граждан.

Самая сложная область адаптационного процесса — учебная деятельность. Это обусловлено необходимостью достижения высокого уровня владения русским языком, достаточного для приобретения профессионально значимых знаний, навыков и умений. Большинство африканских и китайских студентов считают свой уровень владения русским языком достаточным для повседневного общения, но явно недостаточным для учебного процесса. Поэтому основные пожелания китайских и африканских студентов в адрес руководства университета сводятся к созданию условий для учебы в общежитии, увеличению количества часов изучения русского языка.

Итак, по результатам нашего исследования можно сделать вывод о том, что абсолютное большинство иностранных студентов по приезду в Россию сталкиваются с множеством трудностей как физиологического (привыкание к климату, экологии), так и социально-психологического характера (приспособление к условиям проживания, нормам поведения и требованиям учебной деятельности).

Таким образом, анализ результатов анкетирования иностранных студентов выявил следующие особенности адаптационного процесса. Все иностранные студенты независимо от длительности проживания в столичном мегаполисе испытывают

трудности в динамике адаптационного процесса к новой среде. Поскольку речь идет об иноязычной среде, трудности эти, как правило, находятся в сфере коммуникативных затруднений. Эту особенность отметило абсолютное большинство студентов. На втором месте стоят бытовые проблемы: необходимость вести самостоятельный быт, отсутствие адекватных условий в студенческом общежитии и т. д. На третьем месте среди испытываемых трудностей все иностранные студенты отмечают отсутствие семьи и близких друзей.

Индивидуально-психологические особенности китайских студентов (высокая степень тревожности, фрустрированности и низкая самооценка) и студентов из стран Африки (средняя степень тревожности, фрустрированности, агрессивности и неадекватный уровень самооценки) ведет к снижению резервов психофизического здоровья, что отражается на психофизиологических показателях адаптации китайских и африканских студентов. Временной аспект (длительность пребывания иностранцев в России) в контексте динамических адаптационных процессов показывает выраженную стабилизацию иностранных студентов только к третьему году пребывания в российском вузе.

Ирина Демидова

*старший преподаватель кафедры иностранных языков
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова*

Москва, Россия

MIGRATION IS IT A THREAT OR AN OPPORTUNITY?

On the Day of National Unity, which is celebrated every 4 November in Russia, so-called Russian March is organized by members of nationalist groups. These organisations are non-homogenous in the ideological sense (online communities, paramilitary unions, historical reconstruction, patriotic and religious groups). These people are united by their anti-immigration and anti-Caucasus sentiments (the Movement Against Illegal Immigration (DPNI), Russkiye, the Russian National Democratic Party, the Northern Brotherhood, the Slavic Alliance, Slavic neopagan groups, neo-Nazi movement, etc.). The movement emerged as a response to the inflow of migrant workers from countries of Central Asia and Caucasus which started about 15—20 years ago. The aim declared by the nationalists is transforming Russia into a one-nation state, separating it from the republics of Northern Caucasus and tightening control over immigration. They claim that ethnic Russians are discriminated and organize protests against simplifying of granting Russian citizenship to people of countries of the CIS. They connect social instability and criminality with the presence of immigrants and accuse the Russian authorities in ignoring the problems.

In a country as diverse as Russia — where non-Slavic peoples comprise some 20 % of the population — the extremist slogan “Russia for Russians” has a rather explosive potential, and in the long term, poses an existential threat to the country and its territorial integrity. “Russia for Russians” is catching up with the young but what the slogan entails is dangerous and mostly is based on social discontent of people who have very few career prospects and are looking for an enemy to vent their frustration on.

There are some common *wide-spread myths* about labour migrants. The most common and subjective of them are:

— migrants are all criminals;

— they are all parasites who contribute nothing to the Russian society and economy;

— migration erodes and unifies traditional Russian values.

Such sentiments are quite common for many countries but in our country they are aggravated by some *specifically Russian factors*:

— xenophobic attitude is directed against Tajik, Kirgiz or Uzbek labour migrants. They are people who come to Russia in search of employment and are ready to do any kind of hard work mostly in construction sites, restaurants, supermarkets, cleaning services;

— radical nationalists target not only non-Slavic-looking individuals, but also activists who oppose racism and representatives of sexual minorities and their supporters;

— xenophobia is extended to various ethnic groups from North Caucasus entitled to the same rights as ethnical Russians being their fellow countrymen. People from North Caucasus are thought to be hostile and dangerous, culturally alien and capable to commit crimes more often than others.

Xenophobia is sometimes fueled by some mass media, films and books. The spread of such flood of negative sentiments is a threat to personal safety of every person and may lead to tragic consequences, for example, riots, rapes, brutal murders. The management of police and authorities of the rise of nationalism has not been efficient enough, in some cases of violence, police treated ethically motivated attacks as mere “hooliganism”, and nationalists acted with a sense of impunity. Now, when Russia suffers a shock from the plummeting ruble and the western economic sanctions, Russian food products import countersanctions, falling oil prices, unemployment. Having economic hardship, people tend to look for simple answers to complex problems, and “migrants” are usually the easiest to target.

Does Russia have a history of tolerance? It prides itself as a “family of nations”, but, in fact, is the “friendship of peoples” a reality? If so, why do we see so little tolerance and desire to understand different cultures in our real life? What makes us reluctant to adjust to the present ethically mixed environment? Is multiculturalism a panacea for ethnic conflicts?

Migration has always been an exploitable political and social issue, especially in Moscow which consumes cheap labour eagerly and vastly. According to the Levada-centre research 55 % of Moscovites

consider migrants the biggest problem of the country; 69 % of Russians find the presence of migrants excessive and 85 % of respondents want a strict governmental regime with Central Asia and Caucasus¹.

You may want to prohibit immigration, but what are you planning to do with non-Russian ethnic groups living in Russia, for whom Moscow is also the capital of the country as for ethnic Russians? The problem has nothing to do with Islam, Christianity, crime, unemployment or other items which are often attributed to the roots of xenophobia. There are no any objective reasons for such bigotry and hatred. Nationalism springs from personal prejudice and subjective perception. And I shudder to say that the root cause is the horrible education which children obtain in families, on the street, schools and mass media. Some Russian children are taught in families that many “other” nationalities are subhuman and backward. The truth is that the hatred is often mutual—Russians are also despised and denigrated only because they are Russians in return. Unless we prevent this trend now we might see a lot of ethnic conflicts in the future.

Influx of migrants could help the country mitigate the effects of their shrinking, aging population. Russia’s population consists of 24 % pensioners and objectively we cannot give up inviting immigrants. Statistics says that from 1993 to 2010 Russia’s population decreased from 148,6 to 141,9 million. If the existing trends do not change, Russia’s population will be from 100 to 107 million by 2050. It is going to be a catastrophic disaster for such a big country, on the territory of which there are 40 % of the world’s natural resources. The situation is worsened by widespread infertility and high rate of abortions, mortality, smoking, alcohol consumption, drug taking among young people.

To maintain GDP growth of 4 % to 6 % a year we need to have workforce of 80—90 million people. If citizens are reluctant to consider and accept the reality they should be prepared for a sharp increase in the cost of living and utilities. Labour workers from the CIS

---

¹ *Социальные проблемы и гражданское участие москвичей*. Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/11-07-2013/sotsialnye-problemy-i-grazhdanskoe-uchastie-moskvichei>

countries are ready to do the most unattractive jobs. The low-qualified workers may even become the basis for the locals to develop. For example, in France, maids from Algeria gave French mothers an opportunity to get to work faster after they had taken care of French children. Bringing cheap labour will help improve Russian demographic situation, make Russia stronger and more competitive. That is why it is vital to fully integrate the newly arrived.

The Russian Federation first faced serious problems with illegal immigration in 1991, when after the USSR had collapsed a wave of migrants from the former Soviet republics flooded the country. The outflow of migrants occurred because they did not need to have registration or visas and the borders between the states were transparent.

According to the data of the Federal Migration Service, most of the migrants who came to the Russian Federation legally in 2013 were from Uzbekistan (118,000), Ukraine (55,000) and Tajikistan (50,000). But at least the same number of immigrants came here and worked illegally¹.

Migrant workers were often exposed to discrimination, trafficking, labour right abuses, unfair treatment, poverty, lack of access to justice, racial profiling, etc. Both external and internal migration fed into a vast network of corruption (migrants bribed policemen to prevent getting fined or arrested for registration violation; businesses bribed the authorities to prevent getting raided, etc.). Something had to be done to stop it.

At the end of 2014 the Russian government introduced some procedures based on the similar laws and regulations of Europe and the U. S., taking into amnesty programs which might help legalize migrants. Migrant workers from countries that do not have a visa policy with the Russian Federation can work only with a license, which will have to be purchased. Moreover, legal migrant workers have to pass tests in the Russian language, history and basic law. In addition, they have to pay for medical insurance, examinations and fingerprinting procedures. The reform is expected to make the migra-

---

¹ См.: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы на 2012 год и плановый период 2013 и 2015 годов. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/plans/details/59631/>

tion procedure transparent and cleanse it from speculators. The licenses will also help patch up holes in budgets of Russian regions.

The system of licenses is not new—it existed before 2015, but the 1,200 — ruble license gave the right to work in any region of Russia only for an individual through quotas, the amount of which was limited. The new migration regulation rules remove the quota limitations—now migrant workers have the right to work also for corporate entities. But now the price for the permit depends on the demographic and economic situation and is fixed by different regions. As a result, the reform has raised the cost of the license by more than 3 times, to 4,000 rubles a month.

The flexibility of the new approach can be seen in Moscow, for example, which, a few days after the president officially approved the migration reform, raised the cost of the license by more than three times, to 4,000 rubles a month. The capital's authorities believe that raising the price will bring 12 billion rubles into the budget. So, Moscow, for example, will get 12 billion rubles in its budget. Tajik, Uzbek, Ukrainian workers need to have a visa to immigrate.

The authorities hope that the new migration regulation rules will eliminate the former inefficient and corruptive system. As quotas were given after the employers had prepared preliminary requests, some speculators registered inexistent companies and sold quotas to employers. The labour market is constantly changing, so regions now have an opportunity to maneuver regulating the price and quantity of licenses.

But these measures are not sufficient to solve all the problems connected with migration. We need to consider a national programme of migrant workforce integration into our society to ensure national security, stable economic and demographic development, eliminate negative impacts of the immigration and promote rational use of labour resources. We need to implement *the following activities into action*:

- creating a database system of migrants;
- organizing effective monitoring, analysis and forecast of migration processes;
- granting immigrant or refugee status and rights;
- stating basic labour and social rights (a sick pay, a paid holiday, education, dignified treatment at work, etc.);

— developing international cooperation in the field of migration;

— organizing strict control over illegal migration.

Immigration is an opportunity and a necessity for us not only because of the shortage of workforce but also because of the changing demographic situation. Russia needs unambiguous rules for immigration and coexistence. Instead of blaming migrants we should be working together to make Russia a better place to live for all. Everybody should recognize and value the diversity and admit the rights that every person has, including the right to move, work, and be protected.

Мадина Джанталеева

*ассистент кафедры политологии и международных отношений
Астраханского государственного университета*

Астрахань, Россия

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНОЙ МИГРАЦИИ

Связь и сотрудничество субъектов на территории всего СНГ — это результат процесса развития международных отношений, непосредственно связанных с процессом расширения сферы деятельности и вовлечения в него широкого круга участников социальной жизни, появлением взаимовыгодных предложений, а также с необходимостью объединения сторон в целях укрепления национальной государственности и безопасности. Без учета интересов личности, общества и государства невозможно выстроить концепцию внешней политики.

В начале нового тысячелетия во взаимоотношениях России с Казахстаном усилились процессы, отвечающие общим интересам. Политика данных стран направлена на поддержание взаимовыгодного сотрудничества не только в политике, экономике и социально-культурной сферах, но и в части обеспечения взаимной безопасности, решение проблем которой может повлиять на процесс сближения или отчуждения государств.

Россия и Казахстан в настоящее время проходят этап нового исторического развития. Значительному преобразованию подверглись государственное устройство и управление, происходит изменение национальных ценностей с учетом интересов личности, общества и государства, дальнейшее развитие политических, социально-экономических, правовых, этнических связей и отношений¹.

После распада СССР перед руководителями стран встали проблемы поддержания интересов общества, личности и государства в целом, поскольку в прошлом задачи по обеспечению

---

¹ См.: *Вартумян А. А.* Мост между Западом и Востоком: специфика политических модернизационных процессов в постсоветских государствах Центральной Азии // *Вестн. ПГЛУ.* № 4. 2012. С. 373—377.

внешней безопасности выполнялись коллективными усилиями всех республик СССР и их единым военно-политическим потенциалом¹.

Центральным документом в политике поддержания интересов личности, государства и общества в целом является Договор о коллективной безопасности (ДКБ), подписанный Арменией, Беларусью, Грузией, Казахстаном, Киргизией, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном в Ташкенте (1992 г.), который послужил основой для создания Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Основными пунктами данного документа являются: воздержание сторон от применения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях; отказ от вступления в военные союзы и участие в каких-либо группировках, созываемых третьими странами².

Итогом упомянутого соглашения стал отказ ряда стран от участия в договоре о коллективной безопасности. Таким странам, как Азербайджан, Грузия, Узбекистан, Украина и Молдова, условия ДКБ показались невыгодными, и в 1999 г. правительства этих государств приняли решение выйти из ДКБ³. Однако ряду других стран (России, Казахстану, Беларуси, Армении, Киргизии и Таджикистану) данный союз видится приемлемым, вследствие чего в 2002 г. на саммите стран СНГ в Кишиневе была учреждена новая структура — Организация договора о коллективной безопасности⁴.

В 2008 г. парламент Узбекистана утвердил документ, который путем согласия каждой из сторон восстанавливал членство

---

¹ См.: *Кудряшова Е. В.* Консультативные системы как институциональная возможность активизации роли субнациональных субъектов в общегосударственном политическом процессе // Астраполис: Астрахан. полит. исслед. Ежегод. каф. политологии Астрахан. гос. ун-та. Астрахань: Издатель ИП Р. В. Сорокин, 2012. Т. 1. С. 10—15.

² См.: *Договор о коллективной безопасности (ОДКБ)*. URL: <http://eurasiancenter.ru/expert/20140421/1003386463.html> (дата обращения: 23.01.2015).

³ См.: *ОДКБ*. Информационно-аналитический центр. 2008. URL: <http://www.ia-centr.ru/bases/odkb/> (дата обращения: 26.12.2014).

⁴ См.: *Полятаев В.* Договору — 15 лет // РФ. 2007. 15 мая. URL: <http://www.rg.ru/2007/05/15/odkb.html>

страны в ОДКБ. После этого было полностью восстановлено членство в ОДКБ Республики Узбекистан¹.

Организация договора о коллективной безопасности рассматривается в качестве главного межгосударственного инструмента, основной целью которого является противостояние региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера, включая борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Основными задачами ОДКБ являются:

- укрепление мирных отношений между странами союза;
- стабильные и безопасные международные и региональные отношения;
- всеобщая независимость;
- неприкосновенность от посягательств со стороны других государств и независимость государства во внешних и верховенство во внутренних делах государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам².

Другим немаловажным этапом в обеспечении безопасности стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. Стороны приняли следующие условия:

- намерение руководствоваться только принципами взаимного уважения государственной и территориальной целостности;
- мирное решение споров, исключающее силу или угрозу силы, включая экономические и другие способы оказания давления, равноправие и суверенитет сторон;
- взаимопомощь в целях укрепления мира и безопасности, как в региональном, так и в глобальном измерении;
- выгодный и эффективный для каждой из сторон характер отношений с другими странами;
- взаимодействие в обеспечении надежной совместной обороны в рамках общего военно-стратегического пространства

---

¹ См.: *Узбекистан* восстанавливает членство в ОДКБ // Взгляд. 2008. 28 марта. URL: <http://www.vz.ru>

² См.: *Устав* Организации Договора о коллективной безопасности. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901868280>

на основе согласованных положений своих военных доктрин и принципа оборонной достаточности;

— оказание необходимой помощи в случае посягательства другими странами на независимость и суверенитет одной из сторон;

— признание территориальной целостности друг друга;

— пресечение на своих территориях организаций и лиц, деятельность которых противоречит правилам и условиям ОДКБ.

Одним из знаменательных событий данного периода можно считать появление в 1996 г. Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в состав которой вошли Россия, Казахстан, Китай, Киргизия, Таджикистан¹.

Создание ШОС обуславливалось необходимостью объединения и организации борьбы за общие цели сторон против национального разделения, приверженности крайним религиозным взглядам, что могло способствовать возникновению международного терроризма, провокаций, беспорядков, террористических акций, создающих угрозу безопасности и стабильности стран.

Россия и Казахстан имеют общие цели экономического развития, что способствует более качественной и благоприятной жизни народов обеих стран, усилению влияния государства во всех сферах жизни, развитию культурного наследия и патриотизма, объединению стран СНГ.

В 2009 г. Указом Президента Российской Федерации было принято концептуальное положение в области обеспечения национальной безопасности, базирующейся на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости геополитики до 2020 г. Здесь национальная безопасность трактуется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»².

Данный документ способствует установлению и поддержанию конституционных прав, свободы, качественного уровня жизни граждан, независимости, сохранности территорий, воен-

---

¹ См.: *Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития* / сост. А. Ф. Клименко. М. : Ин-т Дальн. Востока, 2008.

² *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года* : указ Президента Рос. Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444.

но-политической защиты государства. При этом возникающие угрозы национальной безопасности противоречат соблюдению условий договора, что влечет за собой торможение в развитии взаимоотношений государств в целом.

Главным принципом осуществления национальной безопасности, в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.¹, является территориальная сохранность границ Российской Федерации и отсутствие посягательств со стороны других стран.

Соблюдение условий в сфере пресечения областей политико-экономической жизни сторон, как внутренней, так и внешней, — один из важных принципов национальной безопасности, который призван защищать личность, общество и государство в приграничном поясе, включающем приграничную территорию, воздушное пространство, континентальный шельф и исключительную экономическую зону Российской Федерации².

В пограничной сфере существует несколько видов угроз:

- усиление вооруженных конфликтов вблизи территории пересечения областей политико-экономической жизни государств;
- не до конца разрешенный вопрос международно-правового оформления государственной границы Российской Федерации с отдельными сопредельными государствами;
- ряд нерешенных территориальных вопросов с приграничными государствами;
- отсутствие гарантий мирных отношений, вызванное несоблюдением режима государственной границы, имеющийся риск развития международного терроризма и трансграничной организованной преступности;
- деятельность международных террористических и экстремистских организаций по направлению на территорию Российской Федерации своих представителей, средств физического насилия и устрашения населения и организации мероприятий диверсионно-разведывательных групп, а также действия трансграничных преступных групп по незаконному перемещению

---

¹ См.: *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.*

² См.: *Там же.* Ч. 5, разд. 1. Основы пограничной политики Российской Федерации.

через государственную границу Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, товаров и грузов, водных биологических ресурсов, других материальных и культурных ценностей, организация каналов незаконной миграции;

— увеличение негативных трансграничных потоков;

— нарастание кризисных и чрезвычайных ситуаций в приграничных пространствах;

— предпосылки возникновения новых угроз.

В Законе Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан»¹, принятом в 1998 г., также имеются определения концепции национальной безопасности и национальной безопасности: концепция национальной безопасности — официально принятая система взглядов и мер по обеспечению защиты конституционных прав личности и граждан, ценностей казахстанского общества, основополагающих государственных институтов. Под национальной безопасностью Казахстана понимается состояние защищенности национальных интересов страны от реальных и потенциальных угроз¹.

Принципы нормального существования и развития Республики Казахстан основываются на сочетании приоритетов и общих задач политики в этой области и воплощаются в жизнь через соблюдение условий защищенности. В 1997 г. была обнародована стратегическая программа «Казахстан-2030»², которая содержит в себе последовательный анализ положения республики, расшифровку понятия «миссия Республики Казахстан», а также изложение первоочередных и наиболее значимых целей, таких как:

— защищенность жизненно-важных интересов личности, общества, государства в целом;

— стабильность во внутренней политике и укрепление общества;

---

¹ *О национальной безопасности Республики Казахстан* : закон Республики Казахстан от 26 июня 1998 г. № 233-1 (с изм. в соответствии с Законом Республики Казахстан от 28 апр. 2000 г. № 45-П) / Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/id/14939> (дата обращения: 26.12.2014).

² *Послание* Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана. Астана, 2007.

- экономический рост, основывающийся на развитой рыночной экономике с высоким уровнем иностранных вложений;
- здравоохранение и культурное развитие граждан Казахстана;
- энергетические ресурсы;
- комплекс функциональных систем, в особенности транспорт и связь;
- профессиональное государство, ограниченное до основных функций.

Пристальное внимание уделяется роли обеспечения безопасности, в котором ключевым моментом являются отношения Казахстана с приграничными государствами: установление взаимовыгодных отношений с другими странами.

Особое место в стратегии уделено мероприятиям, рассчитанным на средний срок, по которым еще не определена дальнейшая тактика работы. Это, в частности, конфликты, возникающие в приграничном поясе Республики Казахстан, угрозы распространения экстремизма и терроризма, оружия массового поражения, исходящие из азиатского региона, отсутствие намеченных результатов развития страны, отсутствие должной эффективности народного хозяйства, нехватка водных ресурсов, незаконный доступ к электронным базам и банкам данных и т. д.¹

Несмотря на положительное развитие процессов российско-казахстанского приграничного сотрудничества зафиксированы проявления трансграничной преступности. Через территорию Казахстана проходит афганский наркотрафик, осуществляется незаконное перемещение через государственную границу контрафактной китайской продукции, а также проложены каналы нелегальной миграции из стран Центральной Азии².

По мнению экспертов, огромное количество граждан проникает в Россию, нарушая миграционное законодательство, через границу Казахстана, которая служит открытым коридором

---

¹ См.: *Сдыков М. Н.* Казахстан и Россия в системе приграничных миграций // Россия — Казахстан: Фронтьерские миграции : сб. науч. тр. / под ред. Ж. А. Зайончковской и М. Н. Сдыкова. М. ; Уральск, 2002. С. 21.

² См.: *Усманов Р. Х.* Этнополитическая безопасность приграничных территорий Юга России и перспективы фронтальной миграции // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 2. С. 27—38.

для жителей не только этой республики, но и других приграничных стран. Казахстан заключил около 20 соглашений о безвизовом въезде со странами, с которыми у России их нет, что способствует проникновению на территорию Российской Федерации опасных террористических элементов и наркотиков. В общем потоке граждан, пересекающих границу незаконным образом, 40 % составляют выходцы из республик бывшего СССР, не прошедшие в установленные сроки регистрацию в органах внутренних дел или не оформившие должным образом свою занятость на территории России¹.

Однако Россия и Казахстан, несмотря на всю сложность ситуации, продолжают сотрудничать в борьбе с незаконной миграцией в рамках СНГ.

С 1998 г. начал внедряться комплекс мер по сотрудничеству государств-участников СНГ в противодействии незаконной миграции. В 2011 г. была принята редакция Программы на период 2012—2014 гг. К ее основным задачам относились:

- разработка такой миграционной политики, которая будет отвечать интересам государств-участников СНГ;
- усовершенствование международно-правовой базы сотрудничества государств-участников СНГ;
- нововведения в национальном законодательстве государств-участников СНГ;
- ужесточение пограничного и миграционного контроля на государственных границах государств-участников СНГ;
- разработка совместных профилактических оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций;
- информационное и научное обеспечение сотрудничества;
- осуществление сотрудничества в сфере подготовки, переподготовки кадров и повышения квалификации руководящих работников и специалистов².

Отсутствие контроля за миграционными процессами представляет собой значительную угрозу безопасности границ как

---

¹ Усманов Р. Х. Указ. соч.

² См.: *Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года* : утв. Президентом Рос. Федерации 13 июня 2012 г. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz33bqua9hc>

в России, так и в Казахстане. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. есть специальный раздел, посвященный предотвращению незаконной миграции.

Анализируя концепции государственной миграционной политики России и Казахстана, в частности, разделов, в которых значительное место отводится основным направлениям противодействия незаконной миграции, можно усмотреть общие принципы действия, например:

— более полный подход и соизмеримость мер ответственности за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации;

— усовершенствование государственного контроля въезда и техническое переоснащение и укрепление границы страны;

— проведение мероприятий по осуществлению законной миграции населения;

— совершенствование правовой базы по противодействию незаконной миграции¹.

Устранение такого рода угроз не только влечет за собой укрепление взаимовыгодного сотрудничества, но и обеспечивает вспомогательные функции государственной границы.

В настоящий момент данная проблема актуализируется в силу отсутствия слаженной системы взаимодействия. Например, эпизодическое инженерно-техническое обустройство российско-казахстанской границы, неслаженность работы Совета командующих пограничных войск ведет к отсутствию должного пограничного контроля, что снижает эффективное взаимодействие органов безопасности двух стран по пресечению трансграничной преступности.

Первостепенная роль отведена именно стратегическому партнерству Российской Федерации и Республики Казахстан, которое стало жизненно необходимым в связи со сложной политической ситуацией в Центрально-Азиатском регионе, где создаются предпосылки к усилению международного терроризма, религиозного экстремизма, присутствует нерешенность терри-

---

¹ См.: *Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года.*

ториально-пограничных вопросов с граничащими государствами. Для регулирования подобного рода ситуации необходимо усовершенствование дипломатических методов и средств.

Республика Казахстан играет одну из главных ролей среди стран Центральной Азии, так как по площади занимает большую часть региона, а по своему более высокому уровню экономического и политического развития претендует на роль регионального лидера. Этому способствует местоположение и протяженность границ Казахстана, что оказывается своеобразным «коридором» для угроз безопасности извне. Вышеперечисленные угрозы ведут к подрыву безопасности не только самого Казахстана, но и Российской Федерации.

Россия в свою очередь очень заинтересована в осуществлении плодотворной политики региональной безопасности в Центральной Азии. Если для Казахстана угрозы его безопасности с юга являются скорее внутренними, то для России эти угрозы тоже трансграничные, но однозначно внешние¹.

В создавшихся условиях центральноазиатское направление является одним из наиболее уязвимых и тесно связанных как с региональной стабильностью, так и с национальной безопасностью России². Для более эффективной и плодотворной деятельности требуется объединение усилий России и стран Центральной Азии.

---

¹ См.: *Сахиев С. Е.* Терроризм и экстремизм как главные угрозы безопасности Казахстана и России // Политэкс. Политическая экспертиза. 2010. URL: <http://www.politex.info/content/view/381/30/>

² См.: *Савинов Л. В.* Этнополитика газового транзита (на примере Республики Алтай) // Изв. Чит. гос. ун-та. Серия «История и политология». 2009. № 2 (53). С. 87—91 ; *Савинов Л. В.* Этнополитика и этнобезопасность : моногр. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2009. 184 с.

Антонина Кириллова

*кандидат социологических наук, научный сотрудник
Института философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук*

Новосибирск, Россия

ФАКТОРЫ ВЫБОРА ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ СТРАТЕГИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ¹

Глобальным фактором, оказывающим влияние на отношение к мигрантам является рост их численности, а также нерегулируемость иммигрантских потоков и их распределения в стране приема. При этом становятся заметными социокультурные, экономические, политические влияния, оказываемые иноэтноконфессиональными группами мигрантов на принимающее общество. Оценить меру социокультурной вместимости общества можно по его реакции на проблему мигрантов. В настоящее время преобладающей является реакция их отторжения². Поэтому актуальным является изучение предпочитаемых принимающим обществом стратегий относительно государственной политики по проблеме мигрантов и факторов их выбора. Цель исследования — выявить факторы выбора респондентами стратегий относительно мигрантов. Анализ данных факторов проведен на примере г. Новосибирска — крупного мигрантопринимающего российского города, для чего был проведен социологический опрос новосибирцев (весна 2014 г., 601 человек).

Для определения предпочитаемой принимающим обществом модели взаимодействия с мигрантами мы предлагали респондентам набор стратегий: интеграционная (помогать стать

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ: проекты № 13-03-00351 «Принимающее общество и иноэтнические мигранты — стратегии и практики взаимодействия»; № 14-03-18035 «Принимающее общество — отношение к иноэтническим мигрантам». Организация-исполнитель ИФиПр СО РАН.

² См.: *ВЦИОМ*: Среди россиян растет негативное отношение к мигрантам. URL: <http://russian.rt.com/article/13355>; *Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам* // Материал Левада-центра. URL: <http://www.levada.ru/03-07-2013/otnoshenie-k-migrantam>; *Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам* // Материал ФОМ. URL: <http://fom.ru/Mir/10442>.

российскими гражданами), сегрегационная (селить в отдельные районы города), ассимиляционная (селить во все районы города небольшими группами), ограничительная (ограничить въезд в страну) и исключаяющая (вывозить обратно на их родину). Из предложенного спектра стратегий респонденты отдают предпочтение ограничительной (65 % опрошенных). Исключаяющую стратегию выбрали 22 %, интеграционную — 18 %, ассимиляционную — 17 % и сегрегационную — 8 %.

Нами выявлены три группы факторов выбора респондентами стратегии относительно мигрантов: 1. Социальные факторы — социально-демографические, включенность в свою (российскую, русскую) культуру, включенность в поликультурное пространство. 2. Социально-психологические — социальные установки, социальный альтруизм, чувство своей социальной ущемленности, незащищенности, эмоциональное восприятие мигрантов. 3. Этнические факторы — конструирование межэтнических границ и культурное самоопределение российского социума.

1. Социальные факторы. Среди социально-демографических факторов нами рассмотрены пол, возраст, семейное положение и образование. Связи выбора стратегии с возрастом и образованием не обнаружено. Мужчины более склонны к выбору интеграционной, ассимиляционной и исключаяющей стратегий, женщины — к ограничительной. Это может быть связано с ролью мужчин как проводника социальной изменчивости, а также их склонностью к принятию более решительных мер; женщин — как агента сохранения и трансляции традиций. Семейные более склонны к выбору ограничительной стратегии, не имеющие семьи — ассимиляционной и интеграционной.

Включенность в свою культуру. Знание своих национальных и религиозных традиций прямо коррелирует с выбором ограничительной стратегии. Выбор ограничительной и исключаяющей стратегий связан с высокой включенностью в отечественные традиции, что выражалось в преобладающем выборе российских государственных светских (День Победы, День России, Новый год) и религиозных (Пасха, Рождество) праздников.

Отсутствие веры в Бога коррелирует с тенденцией к выбору интеграционной стратегии. Неверующие не видят в исламе про-

блемы, так как находятся вне поля какой-либо религиозной культуры и идентичности, не чувствуют силы влияния религии на поведение. Выбор сегрегационной и ограничительной стратегий положительно связан с практикой посещения храма. Невыполнение религиозной практики молитвы коррелирует с выбором ограничительной стратегии. Выбор сегрегационной и исключающей стратегий коррелирует с тенденцией не подавать милостыню, т. е. отторгают мигрантов больше те, кто ходит в храм, но не молится, не подает милостыню; по сути, это скорее психологические факторы (отсутствие отзывчивости и духовной работы над собой), чем религиозные. Выбор стратегии не связан с мнением о роли укрепления православия в России в установлении межнациональных отношений в ней. Можно сделать вывод, что выбор стратегии связан не столько с религиозностью принимающего социума, сколько с сопутствующими психологическими и идентификационными факторами.

Включенность в поликультурное пространство. Наличие поликультурного окружения — родственников, друзей, соседей, коллег других национальностей, религий — способствует выбору интеграционной и ассимиляционной стратегий. Преобладание монокультурного окружения коррелирует с ограничительной и исключающей стратегиями. Так, состоящие в межэтническом браке склонны к выбору интеграционной стратегии. Не состоящие — к выбору ограничительной и исключающей стратегий. Выбор интеграционной стратегии более характерен для имеющих отличную от русской и полиэтническую идентичность. Выбор ограничительной стратегии более характерен для русских (66 %), чем для иных этносов (55 % из них выбрали эту стратегию) и в наименьшей — для представителей бiculturalной идентичности (из них 47 % выбрали ограничительную стратегию). Аналогичная тенденция прослеживается и по исключающей стратегии. То есть наиболее склонны к интеграционной и ассимиляционной стратегиям представители иноэтничной (не русской) и смешанной идентичности.

Факты позитивных межличностных контактов с приезжими также влияют на выбор стратегии относительно мигрантов. Выбравшие интеграционную и ассимиляционную стратегии чаще проявляли участие, помогали мигрантам из Центральной Азии

и чаще получали помощь, участие от них; выбравшие сегрегационную, ограничительную и исключющую стратегии — реже.

2. Социально-психологические факторы. На выбор стратегии влияют социально-психологические установки респондентов. Нами был проанализирован ряд возможных причин неоказания помощи человеку другой национальности. Выбор исключющей стратегии значительно связан со склонностью принципиально не помогать людям других национальностей (установка — неприятие иных национальностей); сегрегационной — с мнением, что каждый должен справляться с ситуацией сам (автономизация). Склонных к интеграции может остановить страх перед негативным мнением окружающих (зависимость от мнения других).

Социальный альтруизм проявляется в таких параметрах, как ориентация на социальное служение, согласие на работу, которую выполняют мигранты, склонность помогать людям, факты собственной помощи мигрантам. К выбору интеграционной стратегии более склонны те, для кого актуальна ценность социального служения — приносить пользу людям, обществу. Те, для кого не характерна подобная социально-альтруистическая направленность, склонны к выбору исключющей стратегии. Выбор интеграционной и ассимиляционной стратегий связан с согласием (в случае необходимости) выполнять ту работу, которую делают в России мигранты. И наоборот, выбор ограничительной и исключющей стратегий — с нежеланием выполнять эту работу.

Еще одним фактором выбора стратегии является чувство собственной ущемленности, социальной незащищенности. Оно связано с недоверием социальным институтам, госструктурам и низким уровнем благосостояния. Выбирающие исключющую стратегию невысоко оценивают роль среднего образования и СМИ в формировании отношения к людям других национальностей. Выбирающие сегрегационную стратегию сомневаются в роли государства в формировании отношения к людям других национальностей. Выбор ограничительной и исключющей стратегий коррелирует с мнением, что в СМИ редко затрагивается проблема взаимодействия местного населения и мигрантов, а также с мнением о дискриминации респондента в оплате тру-

да. Выбор исключающей стратегии коррелирует с мнением о случаях дискриминации личности респондента, ущемление его в условиях труда, религиозной дискриминации. Выбравшие ограничительную стратегию чаще отмечают, что сталкивались с ущемлением своих прав в области продолжительности труда. Также выбор ограничительной стратегии связан с более низким материальным положением.

Эмоциональное восприятие мигрантов. Выбор стратегии связан с практикой межличностного взаимодействия с мигрантами. Среди выбравших интеграционную и ассимиляционную стратегию преобладают имеющие к мигрантам настроения сочувствия и / или жалости: 45 % и 47 % отметили такие чувства в группах выбравших интеграционную и ассимиляционную стратегии соответственно. Для выбравших сегрегационную стратегию характерно преобладание безразличия по отношению к мигрантам (42 % выбравших сегрегационную стратегию имеют такие чувства). Для выбравших ограничивающую и исключающую стратегии характерны чувства неприязни, раздражения, более выраженные в группе исключающих: такие чувства отметили 39 % в группе выбравших ограничительную и 65 % в группе выбравших исключающую стратегию.

Выбор интеграционной и ассимиляционной стратегий коррелирует с преобладанием позитивных мнений о мигрантах. Выбравшие интеграционную стратегию склонны считать, что мигранты несут позитивный вклад в российское общество — пополняют его специалистами, квалифицированными кадрами, повышают культурное разнообразие. Выбравшие ассимиляционную стратегию склонны считать, что мигранты повышают культурное разнообразие общества, а также выполняют функцию снабжения дешевыми продуктами и товарами. Выбор ограничительной и исключающей стратегий коррелирует с преобладанием негативных мнений о роли мигрантов в России.

3. Этнические факторы. Конструирование границ по отношению к людям других национальностей. Интеграционную стратегию выбирают те, кто положительно относится к существованию в России многообразия религий и культур, а также те, кто не обращает внимания на национальность. Выбор сегрегационной, ограничительной и исключающей — связан с отри-

цательным отношением к существованию в России различных религий и культур.

Выбор исключающей стратегии коррелирует с отрицательным отношением к разговорам в общественных местах не на русском языке. Выбор ограничительной стратегии коррелирует с отрицательным отношением к ношению национальных одежд в общественных местах; ассимиляционной — с положительным. Выбравшие интеграционную и ассимиляционную стратегии склонны считать, что мигранты не навязывают свои традиции, а просто стараются соблюдать свои культурные и религиозные традиции. Напротив, выбор ограничительной и исключающей стратегий коррелирует с мнением о стремлении приезжих распространить свою веру и обычаи в России.

Межэтническая дистанция. Выбравшие интеграционную и сегрегационную стратегии склонны считать, что мигранты из Центральной Азии нужны России; выбравшие ограничительную и, особенно, исключающую стратегии — что не нужны. Выбравшие интеграционную и ассимиляционную стратегии склонны положительно относиться к учебе своих детей в классе, где много детей мигрантов; выбравшие ограничительную стратегию — отрицательно. Выбравшие интеграционную стратегию склонны положительно относиться к идее брака своих детей с человеком другой национальности; выбравшие сегрегационную и исключающую стратегии — отрицательно. Выбор интеграционной стратегии коррелирует с положительным отношением к идее о собственном вступлении в межэтнический брак; выбор ограничительной и исключающей стратегий — с отрицательным отношением к такой идее.

Отдельного рассмотрения заслуживает конфессиональный фактор — отношение россиян к исламу, мусульманам. К выбору интеграционной стратегии более склонны те, кто относится с симпатией к людям, исповедующим ислам; к выбору ограничительной — те, кто относится к исламу отрицательно. Таким образом, выбор стратегии относительно мигрантов-мусульман связан с их религиозной принадлежностью.

Выбор интеграционной стратегии коррелирует с допускающим, терпимым отношением к исламской брачной практике — обычаю многоженства; выбор ограничительной и исключающей

стратегий коррелирует с неприемлемостью подобной традиции и практики в российских условиях. Выбравшие интеграционную стратегию согласны с тем, что женщины-мусульманки в России должны получать хорошее образование и иметь такие же права, как мужчины-мусульмане. Напротив, выбравшие ограничительную стратегию не согласны с данным мнением. Выбор ограничительной и исключаящей стратегий коррелирует с неприятием исламских норм и традиций в российском социальном пространстве: несогласием с тем, что женщины-мусульманки в России должны носить много дорогих украшений и богато одеваться, чтобы показать успешность мужа. Выбор ассимиляционной стратегии связан с приемлемостью данной традиции. Выбравшие ограничительную и исключаящую стратегии не согласны с мнением, что женщины-мусульманки здесь, в России, должны вести себя так, как требуют того законы шариата, носить хиджаб.

Культурное самоопределение российского социума. Выбор ограничительной стратегии коррелирует с мнением, что национальное возрождение всех народов Российской Федерации немислимо без национального возрождения русского народа, т. е. связано с самоконструированием российской общественности, этнической русской идентичности и мнением о необходимости ее укрепления.

Выбирающие ограничительную и исключаящую стратегии считают, что приток мигрантов представляет собой угрозу для национальных обычаев, традиционных религий, культурного единства России; выбравшие интеграционную и ассимиляционную стратегии не видят такой угрозы.

Выбравшие ограничительную и исключаящую стратегии считают, что приезжие должны соблюдать принятые в России нормы и традиции; выбор интеграционной стратегии связан с мнением о необязательности для мигрантов соблюдения российских норм и традиций. Выбор интеграционной и ассимиляционной стратегий коррелирует с мнением, что традиции мигрантов должны уважаться местными жителями наравне с российскими. Выбор ограничительной, исключаящей и, в небольшой степени выраженной, сегрегационной стратегий связан с самоинтеграционной, самоорганизационной направленно-

стью — мнением, что в России важнее сохранение российской культуры.

Таким образом, выбор стратегии относительно мигрантов помимо глобальных факторов в значительной степени связан с наличием своей семьи, веры в Бога, принадлежностью моно-либо поликультурной среде, психологическими и идентификационными факторами. Выбор стратегии особо не связан с религиозностью принимающего общества (православных), однако значительно связан с религиозностью мигрантов, их принадлежностью исламу. Преобладающий выбор ограничительной и исключаяющей стратегий связан с самоорганизацией этой части общества, конструированием ею своей идентичности, сохранением границ и культурной определенности, определенного типа социальности (аутосоциализацией¹ данной общности), представляющими в совокупности фактор культурного самоопределения принимающего социума.

---

¹ См.: *Кириллова А. И.* Аутосоциализационные процессы как элемент аутопойесиса // Девятые Ковалевские чтения : материалы науч.-практ. конф., 14—15 ноября 2014 г. / отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт, 2014. С. 119—121. URL: http://soc.spbu.ru/nauka/publications/k9_4r.pdf

Наталья Леоненко

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
конституционного и муниципального права
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС,
доцент кафедры теории государства и права
Новосибирского государственного технического университета*

Новосибирск, Россия

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ПО ОКАЗАНИЮ СОДЕЙСТВИЯ ДОБРОВОЛЬНОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ: РЕАЛИЗАЦИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В последние десятилетия в мире происходят масштабные миграционные процессы. В новом ежегодном докладе Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев «Глобальные тенденции» отмечается, что только в 2014 г. вновь перемещенными лицами стали 13,9 млн человек — в четыре раза больше, чем в 2010 г. Во всем мире сейчас зарегистрировано 19,5 млн беженцев (по сравнению с 16,7 млн в 2013 г.), 38,2 млн перемещены в пределах своих стран (по сравнению с 33,3 млн в 2013 г.), и еще 1,8 млн человек ожидают решений по ходатайствам об убежище (по сравнению с 1,2 млн в 2013 г.)¹.

В эти процессы активно включена и Российская Федерация, которая в конце XX в. пережила крупнейшую национальную катастрофу, связанную с распадом Союза Советских Социалистических Республик (СССР). В результате 25 млн русских, оказавшихся не по своей воле за пределами своего Отечества, стали в новых независимых государствах национальными меньшинствами. Перед Российской Федерацией как правопреемником и правопродолжателем Российского государства, Российской республики, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и СССР со всей очевидностью встал вопрос

---

¹ URL: [http://unhcr.ru/index.php?id=10&tx_ttnews\[tt_news\]=501&cHash=16219855c12ccf888456a4531c57e029](http://unhcr.ru/index.php?id=10&tx_ttnews[tt_news]=501&cHash=16219855c12ccf888456a4531c57e029) (дата обращения: 06.07.2015).

о защите политических и гражданских прав своих соотечественников.

До конца 90-х гг. прошлого века основными документами в системе нормативных правовых актов, предусматривающими меры защиты прав и интересов российских соотечественников в странах СНГ и Балтии, являлись Указ Президента Российской Федерации от 11 августа 1994 г. № 1681 «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом»¹ и постановление Правительства Российской Федерации от 31 августа 1994 г. № 1064 «О мерах по поддержке соотечественников за рубежом»².

Затем последовало принятие Федерального закона от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»³, определившего цели и основные направления государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом и заложившего основы деятельности органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по реализации указанной политики.

В настоящее время в Российской Федерации создан значительный массив законодательных и иных нормативных правовых актов, направленных на регулирование вопросов государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом. Важнейшими документами в этой сфере являются Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года⁴, Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Прези-

---

¹ *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 1994. № 16. Ст. 1888.

² *Там же.* № 21. Ст. 2383.

³ *Там же.* 1999. № 22. Ст. 2670.

⁴ *О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года* : указ Президента Рос. Федерации от 19 дек. 2012 г. № 1666 // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2012. № 52. Ст. 7477.

дентом РФ 13 июня 2012 г.)¹ и Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года², определившие общую стратегию и основные направления миграционной политики в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития страны; государственная программа Российской Федерации «Региональная политика и федеративные отношения», предусматривающая стимулирование и организацию процесса добровольного переселения соотечественников, проживающих за рубежом, на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)³.

В целях оказания соотечественникам, проживающим за рубежом, поддержки, необходимой для защиты их прав и законных интересов в странах проживания, создан Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом⁴.

В целях стимулирования возвращения соотечественников на историческую Родину, компенсации естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах, создания конкуренции иностранной рабочей силе, вытеснению нелегальной трудовой миграции Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 утверждена Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом⁵ (далее — Государственная программа), первоначально рассчитанная на период 2006—2012 гг.

---

¹ *Ваше право*. Миграция. 2012. № 13.

² *Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.* : указ Президента Рос. Федерации от 9 окт. 2007 г. № 1351 (в ред. от 1 июля 2014 г.) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2007. № 42. Ст. 5009.

³ См.: *Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Региональная политика и федеративные отношения»* : постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апр. 2014 г. № 307 // Там же. 2014. № 18 (ч. I). Ст. 2153.

⁴ См.: *О создании Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом* : указ Президента Рос. Федерации от 25 мая 2011 г. № 678 // Там же. 2011. № 22. Ст. 3156.

⁵ *Там же*. 2006. № 26. Ст. 2820.

Государственная программа с 31 декабря 2012 г. действует в обновленной редакции, подготовленной с учетом предыдущего опыта, и является бессрочной.

Мониторинг реализации Государственной программы, проведенный на основании данных, содержащихся в СПС «КонсультантРегион», свидетельствует, что по состоянию на 20 июня 2015 г. региональные переселенческие программы действуют в 36 субъектах Российской Федерации, в 24 субъектах Российской Федерации разработаны соответствующие подпрограммы в рамках различных целевых программ, например, содействия занятости населения, социальной поддержки и защиты граждан и др.

Кроме того, в срок до 1 января 2017 г. планируется разработка проектов региональных программ по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, еще в ряде субъектов Российской Федерации¹.

Реализации Государственной и региональных программ способствует большой массив подзаконных актов, детально регламентирующих осуществление всех основных мероприятий программ. Созданы организационные, методические, информационные, экономические, финансовые механизмы их реализации.

Согласно данным Федеральной миграционной службы², с начала реализации Государственной программы по состоянию на 1 января 2015 г.: подано 248,8 тыс. анкет для участия в Государственной программе на 558,4 тыс. потенциальных переселенцев, в том числе в 2014 г. — 90,4 тыс. заявлений, охватывающих 208,2 тыс. человек; выдано 164,3 тыс. свидетельств участников Государственной программы на 355,1 тыс. потенциальных переселенцев, в том числе в 2014 г. — 70,8 тыс. свидетельств на 158,9 тыс. человек; прибыло в Российскую Федера-

---

¹ См.: *Об отсрочке* разработки отдельными субъектами Российской Федерации проектов региональных программ по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 25 февр. 2015 г. № 301-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10. Ст. 1553.

² *Официальный сайт ФМС России*. URL : http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/monitoring/4_kv_2014.pdf (дата обращения: 06.07.2015).

цию 130,8 тыс. участников (вместе с членами семей — 262,9 тыс. человек), в том числе в 2014 г. — 51,5 тыс. и 100,5 тыс. человек соответственно; поставлено на учет в территориальных органах ФМС России 255,2 тыс. человек, в том числе в 2014 г. — 106,3 тыс. человек.

В первом квартале 2015 г. от соотечественников принято 27,5 тыс. заявлений, в которые включено 61,8 тыс. человек; оформлено 26,7 тыс. свидетельств, в которые включено 59,3 тыс. человек; поставлено на учет 43,1 тыс. участников Государственной программы и членов их семей¹.

В основном соотечественники прибывают из Казахстана, Узбекистана, Молдовы, Киргизии, Армении и Таджикистана. Кроме того, соотечественники переселяются из государств Евросоюза: Латвии, Литвы, Эстонии, Германии, Польши и др. В 2014 г. одним из основных направлений реализации Государственной программы являлась работа по оказанию содействия переселению в Российскую Федерацию соотечественников, вынужденно покинувших территорию Украины.

Традиционно высокой остается доля соотечественников, переселяющихся на постоянное место жительства в субъекты Российской Федерации, находящиеся в пределах Сибирского федерального округа (далее — СФО), где уже начиная с 2007 г. в Красноярском крае, Иркутской и Новосибирской областях реализуются региональные программы, целью которых является создание условий, способствующих репатриации соотечественников на историческую Родину. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 мая 2013 г. № 848-р² три субъекта Российской Федерации — Республика Бурятия, Забайкальский край и Иркутская область, находящиеся в пределах СФО, признаны территориями приоритетного заселения. Данный статус предусматривает кратное увеличение для прибывших соотечественников размера единовременного пособия, выделяемого на обустройство из федерального бюджета.

---

¹ *Официальный сайт ФМС России.* URL : http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/monitoring/1kv_2015.pdf (дата обращения: 06.07.2015).

² *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2013. № 22. Ст. 2848.

В настоящее время лидерами по приему соотечественников в СФО являются Омская, Новосибирская области и Красноярский край.

В Омской области реализуется уже третья программа переселения соотечественников, рассчитанная до 2020 г.¹ Если первой программой предусматривалось переселять соотечественников в восемь муниципальных образований, включая г. Омск, то теперь территория вселения расширена до масштаба всей области. Омская область граничит с Республикой Казахстан, что обуславливает наибольший поток переселенцев именно из этого региона. В целях повышения привлекательности территорий заселения, участнику Государственной программы и членам его семьи, прибывшим в Омскую область, оказываются дополнительные меры социальной поддержки в виде: 1) единовременно подъемного пособия участнику Государственной программы и членам его семьи; 2) компенсации расходов по договору найма (поднайма) жилого помещения участнику Государственной программы². К концу 2020 г. на территорию области планируется привлечь 8 200 соотечественников.

В Новосибирской области реализуется вторая программа переселения соотечественников, рассчитанная на период до 2020 г.³ В отличие от предыдущей программы, территорией вселения определена вся Новосибирская область. По итогам действия первой программы (2007—2012 гг.) на учете состоит

---

¹ *Об утверждении государственной программы Омской области «Оказание содействия добровольному переселению в Омскую область соотечественников, проживающих за рубежом»* : постановление Правительства Омск. обл. от 9 окт. 2013 г. № 235-п (в ред. от 24 дек. 2014 г.) // Омск. вестн. 2013. 11 окт.

² *О мерах социальной поддержки участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членов их семей, прибывших в Омскую область* : постановление Правительства Омск. обл. от 23 окт. № 273-п (в ред. от 14 мая 2014 г.) // Там же. 1 нояб.

³ См.: *Об утверждении государственной программы Новосибирской области «Оказание содействия добровольному переселению в Новосибирскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013—2020 годы»* : постановление Правительства Новосибирской области от 6 авг. 2013 г. № 347-п (в ред. от 22 сент. 2014 г.) // Официал. сайт Правительства Новосиб. обл. URL: <http://www.nso.ru> (дата обращения: 06.07.2015).

3 131 участник Государственной программы и 2 584 членов их семей. В 2013 г. прибыло 1 018 участников и 868 членов их семей, в 2014 г. — соответственно 2 723 и 2 593, что больше значения, запланированного программой (5 060 участников и членов их семей).

В Новосибирской области разработан ряд мероприятий: по организации профессионального обучения участников Государственной программы и членов их семей; оказанию единовременной финансовой помощи на обустройство, в том числе жилищное, в период адаптации на территории вселения; оказание государственной финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства, образованным гражданами из числа участников Государственной программы¹. Одним из важнейших направлений областной программы является привлечение талантливой молодежи для получения образования в образовательных учреждениях Новосибирской области. За 2013—2015 гг. участниками программы стали 663 студента, обучающиеся в высших и средних профессиональных образовательных учреждениях области. Талантливым студентам-соотечественникам выплачивается стипендия Правительства Новосибирской области².

В Красноярском крае период наиболее активного прибытия соотечественников пришелся на 2010—2013 гг., когда в регион прибыло в 2,3 раза больше соотечественников, чем было предусмотрено краевой программой переселения. За 2014 г. в Красноярский край прибыло 1 634 участника Государственной программы с членами семей, что в 1,6 раза больше значения, запланированного программой (997 участников и членов их семей).

---

¹ См.: *Об утверждении Порядка реализации отдельных мероприятий государственной программы Новосибирской области «Оказание содействия добровольному переселению в Новосибирскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013-2020 годы»* : постановление Правительства Новосиб. обл. от 21 окт. 2013 г. № 459-п (в ред. от 27 апр. 2015 г.) // Сов. Сибирь. 2013. 15 нояб.

² *О стипендиях* Правительства Новосибирской области талантливым студентам-соотечественникам : постановление Правительства Новосиб. обл. от 20 окт. 2014 г. № 421-п (в ред. от 30 дек. 2014 г.) // Там же. 2014. 11 нояб.

В 2015—2017 гг. в Красноярском крае планируется принять еще 2 575 потенциальных переселенцев¹.

В целях повышения привлекательности территорий вселения (а их в Красноярском крае более пятидесяти) разработаны дополнительные меры социальной поддержки участникам Государственной программы: а) единовременная денежная выплата на обустройство; б) компенсация расходов на перевод документов с иностранного языка на русский язык². В крае реализуется программа строительства доступного жилья для участников Государственной программы³.

Анализ целевых показателей Государственной программы и региональных программ позволяет сделать вывод о том, что в Российской Федерации созданы необходимые политические и социально-экономические условия, способствующие переезду соотечественников в Россию на постоянное место жительства и успешную их адаптацию на своей исторической Родине.

Вместе с тем, учитывая то, что процессы депопуляции и старения населения страны продолжают, численность населения в трудоспособном возрасте уменьшается, необходима дальнейшая корректировка мероприятий Государственной программы, как эффективного инструмента ослабления демографической проблемы. Ее основными направлениями представляются

---

¹ См.: *Об утверждении государственной программы Красноярского края «Содействие занятости населения»* : постановление Правительства Краснояр. края от 30 сент. 2013 г. № 502-п (в ред. от 17 марта 2015 г.) // Наш Красноярский край. 2013. 23 окт.

² См.: *О дополнительных мерах социальной поддержки участникам государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей, переселившимся в Красноярский край* : закон Краснояр. края от 24 окт. 2013 г. № 5-1705 (в ред. от 20 марта 2014 г.) // Там же. 13 нояб.

³ *Об утверждении Региональной программы Красноярского края «Строительство доступного жилья для участников государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, переселившихся в Красноярский край, до 2017 года»* : постановление Правительства Краснояр. края от 13 мая 2015 г. № 225-п // Официал. Интернет-портал правовой информации Краснояр. края. URL: <http://www.zakon.krskstate.ru> (дата обращения: 06.07.2015).

следующие: использование налоговых стимулов для регионов, отдельных предприятий и предпринимателей, готовых вложить средства в обустройство и создание рабочих мест для переселенцев; развитие строительства недорогого жилья, широкое применение налоговых льгот для застройщиков; увеличение количества субъектов Российской Федерации, участвующих в реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; увеличение квоты приема соотечественников в российские вузы и учреждения профессионального образования за счет ассигнований федерального бюджета; укрепление механизмов связи с эмигрантами и диаспорами, в частности по вопросам содействия возвратной миграции; использование международного опыта, например, программ репатриации, действующих в Армении, Германии, Греции, Израиле, Франции по привлечению в страну ученых, научно-технической интеллигенции.

От успешной реализации государственной национальной политики, миграционной, демографической и других государственных и региональных программ зависит, сможет ли Россия существовать в будущем как сильное, политически и экономически независимое государство.

Данил Нефёдов

аспирант Сибирского института управления — филиала РАНХиГС

Новосибирск, Россия

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ

Любая перемена места жительства неизбежно влечет за собой необходимость приспособления к новым природным, экономическим, социальным, а иногда и этнокультурным условиям как биологического (акклиматизация), так и социально-психологического характера. Во многих случаях она происходит достаточно болезненно и не всегда заканчивается успешно. Необходимость приспособления возникает тогда, когда отдельные люди или целые группы оказываются в иной социальной среде, с отличной от привычной культурой и социальной организацией, когда меняется не только физическое пространство жизни, ее природно-географические, экологические и климатические факторы, но и пространство социального бытия, где они занимали определенное положение, были наделены определенным статусом и выполняли определенные социальные роли. Меняются также условия экономического и политического существования.

Сегодня социология адаптаций является одной из многих наук, исследующих адаптивные процессы (например, частью адаптологии — системы наук об адаптациях). Отметим, что сам термин «адаптация» (от лат. *adaptare* — приспособлять) полисемантический и употребляется во многих значениях. И все же данное понятие как общее для многих наук в современной научной литературе отнесено преимущественно к сфере естествознания (в первую очередь — биологии и медицине).

Изучение опыта иностранных государств в области социальной адаптации мигрантов в современном глобализирующемся мире представляется в высшей степени необходимым. Это подтверждают существующие сегодня во многих странах проблемы экстремизма на национальной почве и другие социальные проблемы, обусловленные непроработанной политикой интеграции. Особое практическое значение приобретают исследо-

вания социальной адаптации мигрантов на фоне развернувшейся в России кампании по возвращению соотечественников.

В Германии этот вопрос возник еще в 1970-е гг. Таким образом, выступая одним из пионеров на пути создания системы интеграции и социальной адаптации мигрантов, Германия накопила в этом направлении большой опыт и может в значительной степени выступать примером для других государств¹.

После депортации в 1941 г. и ликвидации Автономной республики немцев Поволжья с 1950 г. в среде немцев России стала обозначаться тенденция к выезду в Германию. С 1950 по 2013 г. только с территории сегодняшней России в Германию на постоянное место жительства в статусе переселенцев (поздних переселенцев) переехало порядка 2,5 млн человек. До конца 1980-х гг., в списке стран, из которых в Германию прибывали немецкие переселенцы, лидирующие позиции занимали Польша и Румыния. С 1990 г. эти страны уступили свое место странам бывшего Советского Союза. Надежда на то, что вслед за политической реабилитацией в России последует и отмена «наказания», практически угасла. Отказ правительства от восстановления немецкой автономии в Поволжье во многом обусловил выезд значительного количества немцев в Германию².

Политика, направленная на интеграцию поздних переселенцев (в том числе российских немцев) в современное немецкое общество, проводимая ФРГ, в целом оценивается немецкими исследователями достаточно позитивно. Об этом свидетельствуют отчеты Федеральной службы по вопросам миграции и беженцев за 2013 г., где по основным показателям переселенцы занимают достаточно высокие позиции³. Тем не менее вопросы успешности социальной адаптации российских немцев в Германии очень часто являются предметом обсуждений и дискуссий в кругах немецких ученых. Об этом свидетельствуют, с одной

---

¹ Нефёдов Д. В. Политика Германии в сфере социальной адаптации мигрантов // Идеи и идеалы. 2015. № 2. С. 104.

² См. подробнее: Герман А. А., Илларионова Т. С., Плева И. Р. История немцев России : учеб. пособие. М. : МСНК-Пресс, 2007. 542 с.

³ См. подробнее: (*Spät-*) *Aussiedler* in Deutschland. Eine Analyse aktueller Daten und Forschungsergebnisse. Forschungsbericht 20 / S. Worbs, E. Bund, M. Kohls, C. Babkavon Gostomski. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. 2013. 248 s.

стороны, множественные публикации научных статей на тему проблем интеграции российских немцев в немецкое общество и, с другой стороны, многочисленные случаи реэмиграции российских немцев в Россию.

В сентябре — ноябре 2014 г. в адаптационном лагере Фридланд в Германии, а также за его пределами автором было проведено авторское исследование социальной адаптации переселенцев из числа российских немцев. Исследование производилось по биографическому методу с элементами включенного наблюдения и с письменного согласия участников.

Анализ данных, полученных в исследовании, был сопоставлен с данными статистической базы Федеральной Службы по вопросам миграции и беженцев ФРГ, миграционных отчетов ФРГ за период с 2012 по 2015 г.

Говоря о причинах переезда российских немцев в Германию сегодня, нужно отметить, что они имеют преимущественно материальный характер. Об этом говорят данные проведенного нами наблюдения, подтверждается объективная статистика, составляемая BVA¹. Согласно проведенному исследованию, основными причинами переезда российских немцев в Германию на сегодняшний день являются (по убыванию значимости): семейные обстоятельства, улучшение уровня жизни, получение немецкой пенсии, стремление к получению лучшего образования и самореализации (справедливо для молодых российских немцев), и только потом — поиск идентичности и тяга к своим историческим корням.

Тем не менее в рамках наблюдения удалось выяснить, что многие переселенцы считают российских немцев «привилегированной группой», аргументируя выезд в Германию возвратом на историческую родину, а других мигрантов считают «чужаками». Нужно отметить, что данная точка зрения верна лишь отчасти. Сегодня Германия фокусирует внимание на «социальной интеграции», опосредованной рынком, а не происхождением. В основу берется критерий успешности, а не национальной принадлежности. Таким образом, существенная разница в под-

---

¹ (*Spät-*) *Aussiedler* in Deutschland... S. 28.

ходах к социальной адаптации поздних переселенцев и других групп мигрантов существует только на начальном этапе и заключается в предоставлении больших преференций этническим немцам «на старте». В остальном, согласно существующему сегодня в Германии подходу, обе группы имеют равные возможности на получение адаптационных ресурсов.

В силу предполагаемой принадлежности этнических немцев к германской нации вплоть до 1990 г. эта группа мигрантов рассматривалась государственными социальными программами как граждане, прожившие всю жизнь на территории государства. Они интерпретировались как часть «немецкого народа», что делало их невидимой социальной группой¹. Несмотря на сокращение программ по интеграции этнических немцев и ограничение доступа к статусу переселенцев, оказавшиеся в Германии этнические немцы все еще считаются принадлежащими к немецкому народу, а их социальная интеграция рассматривается как государственный долг. Несмотря на то, что национальное государство все еще остается структурой, определяющей этот тип миграции, его роль сегодня меняется. Вместе с появлением свободы передвижения в государствах бывшего Советского Союза была сформирована миграционная сеть, занимающаяся организацией миграции как в Германию, так и обратно. Миграцию оплели формальные и неформальные организации, предоставляющие желающим услуги по увеличению их шансов на выезд. Языковые школы, обучающие потенциальных мигрантов немецкому языку, правовые консультации и другие организации основываются как в странах выезда, так и в Германии. Феномен появления сетей как коммерческой, так и частной поддержки привел к формированию более стабильной и устойчивой международной социальной структуры между мигрантами в Германии и их «партнерами» в странах исхода.

После выезда в Германию переселенцы попадают в адаптационный лагерь Фридланд, пребывание в котором вызывает

---

¹ *Bommes M.* Migration, Raum und Netzwerke — ber den Bedarf einer gesellschaftstheoretischen Einbettung der transnationalen Migrationsforschung / Oltmer Jochen (ed.); Migrationsforschung und Interkulturelle Studien. Osnabrück, 2002. S. 91—105.

у нас особый научный интерес. Лагерь Фридланд (нем. Grenzdurchgangslager Friedland) — это приемный лагерь, расположенный в одноименном поселке на южной окраине федеральной земли Нижняя Саксония в Германии. Лагерь находится в подчинении Федерального административного ведомства (BVA) и Федеральной службы по вопросам миграции и беженцев (BAMF). Ранее лагерь использовался только для интеграции этнических немцев, вернувшихся на родину. Сегодня часть лагеря занимают беженцы, ищущие убежища в Германии по различным причинам.

Существующий в Германии механизм социальной адаптации можно представить как симбиоз состояний, процессов и явлений, существующих в контексте сопутствующих им и продуцирующих их социальных фактов, предусматривающий восстановление равновесия оппозиции «социальная система — среда».

Современное общество Германии характеризуется большой скоростью и глубиной социальных изменений, обусловленных высоким уровнем экономического развития страны и процессами политической интеграции на европейском уровне.

По уровню агрессивности по отношению к российским немцам социальная среда может быть характеризована как нейтральная. С одной стороны, государство выражает заинтересованность в поддержке переселения на высших уровнях власти, упрощает процедуры получения гражданства для этнических переселенцев и вводит ряд льгот для переселенцев на территории Германии. С другой стороны, государство все меньше участвует в процессах интеграции мигрантов напрямую, передавая эти полномочия различным организациям. Основным критерием включенности выступает не стремление и желание быть частью немецкого народа, а уровень индивидуальной успешности. Подобное лишение государственного суверенитета обусловливается изменениями, происходящими сегодня в европейских странах под влиянием процессов глобализации и всеобщей либерализации.

Основным документом, регламентирующим интеграцию и социальную адаптацию мигрантов в Германии сегодня является «Национальный интеграционный план», принятый немецким

законодателем в 2007 г.¹ Документ включает ряд мер, направленных на интеграцию мигрантов, среди которых можно выделить несколько основных направлений:

- интеграция через образование;
- интеграция через изучение языка;
- интеграция через изучение культуры;
- интеграция в научной сфере;
- интеграция через средства массовой информации;
- интеграционные программы для лиц женского пола, направленные на воспитание последующих поколений граждан;
- интеграция через спорт;
- поддержка мероприятий для социально активных мигрантов.

Главным принципом социальной адаптации мигрантов сегодня является принцип интеграции «на местах», обуславливающий принятие мер по социальной адаптации мигрантов на локальном уровне в коммунах и поселениях. Таким образом, существовавшая ранее система, подразумевающая наличие «буферной зоны» в виде проведения восьмимесячного адаптационного курса в лагере для переселенцев, была заменена системой адаптации «в естественной среде». Такой подход соответствует аксиоме, согласно которой успешность, эффективность, адекватность и высокая скорость адаптации наиболее вероятна при максимальной величине изменений в единицу времени. Отрицательным в таком подходе является то, что он не обеспечивает устойчивый и стабильный характер изменений, что понижает вероятность успешных, адекватных и эффективных адаптаций. Благодаря упрощению процедуры переселения, оформление документов для российских немцев на данный момент протекает достаточно быстро. В рамках проведенного нами эмпирического исследования с момента выезда в ФРГ до получения немецкого паспорта прошло четыре месяца.

Нужно отметить, что почти $\frac{3}{4}$ переселенцев в Германии проживают в четырех федеративных землях: Северный Рейн-

---

¹ *Официальный сайт* Федерального правительства Германии. Национальный интеграционный план. С. 37—38. URL: http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Archiv16/Artikel/2007/07/Anlage/2007-07-12-nationaler_integrationsplan.pdf (дата обращения: 15.07.2014).

Вестфалия, Баден-Вюртемберг, Бавария, Нижняя Саксония, менее 5 % — в девяти землях, не учитывая Берлин. В некоторых регионах российские немцы составляют до 9,5 % от общей численности населения. Территориальное распределение переселенцев определяется желанием переселенцев и объективными возможностями местных властей в федеративных землях. На текущий момент большинство (27 %) всех переселенцев проживает в земле Северный Рейн-Вестфалия¹.

Уровень жизни переселенцев на 2013 г. (наиболее актуальная информация на время написания статьи) характеризуется как «средний». 52,9 % переселенцев самостоятельно обеспечивает свое проживание. Российские немцы достаточно активны на рынке труда. Преимущественно они трудоустроены в местах, не требующих высокого уровня профессиональной квалификации.

Существующие ранее проблемы с признанием документов об образовании на сегодняшний день решаются посредством применения принципа унификации во всех землях Германии.

Российские немцы все еще сталкиваются с проблемами дискриминации, которые обуславливаются недостаточным уровнем интегрированности, вызванным слабыми знаниями немецкого языка среди переселенцев. Однако нужно отметить, что эти показатели в разы ниже показателей по дискриминации в отношении других групп мигрантов, что демонстрирует позитивную тенденцию.

Политическая и гражданская позиция российских немцев характеризуется немецкими авторами как «пассивно-нейтральная». Большинство российских немцев позиционируют себя в «политическом центре» либо имеют политическое отклонение влево. Говоря об участии российских немцев в общественной жизни, нужно отметить, что основная активность наблюдается в рамках организаций и объединений помощи соотечественникам, церковных и спортивных объединений².

---

¹ *Migrationsbericht* 2012. Федеральная служба по вопросам миграции и беженцев. С. 13—14. URL: <http://www.bamf.de> (дата обращения: 03.06.2014).

² *Mutz M., Baur J.* Die Größenordnung des IdS-Programms: Analysen zu Teilnehmerzahlen und Teilnehmerkonstellationen, in: Baur, Jürgen (Hg): Baur, Jürgen (Hg): Evaluation des Programms „Integration durch Sport“. Band 1; Potsdam, 2009. S. 321—332.

Реэмиграция российских немцев в Россию не имеет массового характера. Основные причины возвращения части российских немцев-эмигрантов типичны для данной группы мигрантов, так как обусловлены современной этнокультурной политикой Германии и России, социальными изменениями, происходящими в Германии в последние годы, а также всей предшествующей историей изучаемого этноса.

Можно выделить следующие причины, обуславливающие возвратную миграцию российских немцев в Россию:

— различия в культурной и цивилизационной идентичности переселенцев и граждан современной Германии;

— существующие в Германии подходы к социальной адаптации в большей степени фокусируют внимание на способности индивидов к интеграции на рынке труда, чем на культурных особенностях, самобытности и национальной принадлежности;

— введение национального интеграционного плана и введенная с ним система интеграции в «естественной среде»;

— причины, обусловленные такими эмоциональными категориями, как ностальгия по родным краям;

— поддерживаемые правительствами России и Германии усилия общественных структур, направленные на поддержание культурной самобытности и этнической идентичности российских немцев на локальном уровне, в местах их компактного проживания.

Воздействие фактора культурной дистанции на процесс адаптации переселенцев зависит не только от ее реальной величины, но и от социального статуса переселенцев, имущественного положения, бытовых условий. Иначе говоря, осознание культурной дистанции тем острее, чем более экстремальный характер носит первоначальный этап адаптации. Потребность отделить себя от воспринимаемой как враждебная окружающей среды, противопоставить себя ей, приводит к активизации защитного механизма.

Минимизировать воздействие этого фактора на процесс адаптации переселенцев, на наш взгляд, можно различными способами.

Первый способ — объективное сокращение культурной дистанции с помощью подбора оптимальных климатических и социально-экономических условий для вселения.

Второй способ — создание для переселенцев более благоприятных социально-экономических условий.

Третий — формирование для переселенцев опосредующего круга общения, роль которого могут выполнять переселенческие общины.

Алиса Толстокурова

*кандидат филологических наук, доцент,
научный эксперт Международной организации
«Школа равных возможностей»*

Киев, Украина

ISSUES OF EMIGRATION AND DIASPORAS IN UKRAINIAN ETHNOPOLITICS

Introduction. Ukrainian ethnopolitics is an emerging subdiscipline of political science dealing with issues of citizenship and nationality with the accent on ethnic diversity, its political implications and institutional solutions meant to accommodate this phenomenon that is faced nowadays by most of the states in contemporary world. Throughout the past two decades of Ukrainian state independence ethnopolitics as an academic field has attracted the attention of growing numbers of local scholars and practitioners insofar as today there is a call for the theorization of post-socialist transformation in an ethnopolitically-informed perspective that synthesises everyday “grounded” experiences.

Among the new challenges that emerged after Ukraine’s state independence were issues of emigration and Ukrainian Diaspora. For one, there was an imperative demand in the state policy aimed at the protection of the rights of Ukrainian citizens abroad given that across the background of the reinvented right to free movement, the free market reforms entailed a mass outflow of the population abroad. For the other, there emerged a call to reinvent the connections with Ukrainian diaspora abroad which were nearly non-existent throughout the Soviet rule.

According to IOM, in absolute numbers, the pull of Ukrainian nationals residing abroad approaches 6 million, while the data of BMP is even more impressive — 10 million. Throughout the years of state independence of Ukraine, an increasing transnationalism is observable in the country, accompanied by a growing wave of emigration.

The Ukrainian Diaspora started to shape itself from the economic migration in the latter part of the 19th century, followed by the political emigration during the upheavals of the inter-war period.

Ensuing the first waves of emigration, diasporas were formed mainly in countries of the North American continent and Western / Southern Europe, thus forming the western section of Ukrainian diaspora. The western diaspora incorporates USA (2 million people of Ukrainian origin), Canada (800 thousand), Brazil and Argentina (400 thousand), Australia and France (40 thousand), UK (30 thousand), Germany (25 thousand).

Throughout the years of state independence, especially with the fourth wave of migration, drawing on international labour mobility of the Ukrainian population, a new phenomenon of eastern diaspora emerged. Having started after the demise of the USSR, it is currently coming through the phase of structuring itself and for that matter requires particular support and attention from its historical mainland. Currently the largest group of eastern diaspora is concentrated in the Russian Federation. According to the Ukrainian Ministry of Foreign Affairs (MFA), the results of 2002 all-Russian census showed that 2,943,471 citizens identify themselves as ethnic Ukrainians. Yet, the actual number of Ukrainians living there might be tangibly higher, presumably 4.3 million. Other countries of the eastern diaspora include Kazakhstan (900 thousand), Moldova (600 thousand), Belarus (300 thousand people), Uzbekistan (150 thousand), Kyrgyzstan (100 thousand).

A part of the Ukrainian Diaspora has been living permanently on the terrains of the neighboring countries which secured independence after World War II: Poland (300 thousand people), Romania (100 thousand), Slovakia (about 40 thousand).

Brief history of the development of migration policy framework. International organizations underscore that since state independence Ukraine has made tangible progress towards bringing its legislation and advocacy practice in line with international human rights standards in the area of migration. It adopted up-to-date migration legislation, established the State Migration Service, incorporated international agreements on human rights into its national legislature and developed international cooperation in the area of migration. Thus, the first attempts to provide a legislative framework to issues of migration were made as early as in 1991, as soon as Ukraine secured its state independence. They were vested into the adoption of the "Law" on employment of the population. Clause 10 of the Law titled "Citi-

zens' rights for professional activity abroad" stipulated the right of Ukrainians to be involved in labour activity during their temporal stay abroad, if it does not contradict current legislation of Ukraine and the country of work. On the level of strategic state documents, migration was highlighted as a policy issue for the first time in 1997, after the adoption of the "Main directions of social policy for 1997—2000". This document confirmed the status of Ukraine as a labour exporting society, outlined the key directions of state migration policy, but did not provide any elaborations regarding the institutional framework for their implementation.

Challenges to emigration policy development in Ukraine and their underpinnings. By expert estimates, Ukrainian state migration policy is identified as being "in the process of permanent formation". It is not yet acknowledged as one of priority branches of Ukrainian public policy and for that matter is fragmentary by composition and contradictory by content, being focused on immigration issues regarded mainly as restrictive principles aimed at the counteraction to illegal immigration into the country. Some of fundamental components of state migration policy are either lacking or underdeveloped. Among them are policies towards emigration and diaspora. Their principles, strategies and priorities as well as ways of implementation are still unidentified because the state has practically put off the responsibility for their regulation onto the shoulders of the civil society and the church who have neither power nor resources to tackle them on due level.

Issues of emigration in the framework of state policy on migration in Ukraine. Key principles and foci of state emigration policy.

Meanwhile, the state has made some important steps in the direction towards the resolution of issues of emigration, stemming from the principle of non-violation of state borders and integrity of states in dealing with them. Nonetheless, the state policy in this area hinges primarily on the provision of aid and support to Ukrainian nationals living and working abroad, but not so much at those who are leaving the country, let alone for good. In particular, the key interest of the state is to attract foreign Ukrainians to return home in larger numbers, which putatively would in turn help boost the economy. According to the government, the best way to promote such return is to achieve higher standards of living in Ukraine. Additional-

ly the government is taking a proactive approach to this issue by running informational websites, disseminating information through diaspora newspapers and through regular meetings with diaspora associations.

State programs and projects on emigration issues. With the goal to address issues of emigration, two nation-wide projects were implemented by the state: National Program “Ukrainian Diaspora” for the period 1996—2000, National Action Plan “Foreign Ukrainians” for the period up to 2001—2005. Both of them were geared to the requirements of Ukrainians who already live abroad. Mainly, they were aimed at providing support to the development of relations with them involve them in the process of nation-building in Ukraine, encourage the preservation of ethnic identity and cultural legacy. In 2004 the Cabinet of Ministers adopted “The Program on Safeguarding the Rights and Interests of Citizens Leaving for Employment Abroad and on Children Fostered by Foreigners till the year 2010”.

Legislative backing of state policy on emigration. In terms of the legislative background for the public policy on emigration and diaspora, the cornerstone for it was defined in 1994 when the Parliament adopted the Law of Ukraine “On the Procedure of Entrance into Ukraine and Exit from Ukraine of Citizens of Ukraine”. The decade starting the New Millennium was especially productive for the development of this branch of public policy. In 2001 a new version of the law “On Ukrainian citizenship” was adopted. In December 2003 the Parliament passed the Law “On the Freedom of Movement and Free Choice of a Place of Residence in Ukraine” which applies both to Ukrainian citizens living abroad and to foreign nationals who were granted a residence permit in the country. In 2004 the Law “On Legal Status of International Ukrainians” was adopted, which provided the rights of immigration into Ukraine to ethnic Ukrainians beyond existing quotas.

The role of Parliamentary hearings in the advancement of emigration policy. In October 2009 for the first time during the years of state independence the Ukrainian Parliament organized hearings focused on issued of its citizens living abroad: “Foreign Ukrainians: Current Situation and Perspectives for Cooperation”. The hearings underscored that after obtaining state independence, Ukraine has consolidated itself as a centre for ethnic Ukrainians living abroad.

This was also reinforced by the formal identification of the status of a foreign Ukrainian, which was requested by and granted to over 4000 persons in 50 countries of the world. Another benchmark in the development of state emigration policy in Ukraine was the adoption in 2011 of “The Concept of State Migration Policy in Ukraine”, which, among the priorities of the state in relation to issue of emigration and diaspora, stipulated the goal of creating favorable conditions and mechanisms for the return of Ukrainian nationals permanently residing on the territory of other states as well as for socio-economic investments of Ukrainian migrants and members of the Ukrainian diaspora into national economy.

The executive level of emigration policy realization. An important contribution to the realization of state emigration policy in Ukraine was the launch by the Cabinet of Ministers of consultative-advisory centres aimed to work with issues of emigration and diaspora. Furthermore, Councils of organizations of international Ukrainians were established at the diplomatic institutions of over 30 countries of the world aimed to promote cooperation with Ukrainian emigrants. Centres for Ukrainian culture and information operate in 15 countries. On the local level the relationships with Ukrainian nationals residing abroad are also promoted. Thus, in 2007 a Trans Carpathian regional municipality developed and adopted a Regional program for the cooperation with Ukrainian nationals residing abroad for the period up till 2010.

Emigration policy and diaspora nexus. State emigration policy is shaped by the presence of a Ukrainian ethnic diaspora. Its relationships with the homeland are complex and often emotionally charged. This was the conclusion of a seminar that brought together North American and Ukrainian experts on issues of diaspora. The seminar report provided an analysis of actual and possible patterns of influence exerted by the diasporas upon Ukraine at the national and sub-national levels. The key conclusion of the report was that education and culture represent the most promising directions where diasporas can promote the Ukrainian nation-building.

In sharp contrast to the proactive agenda of the overseas diasporas, the one in Europe is allegedly less organized and coherent. Thus, an IOM research found that the Ukrainian Diaspora in Poland is still too weak to create strong and influential organizations that apart

from providing support could serve as a migrant lobby or provide continuous support. Furthermore, it was revealed that informal organizations clustered around religious institutions and groups of immigrants collaborating with the so-called “old national minorities” rather than with the representatives of the 4th wave of migration, who require support most of all.

Final remarks: priorities and prospects. The increasing pull of Ukrainians living and working abroad suggests the increment of the “Ukrainian presence” in the world, a process that promises tangible social, economic and humanitarian dividends to Ukraine, primarily in terms of the promotion of its image and national interests on the global scale, provided of course, that it is used properly by decision-makers and the civil society. However, in the first place there is a call for public investments into the development of a viable strategy for cooperation with Ukrainians living and working abroad and enhancement of their role as a lobby group for representation of the Ukrainian state abroad. In the development of policy towards foreign Ukrainians the state should rely on the principle that they are a part and parcel of the Ukrainian nation and therefore should be treated by the state as such. It is important to reconsider the key principles of domestic and foreign policy towards ethnic Ukrainians living abroad, to ensure that they are grounded on the principles of mutual understanding and joint benefit. As first, the legal basis for this policy should be provided, accompanied by financial backing, informational framework, organisational and institutional infrastructure as a background for the implementation of practical programs of cooperation with “global Ukrainians”. But prior to that, these issues should be problematized, given consideration and theorized by migration and ethnopolitics experts. Therefore, these issues should be given a priority status among scholars in the field, policy-and decision-makers and the civil society.

Лела Чхутиашвили

*кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры философских и социально-экономических дисциплин
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

Москва, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В Российской Федерации в современных условиях нерешенными остаются теоретические вопросы о связи миграционных процессов с правами граждан, в частности с их правом на свободу передвижения и выбор места жительства, а также с рядом других.

В последние годы наблюдается тенденция к существенному увеличению количества иностранных граждан, посещающих Российскую Федерацию. В 2013 г. количество иностранных граждан, посетивших Российскую Федерацию, превысило 17,5 млн человек. Значительная часть мигрантов прибывает в страну в поисках работы.

Проблема использования иностранной рабочей силы в современной России является одной из наиболее сложных проблем. С одной стороны, российская экономика нуждается в иностранных работниках, но в то же время иностранная трудовая миграция способна не только деформировать структуру занятости, но и вызывать дисбаланс в социальной сфере, провоцировать национальные конфликты и обострять криминогенную обстановку в стране. Кроме того, нахождение в нашей стране многочисленных групп иностранных граждан (в среднем от 8 до 9 млн), пользующихся правом безвизового въезда, создает реальную угрозу возникновения незаконной миграции.

Нелегальные мигранты в современной России — это иностранные граждане, в основном из государств-участников Содружества Независимых Государств, законно въехавшие, но впоследствии нарушившие срок законного пребывания и не покинувшие территорию Российской Федерации, понимая беспер-

спективность возвращения на родину, где их ждут безработица и низкий уровень жизни.

Перейдя в разряд нелегалов, трудовые мигранты осуществляют незаконную трудовую деятельность, образуют замкнутые сообщества, внутри которых царят криминальные порядки, нередко становятся на путь совершения преступлений.

Особую группу риска составляет молодежь, почти не владеющая русским языком и не готовая гармонично вписаться в социально-культурное пространство современного российского общества.

Данная категория иностранных граждан, находясь за рамками правового поля, лишается легитимной защиты в отношениях с работодателями и посредниками при трудоустройстве. Именно такие мигранты рискуют стать жертвами современной работорговли.

Сложившаяся в Российской Федерации миграционная ситуация требует от государства и общества серьезных усилий в области адаптации и интеграции иностранных граждан. Адаптация на основе знания русского языка, уважения к истории и культуре, традициям и жизненному укладу россиян является эффективным средством гармонизации межнациональных взаимоотношений коренного населения и мигрантов¹.

Успешная работа по адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество, как показывает анализ международного опыта, невозможна без координирующей роли государства, соответствующего финансирования, а также при активном участии институтов гражданского общества.

Однако миграционное законодательство Российской Федерации не в полной мере соответствует текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития, интересам работодателей и российского общества в целом. Оно ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержит мер, способствующих переезду на постоянное место жительства, адаптации и интеграции мигрантов. Несовершенство действующей системы управ-

---

¹ См., например: *Усачева А., Свизева В., Коротких К.* Полумесяц за полумесяцем. URL: <http://59.ru/news/208-print.html>, свободный.

ления миграционными процессами проявляется в наличии большого числа незаконных мигрантов. Ежегодно в стране от 3 до 5 млн иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность без официального разрешения. Незаконная миграция, питающая рабочей силой теневой сектор экономики, является одной из главных причин усиления негативного отношения к мигрантам со стороны части населения Российской Федерации¹.

Другой острой проблемой остается проблема, связанная с административным процессом, его пониманием, соотношением с административной юстицией и административным судопроизводством, а также проблема административной деликтологии, обусловленная огромным масштабом административных правонарушений по миграционным делам. Многие подготовленные хорошие проекты соответствующих законодательных актов пока остаются без движения².

Со вступлением в силу 15 января 2007 г. федеральных законов от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», № 110-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и «О признании утратившими силу отдельных положений Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации”», с одной стороны, значительно облегчилась процедура легализации трудовых мигрантов, приезжающих на заработки в Российскую Федерацию, а с другой — введена процедура квотирования иностранной рабочей силы как мера государственного регулирования миграционных потоков.

Правозащитные организации и правоохранительные органы фиксируют огромное количество правонарушений, начиная от отказа приема на работу по этническому признаку и заканчивая нападениями, избиением и убийством лиц «неславянской наружности». И ситуация будет усугубляться, если не принимать никаких мер. Проблема социальной и культурной адапта-

---

¹ См. подробнее: *Латина М. А.* Реализация исполнительной власти в Российской Федерации : науч.-практ. пособие. М. : Изд-во Ин-та проблем риска, 2006.

² См. подробнее: *Региональное измерение трансграничной миграции в Россию* / науч. ред. С. В. Голунов. М. : Аспект-Пресс, 2008. С. 7.

ции к российским условиям трудовых мигрантов, особенно граждан южных стран СНГ, приезжающих в Россию, стоит в настоящее время как нельзя остро¹.

Патентная система, введенная в Российской Федерации с 1 января 2015 г., позволяет иностранным гражданам устраиваться на работу не только к физическим лицам, но и к юридическим лицам и частным предпринимателям. Иностранец, который найдет работу в компании, участвовавшей в квотировании, сможет получить разрешение на работу и работать без данного патента.

Патент на работу представляет собой разрешение на трудовую деятельность для иностранных граждан у физического лица. Патент выдается только тем временно пребывающим гражданам, для которых получение визы в России не обязательно. Оформление патента регламентирует Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Если иностранный гражданин работает без патента, то это влечет наложение административного штрафа в размере от 2 тыс. до 5 тыс. руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового (ст. 18.10 КоАП РФ). Если иностранный гражданин нанимается на работу без патента, то это влечет наложение административного штрафа в размере от 2 тыс. до 5 тыс. руб. (ч. 1 ст. 18.15 КоАП РФ).

Как сказано в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Президентом Российской Федерации 8 июня 2012 г., «переселение мигрантов на постоянное место жительства в Российскую Федерацию становится одним из источников увеличения численности населения страны в целом и ее регионов, а привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с по-

---

¹ *Лившин А., Полунов А., Каширова А.* Изменения миграционного законодательства РФ в начале 2007 года: анализ первых результатов. URL: http://ristr.spa.msu.ru/labour_market.php, свободный.

требностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития»¹.

Таким образом, новые формы миграции и изменения в традиционных направлениях миграции населения требуют усиления управления в области миграции, включая новые подходы к миграционной политике и управлению.

Задача миграционной политики государства — найти такое максимально приемлемое соотношение миграционных потоков, при котором будут наиболее эффективно использоваться преимущества миграционных процессов и минимизироваться угрозы экономической безопасности государства и его субъектов, возникающие вследствие их воздействия на социально-экономические отношения.

Эффективное государственное управление миграционными процессами возможно тогда, когда применяется комплексный подход: либерализация миграционного законодательства и ужесточение административной ответственности за нарушения его положений; увеличение размера штрафных санкций, но и борьба с теми условиями, при которых эта нелегальная трудовая миграция возникает².

Для борьбы с незаконной трудовой миграцией силовые или запретительные меры часто оказываются малоэффективными по воздействию на миграционную сферу, а способствуют увеличению незаконной трудовой миграции и оттоку трудовых мигрантов в теневой сектор экономики.

Для устранения негативных явлений в сфере трудовой миграции считаем эффективным:

1. Разработать систему действенных методов борьбы с коррупцией и бюрократизмом, а именно установить четкий контроль за соблюдением сотрудниками территориальных органов Федеральной миграционной службы процессуальных сроков, предусмотренных миграционным законодательством.

---

¹ Документ опубликован не был. URL: <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf>

² См. подробнее: *Архипова К. Ю.* Совершенствование миграционного законодательства Российской Федерации в аспекте противодействия незаконной трудовой миграции. URL: http://www.juristlib.ru/book_10514.html

2. Обеспечить на местах постоянный контроль за выдачей разрешительных документов, изменив принципы квотирования либо установив особый порядок квотирования для мигрантов, прибывших в Россию в безвизовом порядке, а также увеличить количество квот для удовлетворения потребностей регионов и базовых отраслей экономики в рабочей силе.

3. Установить обязанность работодателей уведомлять соответствующий налоговый орган о привлечении и использовании труда иностранных работников, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы.

4. Разработать систему мер по обеспечению эффективного управления миграционными процессами, привлечению в Российскую Федерацию квалифицированной рабочей силы, созданию необходимых условий для ее приезда в страну. Для этого следует создать систему организованного набора, основывающуюся на принципе предоставления комплекса услуг как работодателю, так и иностранному работнику.

5. Принять Федеральный закон «Об адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации»¹, который будет способствовать:

- созданию инфраструктуры для адаптации и интеграции мигрантов в российское общество;

- координации деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере адаптации и интеграции мигрантов;

- снижению опасности возникновения социальной напряженности в обществе;

- противодействию сегрегации мигрантов и возникновению закрытых этнических анклавов;

- созданию условий для эффективной защиты прав и законных интересов мигрантов, обеспечению их безопасного и комфортного пребывания на территории Российской Федерации;

- оптимизации процессов на российском рынке труда;

- снижению уровня незаконной миграции;

- обеспечению межнационального согласия в российском обществе;

---

¹ См. подробнее: URL: <http://www.fms.gov.ru/documentation/865/details/81610/>

— популяризации русского языка и российской культуры за рубежом и формированию позитивного имиджа Российской Федерации.

Миграция нужна России постольку, поскольку при имеющейся демографической ситуации экономика нашей страны не может рассчитывать на сохранение и воспроизводство трудовых ресурсов без привлечения мигрантов. Привлечение мигрантов на постоянное место жительства в Россию становится важным источником восполнения численности населения Российской Федерации, резервом повышения уровня экономической активности населения, а значит роста экономики и благосостояния россиян, перехода российской экономики на инновационный путь развития и конкурентоспособности страны в целом и ее месте в глобальном мире.

Необходимость привлечения работников разного уровня квалификации и профессиональной подготовки из других стран для поддержания поступательного развития российской экономики практически не имеет альтернативы. Ни технологическая модернизация, ни рост производительности труда, ни повышение внутренней миграционной мобильности российского населения не справятся с этим без привлечения в экономику Российской Федерации мигрантов.

В условиях глобализации миграция работников высокой квалификации является важным источником накопления человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост и благосостояние в принимающих странах. Не случайно конкуренция за таких работников становится глобальной тенденцией. Прогрыш в ней чреват значительными потерями. Отсюда одна из стратегических задач — создание условий и механизмов для привлечения высококвалифицированных специалистов разного профиля, предпринимателей и инвесторов на долгосрочной основе.

Поставив задачу привлечения в страну значительного количества мигрантов для восполнения населения, рабочей силы и развития инновационного потенциала, необходимо учитывать, что миграционные ресурсы государств-участников СНГ, ориентированные на Россию, в перспективе будут уменьшаться. Эти-

ми возможностями, на наш взгляд, следует воспользоваться сейчас, пока они не закрылись.

Миграционная политика Российской Федерации должна быть направлена на содействие устойчивому росту экономики, социальному и демографическому развитию и защиту национальных интересов Российской Федерации, что, на наш взгляд, разрешит проблемы, препятствующие эффективному регулированию миграции, и снижению социокультурных, экономических и политических рисков, связанных с притоком мигрантов.

Создание систем адаптации и интеграции мигрантов, защиты их прав и свобод, решения их социальных проблем являются важными элементами миграционной политики Российской Федерации. Крайне актуальным является урегулирование правового статуса определенных групп мигрантов. Кроме того, требуется содействие в обустройстве вынужденных переселенцев, совершенствование процедуры предоставления статуса беженца и временного убежища по гуманитарным обстоятельствам.

Разработка и принятие Федерального закона «Об адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации», на наш взгляд, будет способствовать не только созданию таких систем адаптации и интеграции мигрантов, но и защите их прав и свобод, решению их социальных проблем и содействию в обустройстве вынужденных переселенцев.

Дарья Штоп

аспирантка Сибирского института управления — филиала РАНХиГС

Новосибирск, Россия

ОБ ИНТЕГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В современных условиях увеличения миграционных потоков одной из проблем государственного управления является организация работы по адаптации и интеграции мигрантов и их семей. Одним из результатов эффективной миграционной политики государства выступает баланс между населением принимающего государства и прибывающими мигрантами. В процессе разработки миграционной стратегии государства особая роль должна принадлежать формированию адаптационных установок мигрантов и их взаимоотношениям с местным населением¹.

Каждое полиэтничное государство сталкивается с серьезной проблемой создания комфортных условий для совместной жизни различных этносов в общем социуме. В свою очередь это определяет необходимость комплексного анализа процессов интеграции и адаптации мигрантов для своевременного предупреждения возникновения межэтнических конфликтов на территории Новосибирской области и обеспечения стабильных условий совместного проживания мигрантов и местного сообщества.

Новосибирская область сегодня является одним из основных центров притяжения для мигрантов Дальнего Востока, Западной и Восточной Сибири, а также ближнего зарубежья. Рассмотрение опыта управления миграционными процессами именно в Новосибирской области — центре Сибирского федерального округа — представляется наиболее интересным и актуальным.

---

¹ См.: *Савинов Л. В.* Миграция как фактор региональной этнополитики // Ценности и смыслы. 2013. № 1. С. 130—137; *Шевцова Е. В.* Молодежная миграционная политика в Новосибирской области : моногр. / под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск : Изд-во СИБАГС, 2015. 262 с.; *Шевцова Е. В.* Управление региональными миграционными процессами в отношении молодежи // Анатомия этнополитики : моногр. / под ред. Л. В. Савинова. Новосибирск : Изд-во СИБАГС, 2015. С. 186—206.

При анализе миграционных процессов в Новосибирской области выясняется, что обозначенные вопросы получили достаточно серьезную теоретическую и методологическую разработку.

Проблемы аккультурации и психологической адаптации мигрантов в принимающем обществе анализируются в трудах Джона У. Берри. Вопросы ассимиляции этнических групп мигрантов рассматриваются в социологических исследованиях М. Гордона. Ряд зарубежных авторов выступает за сохранение мигрантами своей этнической и культурной идентичности в рамках концепции мультикультурализма, среди них наиболее яркими представителями являются У. Кимлика, Ч. Тэйлор, Ч. Кукатас.

В России активное изучение проблем миграции начинается с 1990-х гг., после распада СССР, обусловлено оно быстрым ростом миграционных потоков. Основные положения, раскрывающие различные стороны интеграции и адаптации мигрантов, содержатся в исследованиях отечественных ученых: А. Г. Вишневого, Л. М. Дробижевой, Ж. А. Зайончковской, Л. Л. Рыбаковского, Ж. Т. Тощенко, Ю. С. Барышевой, О. И. Брусиной, А. Я. Макарова, М. С. Пальникова.

В настоящее время постоянное увеличение миграционных потоков определяет необходимость обновления научного знания о миграционных процессах, ставит вопрос о поиске наиболее эффективных механизмов их интеграции в принимающее общество.

Сегодня многие иностранные граждане, находящиеся на территории Новосибирской области, испытывают существенные трудности с интеграцией в социокультурную среду принимающего общества. В условиях безвизового въезда ежегодно в Новосибирскую область прибывает большое количество мигрантов из стран СНГ. Историческая близость с народами этих государств является благоприятным социокультурным фактором, вместе с тем его влияние снижается. Выросло целое поколение, которое не училось в советских школах и не знает русского языка.

Часто проблемы с трудоустройством, жилищными условиями, а также враждебное отношение местных жителей побуждают мигрантов обособливаться. Мигранты, чувствуя отрицатель-

ное отношение местных жителей к себе, селятся отдельно, образуя целые кварталы, что в свою очередь может привести к образованию в г. Новосибирске национальных анклавов со своей внутренней культурой, языком и нормами поведения, далекими от общепринятых в России. Такая угроза существует сейчас в Дзержинском и Октябрьском районах города, недалеко от Гусинобродского рынка, вблизи новых жилмассивов — Плющихинского, Родников и Чистой слободы.

Очень часто недоброжелательность и даже агрессия со стороны местных жителей к мигрантам присутствует изначально и проявляется вне зависимости от поведения последних.

Количество преступлений, совершенных против мигрантов на территории Новосибирской области, увеличивается с каждым годом. По данным ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области за 12 месяцев 2014 г. оно увеличилось на 35,5 % с 245 в 2013 г. до 332 в 2014 г. (хотя еще в 2012 г. было совершено 197 преступлений)¹.

Сегодня необходимо ответить не только на вопрос «как правильно интегрировать и адаптировать мигрантов в российское общество?», но и каким образом принимающее сообщество адаптировать к иностранным гражданам, активно приезжающим в Россию.

Действующее законодательство в области миграции направлено на привлечение временных трудовых мигрантов и не содержит мер, которые бы могли способствовать адаптации и интеграции иностранных граждан в социально-культурное пространство основного населения области.

Для решения проблемы адаптации мигрантов необходимо принятие незамедлительных мер со стороны органов государственной власти федерального, регионального уровней, органов местного самоуправления, образовательных учреждений, а также общественности.

Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года необходимо допол-

---

¹ Аналитическая справка о работе УФМС России по Новосибирской области за 12 месяцев 2014 года. URL: http://fms-nso.ru/upload/iblock/9b7/analitika_zh_2014.pdf (дата обращения: 18.06.2015).

нить разделом, в котором целесообразно сформировать комплекс мероприятий по социальной адаптации и интеграции мигрантов и их семей в российское общество.

Важным в процессе адаптации и интеграции является изучение мигрантами русского языка, правовое просвещение, информирование о культурных традициях и нормах поведения в российском обществе.

Основные направления и механизмы реализации политики адаптации и интеграции мигрантов и членов их семей, которым нужно уделять особое внимание:

1. Социальное направление.

— Образование. Беспрепятственный доступ к дошкольному и школьному образованию детей мигрантов на тех же условиях, что имеют дети российских граждан.

Расширение возможностей дополнительного изучения русского языка взрослыми мигрантами на базе школ, местных библиотек, учреждений дополнительного образования. Подготовка должна быть разноуровневой, ориентированной на потребность в освоении мигрантом того или иного лексического минимума.

Открытие подготовительных классов на базе средних и вечерних школ для детей мигрантов разных возрастов по индивидуальным учебным планам, включающим большое количество занятий по русскому языку, изучению российской культуры, истории, основ законодательства, освоению навыков межкультурного общения.

Разработка специальных учебных пособий и программ, в том числе по русскому языку и психологическому сопровождению детей мигрантов. Создание системы повышения квалификации и переподготовки педагогов.

— Здравоохранение. Разработка специальных программ медицинского страхования для мигрантов и их семей (возможна, например, система возврата денежных средств в случае не обращения мигранта за медицинскими услугами).

Обеспечение условий для получения необходимых медицинских услуг для детей мигрантов на территории Новосибирской области (проведение обязательной вакцинации в образовательных учреждениях области).

Необходимо организовать телефон «горячей линии» для приема звонков от мигрантов и членов их семей, для дачи консультаций и оказания помощи в решении вопросов, связанных с их адаптацией и интеграцией.

2. Экономическое направление.

Организация работы в области взаимодействия УФМС по Новосибирской области с кадровыми агентствами занятости для вытеснения практики нелегального найма мигрантов. Создание условий для доступа мигрантов к банку вакансий работодателей, имеющих разрешение на привлечение мигрантов к осуществлению ими трудовой деятельности.

Работа по профессиональному переобучению мигрантов в случае необходимости.

Организация работы по взаимодействию со странами происхождения мигрантов по имеющимся вакансиям для организации довыездной профессиональной, а также иной подготовки мигрантов у себя на Родине.

3. Культурное направление.

Разработка предложений по открытию центров изучения русского языка, российской культуры и традиций в странах — основных источниках рабочей силы: в Таджикистане, Узбекистане, Казахстане.

Организация бесплатного посещения мигрантами и их семьями музеев и других историко-культурных центров г. Новосибирска и Новосибирской области.

Создание условий для популяризации межнациональных праздников, содействие их проведению.

4. Юридическое направление.

Включает обеспечение доступа мигрантов к защите своих прав и правосудию. Проведение курсов по разъяснению основных прав и обязанностей иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих на территории Новосибирской области.

Проведение активной работы профсоюзных организаций по защите прав работников-мигрантов и повышению их уровня правовой грамотности.

Интеграция мигрантов — это комплексный процесс, требующий значительных усилий как со стороны самих мигрантов, так и со стороны принимающего общества. В качестве отдель-

ного направления необходимо выделить работу с местным населением по воспитанию толерантного восприятия мультикультурного окружения. Работа по воспитанию толерантного общества будет включать: разъяснительную работу с населением, в школах среди учеников, учителей и родителей; работу, направленную на воспитание межкультурного диалога.

Также необходимо предусмотреть выработку продуманной информационной политики по освещению миграционной ситуации в области. Организовать активное информирование жителей области об основных положениях действующего миграционного законодательства и предпринимаемых мерах по нормализации ситуации, публикация достоверных данных о миграционной ситуации в области позволит избежать таких негативных явлений, как рост мигрантофобии и националистической неприязни по отношению к отдельным этническим группам мигрантов. В качестве одной из мер следует провести мониторинг телеканалов и выступить с предложением об ограничении вещания телепередач, дискредитирующих и вызывающих негативное отношение к мигрантам.

Реализация предложенных рекомендаций по адаптации и интеграции мигрантов и их семей, а также воспитанию толерантного отношения к ним будет способствовать сплочению общества, препятствовать обособлению этнических групп мигрантов, а также способствовать укреплению межнационального мира в российском обществе.

Татьяна Щеклачева

*старший преподаватель кафедры социологии, политологии
и психологии Сибирского государственного университета
телекоммуникаций и информатики*

Новосибирск, Россия

МИГРАНТЫ ИЛИ РУССКИЕ? ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА НОВОСИБИРСКА В ВЫБОРЕ СОСЕДЕЙ

Россия — многонациональная страна, к тому же испытывающая постоянный приток трансграничных мигрантов. Поэтому вопросы, связанные с взаимной адаптацией мигрантов и местного населения, формированием ровных, гармоничных межнациональных отношений, не потеряют своей актуальности еще долгое время.

Одним из аспектов гармоничных межнациональных отношений является не только общий уровень толерантности местного населения и готовность мигрантов к интеграции, но и готовность общества к принятию мигрантов в качестве соседей.

Проведенное весной 2014 г. исследование принимающего общества г. Новосибирска¹ показывает, что, несмотря на противоречивые мнения и установки относительно мигрантов, у опрошенных имеется определенный запас толерантности.

Количество опрошенных представителей принимающего общества составляет 601 человек в возрасте от 17 до 78 лет. Большая часть из них — женщины (63,3 %). Возраст большинства опрошенных — от 20 до 49 лет.

Большинство респондентов придерживались в выборе деловых партнеров и соседей варианта «главное — деловые качества» (86,8 %) и «главное, чтобы это были хорошие люди» (74,1 %). В то же время местное население показало негативное отношение к совместной учебе своих детей с детьми мигрантов,

---

¹ Выполнено в рамках проектов РГНФ № 13-03-00351 «Принимающее общество и иноэтничные мигранты — стратегии и практики взаимодействия» и № 14-03-18035 «Принимающее общество — отношение к иноэтничным мигрантам».

а также отметило значительную культурную дистанцию. Лишь 2,5 % считают, что между ними и мигрантами много схожего, 38,8 % отмечают значительные различия.

При этом большинство считает, что лучше ограничить мигрантам въезд в страну (47,9 %), и чтобы они неукоснительно соблюдали законы и традиции, принятые в России (94,8 %), хорошо знали русский язык (86,7 %).

Что же касается непосредственно выбора соседей, то налицо корреляция между непосредственным этнокультурным окружением и терпимостью к соседям иных культур. Респонденты, имеющие соседей различных религий и культур, в большей степени были склонны выбрать разнообразное этнокультурное окружение и считали, что «главное, чтобы это были хорошие люди». Подобный выбор прослеживается во всех ситуациях (соседи, коллеги, друзья, родственники разных национальностей и культур). Так, респонденты, имеющие разнообразное этнокультурное окружение на работе, тоже предпочли работать и соседствовать с людьми разных национальностей и религий и просто хорошими людьми. Респондентов, отдавших предпочтение своей этнической и религиозной группе, в этой категории оказалось меньше почти в 3 раза, а количество выбравших ответ «главное, чтобы это были хорошие люди» — больше на 13 %.

Особое место занимает сопоставление ответов на вопросы: что нужно предпринять в отношении мигрантов в России и как местное население относится к стремлению мигрантов селиться общинами. Доля респондентов, предложивших селить всех мигрантов отдельно или расселять небольшими группами, достаточно низка: 6,1 % и 11,8 % от ответивших. Большинство предлагает ограничить въезд мигрантов (47,9 %), часть респондентов считает, что их надо вывозить обратно (15 %), другая часть считает, что им надо помогать стать российскими гражданами (13,1 %). В первых двух категориях отношение к скученному расселению мигрантов негативное (73,6 и 86,7 % соответственно), в последней — более нейтральное (отрицательно относятся 36,2 %, нейтрально — 57,1 %). Однако даже те, кто предлагает меры по расселению мигрантов (либо селить всех в отдельные районы города вместе, либо небольшими группами), в большинстве своем негативно относятся к их скученному расселению,

при этом в группе, предложившей селить мигрантов в отдельные районы города, нет ни одного положительного ответа на второй вопрос: Как вы относитесь к тому, что большинство мигрантов селятся рядом друг с другом?

Сопоставление ответов на вопросы о преобладающем этнокультурном окружении и мерах, которые необходимо принять к мигрантам, также дает интересный результат. Те, кто имеет разнообразное этнокультурное окружение (соседей, коллег, родственников, друзей), менее склонны выбирать депортацию мигрантов и ограничение их въезда в страну. Также среди них больше выбравших помощь в натурализации (на 7,0—17,8 % больше в различных группах) и дисперсное расселение по городу небольшими группами (на 3,9—11,8 % больше в различных группах).

Таким образом, часть местного населения готова соседствовать с мигрантами при условии, что миграционные процессы будут регулироваться, а мигранты будут соблюдать принятые в России законы и нормы. При этом значение имеет разнообразие этнокультурного окружения.

**СЕКЦИЯ
«РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ
И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»**

Дмитрий Сердюков

директор муниципального казенного учреждения «Наш город»

Марина Акимова

*заместитель директора муниципального казенного учреждения
«Наш город»*

Оксана Афанасьева

*начальник информационно-аналитического отдела муниципального
казенного учреждения «Наш город»*

Сургут, Россия

К ВОПРОСУ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА СУРГУТА

Сургут — один из наиболее значимых стратегических городов России, входящих в состав Ханты-Мансийского автономного округа. Округ играет исключительно важную экономическую роль, являясь нефте- и газодобывающим регионом, благодаря чему формируется львиная доля его бюджета и очень заметная часть государственного бюджета всей страны, создаются ресурсы экономического роста региона и страны. Округ входит в число тех регионов, которые могут и должны стать локомотивом вывода России из экономического кризиса, перехода на путь социального и современного технического прогресса¹. Город Сургут — наиболее крупное муниципальное образование округа, с численностью населения более чем в три сотни тысяч человек, к тому же он является наиболее ярким представителем полиэтничного города. Более того город Сургут занимает лидирующее место в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре по уровню миграции. За девять месяцев 2014 г. в отделе УФМС России по ХМАО — Югре в городе Сургуте на миграционный учет по месту пребывания поставлено 38 385 иностранных граждан (в аналогичном периоде 2013 г. — 32 931 человек, увеличение составило 17 %), 74 % из вновь прибывших

---

¹ См.: *Социокультурный* подход к регулированию межэтнических взаимодействий / под ред. Ю. В. Попкова, В. Г. Костюка. Новосибирск : Манускрипт, 2013. 272 с.

имеют цель — найти работу. Согласно сведениям информационной базы отдела УФМС, на 1 октября 2014 г. на миграционном учете в городе состояло 51 870 иностранных граждан.

В образовательных организациях города в течение последних лет наблюдается увеличение контингента детей мигрантов. Так, число детей из семей иностранных граждан в 2014 г. составило 897 человек. Растет и численность детей мигрантов, прибывающих из субъектов Российской Федерации, но не владеющих русским языком¹.

Вышеперечисленные факты позволяют с уверенностью утверждать, что в городе существует высокая степень вероятности существования межнациональной напряженности, которая, в свою очередь, способна повлечь за собой процесс дестабилизации межнациональных отношений². Логичным также представляется тот факт, что полное отсутствие межнациональной напряженности в полиэтничном городе, регионе невозможно. Результаты социологических исследований, проведенных в автономном округе в 2010—2012 гг., показали, что динамика основных социологических индикаторов в 2011—2012 гг. позволяет говорить о стабильной ситуации в автономном округе, данные сопоставимы с общероссийскими показателями. Однако выявлена конфликтогенность этноконфессионального фактора, причем напряженность носит скрытый характер. Даже небольшие инциденты, связанные с участием национальных групп, могут спровоцировать реальные конфликты на национальной почве³.

---

¹ См.: *Об утверждении муниципальной программы «Профилактика экстремизма в городе Сургуте на 2014—2020 годы»*: постановление администрации г. Сургута от 13 дек. 2013 г. № 8996. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² См.: *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 389 с.

³ См.: *О внесении изменений в приложение к постановлению Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 9 октября 2013 года № 428-п «О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры “Обеспечение прав и законных интересов населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в отдельных сферах жизнедеятельности в 2014—2020 годах”* и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Ханты-Мансийского автономного округа —

В этой связи особенно важным является реализация муниципальной политики, направленной на профилактику потенциальной возможности возникновения этнических проблем, локализацию и погашение очагов назревающей напряженности, выработку стратегии и создание механизмов адаптации нового полиэтнического населения города, воспитание этнической толерантности в виде наличия позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной. В данном контексте изучение состояния, динамики и регулирования межнациональных отношений в городе Сургуте, определение уровня межнациональной толерантности представляются задачами, требующими пристального внимания со стороны органов власти различных уровней.

С целью выполнения данных задач, а также для оценки состояния уровня межнациональной толерантности в сознании сургутян в феврале — апреле 2014 г. был проведен массовый опрос жителей города ($n = 500$) старше 18 лет. Выборочная совокупность учитывала особенности социально-демографического состава генеральной совокупности. основополагающими для определения выборочной совокупности являлись: пол и возраст респондентов, а также территория их проживания (группы микрорайонов). Объем выборки и способ обработки первичного материала обеспечили стандартную погрешность измерения, не превышающую 5 %.

Эмпирической базой при подготовке исследования послужили результаты опросов по межнациональным отношениям, проведенных правительством автономного округа¹, а также результаты экспертного опроса на тему: «Межнациональные и межконфессиональные отношения в городе Сургуте», проведенного в январе 2014 г. среди респондентов, непосредственно

Югры»: постановление Правительства Ханты-Мансийского АО — Югры от 5 дек. 2014 г. № 461-п. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹ См.: *Изучение ситуации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (итоги социологического исследования 2014 г.)*. URL: <http://xn--80aahfjo8abu2l.xn--p1ai/analytics/research/22132/>

принимающих решения, влияющие на формирование межнациональных и межэтнических отношений в городе¹.

Как уже было отмечено, в межнациональных отношениях толерантность выступает как взаимодействие на основе согласия, готовность иметь дело с представителем любого народа, несмотря на этнические и религиозные различия. Для поддержания межнациональной толерантности в многокультурном российском социуме необходимо позитивное развитие этнической идентичности (благоприятное отношение к собственной и другим этническим группам), отсутствие враждебности в отношении инонационального окружения, благожелательное (или просто нейтральное) восприятие межкультурных различий. Социально-психологические условия развития такого вектора этнической идентичности складываются из чувств безопасности, относительного комфорта, отсутствия стресса². Стоит отметить, что по результатам массового опроса населения г. Сургута можно говорить о наличии именно относительного комфорта. Некоторую напряженность в межнациональных отношениях испытывают в целом 50,9 % опрошенных сургутян, а 23,6 % открыто говорят о напряженной обстановке и возможности конфликтов. Считают ситуацию спокойной 6,7 % опрошенных, затруднились ответить столько же. Примечательно, что здесь же половина опрошенных отмечает, что никогда не испытывали враждебности по отношению к людям иной национальности, как не испытывали ее и по отношению к себе. Редко подобные взаимоотношения с гражданами отличной от своей национальности складывались у пятой части опрошенных сургутян. К основным причинам возникновения межнациональной напряженности в Сургуте респонденты отнесли большой приток мигрантов, вызывающее поведение и недостаточный уровень организации свободного времени их подростков и молодежи. Примечательно, что практически три четверти опрошенных сургутян (68,7 %) считают, что иностранные граждане, проживающие в

---

¹ См.: *Отчет* о результатах социологического исследования (экспертный опрос) на тему «Межнациональные и межконфессиональные отношения в городе Сургуте». URL: <http://admsurgut.ru/rubric/18685/2014>

² См.: *Дробижева Л. М., Рыжова С. В.* Российская идентичность и межэтническая толерантность. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Ros_ident.pdf

Сургуте, усугубляют криминогенную обстановку в городе. На вопрос о том, какие чувства чаще всего испытывают сургутяне при виде людей в «религиозной» одежде в повседневной жизни, 59,2 % заявили, что никаких особых эмоций при этом не испытывают, общаются с ними как и с любыми другими людьми, однако для четвертой части респондентов ношение некоторыми жителями «религиозной» одежды ассоциируется прежде всего с возникновением напряжения, антипатией и негативными эмоциями.

Показательными также являются следующие результаты опроса. При вопросе о том, с кем себя отождествляет человек, когда говорит «мы, свои», как и следовало ожидать, почти две трети опрошенных (61,7 %) указали, что «свои» — это друзья, родственники и семья. Респондентов, в целом к «своим» причисляющих россиян, выявлено 18,8 %, по национальному признаку идентифицируют себя только 5,4 % опрошенных. Еще 3,6 % респондентов под «своими» подразумевают жителей одного населенного пункта и 3,4 % респондентов считают своими жителей Югры. Часть опрошенных к своим относил людей одного социального статуса и религиозных убеждений — 1,6 и 1 %, соответственно. Последний вариант ответа, набравший 1 %, — это отождествление себя с людьми одних политических взглядов, 3,4 % опрошенных ответить затруднились. Для 35,3 % опрошенных «чужие» — это в первую очередь граждане иных стран, и во вторую, что особенно важно, — это лица иных национальностей (18,2 %). Для 8 % роль «чужих» выполняют люди из иных семей и родов, 21,2 % ответить затруднились. Оставшаяся часть с небольшими колебаниями значений распределена между жителями других населенных пунктов и регионов, людьми иного социального статуса, иных политических взглядов и верований.

Подводя итог изложенным положениям, считаем важным сказать, что наряду с отсутствием в городе Сургуте острых межнациональных и этноконфессиональных конфликтов, на фоне низкого уровня нетерпимости и национальной неприязни, потенциальная возможность столкновений на национальной почве сохраняется. Вышеперечисленные результаты опроса свидетельствуют о наличии интолерантных настроений межна-

ционального характера в сознании сургутян. Хотя на практике с проблемами, связанными со взаимодействием с мигрантами или представителями отличной от своей национальности большинство жителей не сталкивалось, но все равно они воспринимают процесс миграции иностранцев в город как явление негативное, способствующее росту межнациональной напряженности, обострению криминогенной обстановки, и считают их поведение вызывающим. Как они считают, человек, живущий среди людей другой национальности, должен стараться соблюдать нормы поведения местного населения. Именно с такой позиций согласились 57,4 % опрошенных.

Мигранты, как представители других этнических групп, являются «чужими» в представлении местного населения. Несмотря на то, что незначительная часть мигрантов отлична по своему этническому составу от населения принимающей территории, в общественном мнении распространен стереотип смешения — вплоть до отождествления — иноэтничности и иноземности¹. Факторы роста этно- и мигрантофобий не могут быть объяснены однозначно. Как и все фобии, они производны от страхов утраты «ресурсов» и «утраты собственной идентичности»². Отметим, что результаты экспертного опроса, проведенного в г. Сургуте в январе 2014 г., показали, что пока, с учетом условно позитивной ситуации в городской экономике, по месту профессиональной (деловой) сферы деятельности не сложилась ярко выраженная система конкурентных отношений между «местным» населением и «приезжими» за доминирование в большинстве ключевых отраслей занятости (нефтегазодобыча, строительство, торговля, образовательные учреждения и др.). Поэтому важной представляется работа, направленная именно на снижение и преодоление межкультурных и языковых барьеров, на умение жителей города строить конструктивные отношения с представителями разных культур, основанное на спо-

---

¹ См.: Барышина Н. А. Миграция как региональный этнополитический фактор. Власть. № 9. 2013. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-kak-regionalnyu-etnopoliticheskiy-faktor#ixzz3ZX1He7fu>

² Левада Ю. А. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993—2000. М. : Моск. шк. полит. исслед., 2000. С. 167.

способности признавать альтернативные ценности и модели мышления и поведения другого.

Особая роль в этой работе должна отводиться средствам массовой информации. Среди средств, оказывающих большое влияние на формирование общественного мнения в области межнациональных и межконфессиональных отношений, респонденты указали теле- и радиопередачи (53,4 %), сеть Интернет (49 %), а также печатные СМИ (29,4 %). Варианты ответов, таких как: «по рассказам родственников, друзей, знакомых» (29,4 %); «по слухам» (25,6 %); «по наблюдению за поведением людей», — пользовались у респондентов несколько меньшей популярностью. В свою очередь это может говорить либо о непопулярности данных каналов получения информации, либо неискренности ответов, в силу официального общепризнанного неодобрения использования такого канала информации, как слухи. Таким образом, подача информации СМИ, те оценки, мнения, сюжеты, которые выбирают представители СМИ для изложения событий, существенно воздействуют на общий характер межнациональных взаимоотношений в городе, на формирование толерантных / интолерантных установок, и не всегда оказывают позитивное воздействие. Если говорить о темах, которые СМИ города стоит освещать для формирования атмосферы этнополитической терпимости, то в первую очередь следует отметить вклад мигрантов в культурную, социальную и политическую жизнь принимающей страны. Во-вторых, журналистам нужно вести работу по созданию позитивного образа сотрудников правоохранительных органов в глазах населения, что позволит повысить уровень уважения к закону со стороны граждан и мигрантов. Наконец, необходимо широкое освещение деятельности некоммерческих организаций в сфере профилактики экстремизма как условие для повышения уровня гражданской сознательности населения¹.

---

¹ См.: *Отчет* о разработанных методических рекомендациях по совершенствованию совместной деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в сфере противодействия экстремизму. Ханты-Мансийск : Науч.-техн. центр «Перспектива», 2012.

По итогам исследования также можно заключить, что остается актуальной работа с национальной молодежью, которая склонна пренебрегать правилами общественного поведения, принятыми в местном сообществе, и в ряде случаев сознательно провоцирует конфликты. Так, по мнению 77,9 % опрошенных, возрастной группой, которой больше свойственно проявлять негативное отношение к людям другой национальности и иного вероисповедания, является именно молодежь в возрасте от 14 до 35 лет (от 14 до 18 лет — 23,4 %, от 18 до 35 лет — 54,5 %). Также напомним, что одной из основных причин возникновения межнациональной напряженности в Сургуте респонденты назвали вызывающее поведение мигрантов и недостаточный уровень организации свободного времени подростков и молодежи. Инструментом решения данной проблемы в городе является комплекс мер, направленных на социализацию данной категории молодежи в рамках реализации муниципальной программы «Профилактика экстремизма в городе Сургуте на 2014—2020 годы», при участии в мероприятиях программы национальных общественных объединений.

При этом результаты опроса, аналогичные результатам мониторинга общественного мнения о состоянии межнациональных и межконфессиональных отношений в Югре, проведенного департаментом общественных связей Югры еще в 2010 г., говорят о недостаточности принимаемых мер для повышения уровня межнациональной толерантности в сознании сургутян, реализуемых в течение длительного времени.

В первую очередь, на наш взгляд, такая ситуация обусловлена недостаточной активностью со стороны участников данного процесса в решении существующих проблем. Тогда как в современных социальных условиях не только органы местного самоуправления, но и национальные диаспоры, а также жители города в целом (и особенно родители) должны предпринимать меры по профилактике и предотвращению роста межнациональной напряженности. Особая роль в этой работе отводится национальным диаспорам, которые являются базовым фактором межнациональной стабильности, уникальным инструментом по формированию толерантных взаимоотношений. Как справедливо было отмечено в ходе общественной конференции «Влияние

национальных диаспор на стабильность России», прошедшей в г. Москве в 2011 г., «удержание национальных землячеств в плоскости этнических костюмов, песен и танцев не соответствует вызовам времени». Кроме того, необходимо продолжение работы и среди русского населения региона, необходима активизация программ по патриотическому воспитанию молодежи, проведению мероприятий, направленных на повышение национальной самооценки и развитие «позитивного культурного национализма» русской части населения.

Обязательным условием эффективности мер по профилактике интолерантного поведения также будет являться выработка и последовательное проведение четкой, согласованной с основными субъектами политики «нулевой толерантности»¹, т. е. принятие жестких однозначных мер по отношению к фактам проявления различных форм ксенофобии, экстремизма и пр. Молодые люди должны быть осведомлены об ответственности за проявление тех или иных форм экстремистских действий в городской среде. В свою очередь, органы местного самоуправления, как основной координатор, ответственный за разрешение межнациональных проблем на городском уровне, должны обладать более широкими юридическими правами для принятия соответствующих мер. В настоящее же время регулирование межнациональных отношений в г. Сургуте укладывается в рамки действующих государственной и муниципальной программ, призванных укрепить основы и систематизировать методы долгосрочного процесса формирования толерантного сознания и поведения жителей города.

---

¹ См.: *Селиванова О. А.* Проблемы профилактики интолерантных взаимоотношений в условиях высшего учебного заведения // Вестн. Тюм. гос. ун-та. № 1. 2012. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-profilaktiki-intolerantnyh-vzaimootnosheniy-v-usloviyah-vysshego-uchebnogo-zavedeniya>

Андрей Баранов

*доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры политологии и политического управления
Кубанского государственного университета*

Краснодар, Россия

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ¹

Краснодарский край относится к числу наиболее политически стабильных субъектов Российской Федерации в пределах Южного федерального округа. Но Кубань находится на передовом рубеже российской геополитики на Черноморском направлении. Это делает анализ этносоциальных и этнополитических процессов в крае актуальным.

В сфере межэтнических отношений действуют постоянные для региона факторы: миграция, «черкесский вопрос» и др.

Этническая структура населения Краснодарского края отличается высокой мозаичностью. В регионе проживают более 124 этнических групп. По итогам переписи населения 2010 г. этнический состав населения края таков: русские — 4 523,0 тыс. человек (86,5 %); армяне — 281,7 тыс. (5,4 %); украинцы — 83,7 тыс. (1,6 %); далее по убыванию численности следуют татары — 24,8 тыс., греки — 22,6 тыс., грузины — 17,8 тыс., белорусы — 16,9 тыс., адыгейцы — 13,8 тыс., цыгане — 12,9 тыс., немцы — 12,2 тыс., азербайджанцы — 10,2 тыс. и др.² Отмечен рост удельного веса армян в составе населения за 1989—2010 гг. с 3,7 до 5,4 %². Резкая убыль отмечена среди немцев и евреев, уме-

---

¹ Статья выполнена в рамках научной темы № 3435 «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации, исследование проблем зарубежных северо-кавказских диаспор в аспекте обеспечения стабильности и безопасности России, анализ проблем этнокультурного и исторического образования, анализ языковой политики в регионах Южного федерального округа», утвержденной Министерством образования и науки РФ на 2015 г. и реализуемой Распределенным научным центром при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда.

² См.: *Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Перепись 2010.* URL: www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab7.xls

ренная — среди адыгейцев, греков, поволжских татар. Значительно сокращается численность и удельный вес украинцев, что объясняется добровольной ассимиляцией, большей привлекательностью русского языка и культуры, а не миграционными процессами¹. В этом контексте фантастическими считаем надежды националистов Украины на «реукраинизацию» Кубани с опорой на бытовые разговоры и бывшее двуязычие черноморского казачества.

Исторический фактор сказывается в делении края на три этнокультурных субрегиона: степную Кубань, предгорное Закубанье, Черноморское побережье. Этнический состав своеобразен и на уровне местностей. Так, к северу от рек Кубань и Лаба (в историческом ареале казачества) русские составляют свыше 90 % жителей, а в г. Сочи — 67,1 %, в Туапсинском районе — 69,5 %, в г. Геленджике — 76,2 %, в Успенском районе — 77,1 %, Апшеронском и Белореченском районах — по 80,2 %, городском округе Анапа — 82,2 %². Повышенный удельный вес армян отмечен переписью 2010 г. в г. Сочи (19,5 % жителей), Туапсинском районе (13,7 %), г. Армавире — 9,3 %, городском округе Анапа — 9,0 %³. Греки, грузины, азербайджанцы расселяются преимущественно на Черноморском побережье, в Крымском и Апшеронском районах. К числу коренных малочисленных народов России относятся шапсуги, проживающие в Туапсинском и Лазаревском районах г. Сочи (3 833 человек)³.

Казачество обладает сложносоставной идентичностью. Опросы общественного мнения фиксируют сложную амальгаму доминирующей «русскости», субэтнической, профессиональной и региональной идентичностей. Сепаратистские самооценки казачества как этноса, отдельного от русских, присущи лишь незначительной прослойке активистов. Степень распространенности этнической идентичности казаков в сравнении с началом 1990-х гг. на порядок упала. Это фиксируется и частотой высказываний в СМИ, и итогами всероссийских переписей 2002

---

¹ См.: *Суций С. Я.* Украина — Россия — мир: некоторые грани взаимодействия (до и после кризиса). Ростов н/Д, 2014. С. 145—156.

² См.: *Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации.*

³ См.: *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года.* М., 2013. Т. 4. С. 20—71.

и 2010 гг., которые позволяли казакам дать самооценку как групп в составе русских либо украинцев.

По выводам В. С. Белозерова, в крае (Черноморское побережье, предгорное Закубанье, крупные города)¹ сформировались местные сообщества, где интенсивно меняется этническая идентичность жителей за счет миграционного притока. Сформировались новые этнические меньшинства, ранее не проживавшие в крае компактно, — это курды (5 899 человек), езиды (5 023 человека), лезгины (4 106 человек), узбеки (3 469 человек), чеченцы (2 313 человек), таджики (1 853 человека), аварцы (1 848 человек), табасараны (1 651 человек), даргинцы (1 054 человека)².

Следует учесть, что всероссийские переписи 2002 и 2010 гг. сопровождались серьезными нарушениями, и их итоги необходимо перепроверять по текущему статистическому учету, социологическим опросам и этнографическим исследованиям. Вероятно, завышен удельный вес русских.

Институциональная структура взаимодействия органов власти с этнокультурными объединениями в крае такова. Сейчас действует долгосрочная краевая целевая программа «Гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур в Краснодарском крае на 2013—2017 годы», принятая в 2012 г.³ По информации Управления Министерства юстиции РФ по Краснодарскому краю, в 2013 г. было зарегистрировано 732 религиозные организации и 137 национально-культурных объединений⁴. Структура зарегистрированных в крае организаций за 2014 г. существенно не изменилась.

Этнические объединения функционировали как автономно, так и вели диалог в рамках Центра национальных культур Куба-

---

¹ См.: Белозёров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 23—32.

² См.: *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. С. 20—71.

³ См.: *Долгосрочная* краевая целевая программа «Гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур в Краснодарском крае на 2013—2017 годы» (в ред. постановления главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 14 дек. 2012 г. № 1511). URL: <http://www.docs.pravo.ru/document/view/29667633/30367059/>

⁴ См.: *Доклад* уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае за 2013 год. URL: <http://kubanombudsman.org/>

ни, в котором участвовало 35 национально-культурных объединений. В Армавире, Краснодаре, Сочи, Новороссийске, Туапсинском районе действуют муниципальные центры национальных культур. Они объединяют более 100 национальных общественных организаций и являются важной площадкой диалога власти и общества¹.

Подписано соглашение между УФМС России по Краснодарскому краю, ГУ МВД России по Краснодарскому краю, с одной стороны, и Центром национальных культур края — с другой. Стороны соглашения намерены противодействовать незаконной миграции, содействовать интеграции законопослушных иностранных граждан в российское общество.

Действует Общественно-консультативный совет при Управлении Федеральной миграционной службы (УФМС) России по Краснодарскому краю, в котором принимают участие представители правозащитных организаций, общественных объединений, этнических диаспор, учебных заведений и эксперты в сфере миграции, демографии и экономики.

19 сентября 2013 г. постановлением губернатора края № 1043 утвержден состав Общественной палаты Краснодарского края на период 2013—2015 гг. В составе палаты создана комиссия по вопросам развития гражданского общества (вопросы развития гражданского общества, межнациональных и межконфессиональных отношений, СМИ и обеспечения свободы слова) под председательством О. И. Георгиева, представителя национально-культурной автономии ассирийцев².

Конфликтогенный характер имеет этнополитическая мобилизация ряда «черкесских» объединений в республиках Северо-Западного Кавказа, объективно ведущая к росту центробежных тенденций в них и затрагивающая территорию Краснодарского края. По сути, регион стал пространством конкурирующих процессов территориальной инженерии — в пользу федерального центра или этнополитических движений, ориентированных на

---

¹ См.: *Ольга Ладыгина* приняла участие в совещании полпреда Президента в ЮФО о предотвращении межэтнических конфликтов. URL: <http://www.ufmskrn.ru/site2/news/66896/>

² См.: *Общественная палата Краснодарского края*. URL: http://www.oprf.ru/about/interaction/region_chambers/1445/1438/newsitem/24053

черкесскую диаспору и идентификацию с внешним миром. Данные тенденции резко активизировались в период подготовки и проведения Олимпийских игр 2014 г. в г. Сочи¹.

В настоящее время в ареале исторического проживания адыгов (Закубанье и Черноморское побережье) сложилось полиэтничное сообщество (свыше 1 млн человек) с преобладанием русских и армян, в котором адыгейцы и шапсуги составляют не более 8 тыс. человек². Министерство иностранных дел РФ и Министерство регионального развития РФ ответили в конце 2012 г. на требования организовать массовую репатриацию 3—7 млн потомков черкесов. Было отмечено, что они не являются соотечественниками. Репатриация, согласно позиции федеральных ведомств, может вестись на основании российского законодательства только в отношении лиц, разделяющих российскую гражданскую идентичность. Не может идти речи и о реституции собственности, прежде всего земельных угодий, на чем настаивают радикальные публицисты³.

Отношение этнических объединений к Олимпийским играм в Сочи позитивное. Представители основных этнических групп края сделали заявления о поддержке игр и категорическом неприятии экстремизма, участвовали в культурной программе Олимпиады и Паралимпиады. Кубанское казачье войско направило дружины добровольцев для помощи органам внутренних дел в обеспечении правопорядка, участвовало в патрулировании г. Сочи. Протестные настроения проявились в Краснодарской краевой организации «Адыгэ Хасэ» (председатель А. Сохт) в связи с задержаниями ряда активистов (декабрь 2013 г.) и отсутствием адыгского этнического компонента на церемонии от-

---

¹ См.: Баранов А. В. Этническая идентичность в Адыгее: политические аспекты конструирования в начале XXI в. (по материалам анкетных опросов) // Науч. мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2014. № 1. С. 86—92.

² См.: Подсчет по: *Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года*. М., 2013. С. 20—72.

³ См.: Берзегов М. Мы как народ являемся субъектом международного права, на которое и опираемся. URL: http://kavkaz-news.info/portal/cnid_94390/alias_Caucasus-Info/lang_en/tabid_2434/default.aspx

крытия Олимпийских игр¹, но они не оказали сколько-нибудь серьезного влияния на общественное мнение.

150-летие окончания Кавказской войны (21 мая 2014 г.) не вызвало повышенного интереса в крае. Основные газеты и интернет-сайты опубликовали обзорные статьи, в основном историко-просветительного свойства. Для краевых изданий характерен акцент на положительных аспектах завершения войны: решении геополитических задач России, пресечении работорговли, вытеснении Османской империи и пресечении влияния европейских держав на Северо-Западном Кавказе². Так, в Краснодарском историко-археологическом музее-заповеднике им. Е. Д. Фелицына проведен круглый стол с участием ученых, членов краевой общественной организации «Центр адыгской культуры», представителей администрации края, города и Республики Адыгея³. Проведена дискуссия по вопросам межэтнического и межконфессионального взаимодействия и сотрудничества на Кубани, формирования толерантности. Справедливо подчеркивалась недопустимость использования исторических фактов для разжигания этнической розни (выступления профессора Т. А. Хагурова и исполняющего обязанности директора музея Н. Ч. Хут).

Часть этнических общественных организаций попыталась использовать 150-летие окончания Кавказской войны 21 мая 2014 г. в целях своего сплочения. Они предъявили органам власти требование о признании «геноцида черкесов». Формы их активности: митинги, демонстрации, научные конференции в г. Майкопе (Республика Адыгея) и Нальчике (КБР). Основным местом поминальных акций — спуска на воду венков, зажжения свечей, запуска светящихся фонарей, раздачи поминальных ленточек — стал г. Сочи (пос. Головинка, аулы: Ахинтам, Мугу-

---

¹ См.: *Реальные* и мнимые угрозы Олимпиаде: эксперты о задержании черкесских активистов. URL: <http://www.regnum.ru/news/1745555.html#ixzz2zSvGgwij>

² См.: *Некрасова Е.* И станы стали станицами (интервью В. А. Рунова) // Кубан. новости. 2014. 21 мая.

³ *Хут З.* Кавказская война: уроки истории // Краснодар. новости. 2014. 23 мая.

хабль)¹. Характерно, что участники акций поминали только жертвы народов Северного Кавказа и изгнанников – мухаджиров, возлагая вину за войну исключительно на Россию.

Таким образом, обзор этносоциальных и этнополитических процессов в Краснодарском крае доказывает необходимость проактивной этнополитики, основанной на профессиональном научном мониторинге и прогнозе ситуации. Многое в данном направлении уже сделано. С 2005 г. принимаются краевые программы гармонизации межнациональных отношений (сначала ежегодные, с 2010 г. — многолетние). Проводится политика в сфере этнокультурного образования и традиционной народной культуры, взаимодействие с национально-культурными объединениями. Ежегодно издаются доклады губернатору края о состоянии гражданского общества в крае.

На наш взгляд, речь должна идти о финансировании масштабных социологических и конфликтологических исследований, об организации постоянного мониторинга тенденций этнических отношений, их прогнозирования и профессионального консультирования органов власти. Необходимо создать в структуре краевой и муниципальных администраций, других представительных органов более влиятельные, чем сейчас, структурные подразделения, специализированные на этнополитике и сформированные из профессионалов.

Целесообразно ускорить разработку программы реализации в Краснодарском крае Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, что предписано Указом Президента Российской Федерации № 1666 от 19 декабря 2012 г.² В группу ее разработчиков должны были войти не только юристы, но и этнологи, историки, пси-

---

¹ См.: *Чарный С.* Адыгские активисты в Сочи зажгли 101 свечу в память о павших в годы Кавказской войны. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/242975/>; Жители Юга России и Южного Кавказа отметили 150-летие окончания Кавказской войны траурными митингами и шествиями. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/243007/>

² См.: *О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года*: указ Президента Рос. Федерации от 19 дек. 2012 г. № 1666 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.

хологи, политологи. Состав рабочей группы должен быть известен профессиональным научным сообществам.

Принцип равенства всех этнических общностей и индивидов может эффективно реализоваться в экстерриториальных формах. Нуждается в усиленном развитии институт экстерриториальной национально-культурной автономии. Необходимо улучшить финансирование и организацию изучения русского языка в полиэтничных и миграционно привлекательных местностях.

Политические элиты региона и его муниципальных сообществ должны отражать в полной мере полиэтничный состав населения. Необходимо обеспечить баланс этнического представительства в органах власти края и местного самоуправления. Полезно воссоздание территориального управления Федерального агентства по делам национальностей, специализированных ведомств региональной исполнительной власти в сфере реализации этнополитики.

Значительные ресурсы следует направить на поддержку интернет-сайтов, противодействуя пропаганде сепаратизма и этно-религиозного радикализма. Органы власти и местного самоуправления должны стремиться деполитизировать обсуждение событий Кавказской войны, концентрировать внимание общественности на позитивных последствиях завершения войны и интеграции Северо-Западного Кавказа в Российское государство, на последующих периодах истории адыгов, достойно интегрировавшихся в поликультурное российское общество. Ключевая роль в реализации такого курса принадлежит СМИ и научно-педагогической общественности. Необходимо выделить значительную часть эфирного времени на телеканалах края для научно-просветительных передач цикла «Народы Кубани».

Ольга Богатова

*доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии
Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва*

Саранск, Россия

**ЭТНИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РЕСПУБЛИКАХ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ «ФИННО-УГОРСКИХ»
РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ)**

Предметом нашего исследования являются механизмы и последствия этнизации политики идентичности в республиках в составе Российской Федерации. Как отмечают В. С. Малахов и А. Г. Осипов, одной из социальных проблем современного российского общества является дискурсивная «этнизация» социальных отношений, которая, по определению А. Г. Осипова, заключается в представлении о том, «что “территориальное образование” или “государственность” могут создаваться и создаются на этнической основе как форма организации или “владение” этнической группы, выглядит как “общее”, обыденное знание, как априорное суждение, мыслительное клише, не нуждающееся в анализе и рациональном доказывании»¹. В свою очередь такая этнизация, по мнению В. С. Малахова, представляет собой частный случай широко распространенного в современном мире феномена «культурализации социального — истолкования социальных напряжений и противоречий в терминах культуры, в терминах этноса и конфессии»².

Специфика этого явления в российском социально-политическом контексте, в отличие от советского, заключается, по мнению А. Г. Осипова, в противоречии между «самоочевидностью» этнизации республик на уровне дискурса и ее отсутствием в правовом поле, что и обуславливает актуальность исследо-

---

¹ *Осипов А. Г.* Этничность и равенство в России: особенности восприятия. М. : Центр «Сова», 2012. С. 163.

² *Малахов В. С.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М. : Новое лит. обозр. : Ин-т философии РАН, 2014. С. 92.

вания данного явления на институциональном и идеологическом уровне: «"Этнический" характер государственных образований почти никогда не становится предметом анализа, оставаясь чаще своеобразной фигурой умолчания. <...> Вопрос о конкретных формах и способах институционализации этничности в праве, системе административного управления, политике и публичных дискурсах остается открытым»¹.

Пытаясь решить эту исследовательскую проблему на примере «финно-угорских» республик ПФО, мы предприняли в рамках научно-исследовательского проекта «Конструирование социального статуса и имиджа региональных социумов республик в составе Российской Федерации на примере республик Марий Эл, Мордовия и Удмуртской республики», выполненного в 2013—2014 гг. при поддержке РГНФ (№ 13-13-13006а(р)), дискурс-анализ некоторых документов, содержащихся на сайтах органов государственной власти республик: посланий главы Республики Марий Эл депутатам Государственного Собрания Республики Марий Эл и членам правительства Республики Марий Эл, ежегодных докладов «О положении в Удмуртской Республике» президента Удмуртской Республики и послания главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия за период 2001—2013 гг. В анализе учитывалось соотношение интегралистских (республика как региональное сообщество и часть российского народа) и этнопартикуляристских (республика как сообщество народов, этническая родина и институт сохранения этнокультурной идентичности титульного этноса) категорий описания республиканской идентичности.

Разница заключается главным образом в объеме этнической информации на сайтах, поэтому целесообразно анализировать этнополитический дискурс этих документов в сравнении с текстами посланий глав республик. Наименьшая степень этнизации характерна для сайта органов государственной власти Удмуртской Республики, где в разделе «Общая информация — Удмуртская Республика» (<http://www.udmurt.ru/region>) содержатся общие сведения о географическом положении республики, статус

---

¹ *Осинов А. Г.* Этничность и равенство в России: особенности восприятия. С. 163.

которой охарактеризован как «республика в составе Российской Федерации», ее городах, районах и населенных пунктах, природных ресурсах и экономике. На странице можно найти общие сведения о населении, этническом составе и т. д. Информация носит нейтральный констатационный характер и подается как одна из отличительных особенностей республики, причем сведения о государственных языках — русском и удмуртском — на этой странице отсутствуют. На связанном сайте Госсовета содержатся сведения о гербе и флаге республики с этническими удмуртскими мотивами, а также даются ссылки на текст гимна республики на русском и удмуртском языках.

Идеологию этнокультурной политики Удмуртской Республики характеризует также новостное сообщение о встрече министра национальной политики В. Н. Завалина с представителями этнической прессы, в котором отмечается полиэтничность республики, в которой проживает более 130 народов и национальностей, 33 национально-культурных объединения осуществляют деятельность по сохранению своего языка, традиций и налаживанию взаимопонимания. Министр напомнил о мерах по поддержке и развитию национального языка, но в то же время заметил: «Мы должны защищать национальные интересы и удмуртского, и русского, и других народов, проживающих на территории республики, но с пониманием того, что цементирующим основанием является русский народ»¹. В целом политический дискурс Удмуртской Республики можно охарактеризовать как слабо этнизированный и основанный на вполне отрефлексированной установке на позиционирование ее как республики, имеющей этнокультурную специфику, но принципиально не отличающейся от других регионов части России, в которой статус титульного этноса не выше статуса других этнических групп.

Средняя степень этнизации характерна для этнополитических компонентов имиджа Республики Марий Эл, как и для дискурса республиканской этнической политики. На сайте орга-

---

¹ *Национальный вопрос* // Официал. сайт Президента Удмурт. Республики и Правительства Удмурт. Республики. Новости. 18 марта 2013 г. URL: <http://www.udmurt.ru/about/info/anounces> (дата обращения: 29.10.2013).

нов государственной власти республики (марийэл.рф) наряду с картой, государственными символами и другой информацией размещен материал под названием «Этноисторическая справка», где содержится перевод ее названия (от марийского слова «эл» — страна), дается информация об этническом составе населения республики, государственных языках, а также об этнической истории марийцев и их вхождении в состав Российского государства; кроме того, республика маркируется как этническая территория, «свое» национально-государственное образование и этническая родина для марийской диаспоры.

На страницах республиканского министерства культуры содержится информация о реализуемых программах, фольклорных и религиозных мероприятиях, включая мероприятия официально зарегистрированной религиозной организации марийской традиционной веры, а в посланиях главы Марий Эл подчеркивается ее роль в сохранении языка и культуры марийского этноса как в самой республике, так и в других местах проживания марийцев, однако ожиданий значительного вклада со стороны марийской диаспоры в развитие Марий Эл не прослеживается: «Правительство Республики Марий Эл осознает ответственность за сохранение традиций марийского народа, в том числе и марийцев, проживающих за пределами республики» (2002)¹.

В данном случае характеристика этносоциальной структуры республики в этнополитическом дискурсе дается скорее в этнопартикуляристских, чем в интегралистских терминах: говорится об отдельных этнических общностях, являющихся объектом этнополитики, но не о народе Республики Марий Эл и не о российском народе, частью которого является народ республики.

Наивысшая степень этнизации образа республики и этнического партикуляризма присутствует в материалах, размещенных на официальном сайте органов государственной власти Республики Мордовия (портал e-mordovia.ru), что следует как из объема этнической информации, так и из ее фиксации на титульной

---

¹ *Послание* Президента Республики Марий Эл Государственному Собранию Республики Марий Эл «О положении в Республике Марий Эл» // Информ. портал «Регнум». 31 мая 2002 г. URL: <http://www.regnum.ru/news/35144.html> (дата обращения: 13.09.2013).

этнической общности — мордве, а также максимальной степени дискурсивного огосударствления мордовской этничности. На странице, озаглавленной «О Мордовии», помимо информации о местоположении, составе населения, включая этнический, и государственных языках Мордовии, в отличие от Удмуртской Республики и Марий Эл, дается название республики на нескольких языках, подчеркивается ее конституционный статус «государства в государстве»: «Республика Мордовия (Мордовия Республикась, м., э.), Мордовия (Мордовиясь, м., э.), РМ — республика (гос-во), равноправный субъект РФ», а в развернутой информации о регионе также неоднократно маркируется ее принадлежность титульной этнической общности, которой, несмотря на ее демографическую миноритарность, предоставляется право говорить от имени всего населения региона: «Шумбрат!» — так приветствуем мы гостей на нашей мордовской земле¹.

На официальном сайте Мордовии содержится также, наряду с развернутой этнокультурной характеристикой региона, отсутствующей на сайтах органов государственной власти Удмуртии и Марий Эл, большой раздел «Народы Мордовии», где размещена информация об итогах последней Всероссийской переписи населения по Мордовии, о концепции и основных итогах реализации национальной политики в республике, о религиозной ситуации, о привлечении абитуриентов из мордовской диаспоры², а также дана историческая справка, в которой без указания источника утверждается, что, «по данным ученых, на территории бывшего СССР проживает более 20 миллионов человек, имеющих мордовские корни»³, хотя данные Всероссийской переписи населения оценивают численность мордвы в России

---

¹ См.: *О Мордовии* // Официал. сайт органов власти Республики Мордовия. URL: <http://e-mordovia.ru/combo/view/2> (дата обращения: 29.10.2013).

² См.: *Народы Мордовии* // Официал. сайт органов власти Республики Мордовия. URL: <http://e-mordovia.ru/combo/view/87> (дата обращения: 29.10.2013).

³ *История* // Официал. сайт органов власти Республики Мордовия. URL: e-mordovia.ru/combo/view/25/history.htm (дата обращения: 29.10.2013).

в 744 237 человек и отмечают снижение ее численности по сравнению с 2002 г. на 100 тыс. человек¹.

Практически из материалов сайта, как и из посланий главы Республики Мордовия, складывается образ социума Мордовии не столько как территориальной общности, сколько этнической родины, и России в целом как не многонационального народа, а как сообщества этнонаций, в котором мордовский этнос имеет статус «государствообразующего народа» (2009)² наряду с русским. В своих посланиях глава Республики Мордовия прямо указывает на недооцененную, на его взгляд, возможность использования ресурсов мордовской диаспоры для пополнения человеческого капитала и кадрового потенциала республики: «В этом году в наш университет не была принята значительная часть абитуриентов из диаспоры, то есть к нам, на свою малую родину, из других областей страны приехала молодежь, которая могла бы закрепиться у нас и работать впоследствии на республику. Причем среди этих абитуриентов были и медалисты. А мы ребят не приняли и отправили назад. Университету показалось, что этот молодой кадровый резерв для нашей республики лишний» (2009)². Характерно то, что в публичных выступлениях нового главы Республики Мордовия, занявшего эту должность после перехода Н. И. Меркушкина на пост губернатора Самарской области — В. Д. Волкова — артикулируется та же идея: «На Республике Мордовия лежит особая ответственность за сохранение и развитие мордовской культуры, языка и традиций, и эта важная миссия возложена на нас российским государством, — отметил Владимир Волков. — Мы стремимся всесторонне поддержать общественное объединение финно-угорских народов»³.

---

¹ См.: *Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года* / Федер. служба гос. статистики. М. : ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 72.

² См.: *Послание* главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия 27 ноября 2009 года // Официал. сайт органов власти Республики Мордовия. URL: <http://www.e-mordovia.ru/content/view/45> (дата обращения: 01.10.2014).

³ Глава Мордовии В. Д. Волков: «На Республике лежит особая ответственность за сохранение и развитие мордовской культуры, языка и традиций»

Основным имиджевым мероприятием, как следует из посланий главы Республики Мордовия и других официальных документов, явилось празднование юбилея — 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, назначенное в 2012 г. в Саранске на основании археологической датировки артефактов, подтверждающих даннические отношения между некоторыми мордовскими феодалами и владими́ро-суздальскими князьями. В своих посланиях глава республики постоянно обращает внимание на то, что это событие происходит прежде всего в дискурсе, и указывает на имиджевую сущность этого символического события, которую можно довести до целевой аудитории только через его регулярное обсуждение.

Обсуждение «миллениума» в региональных СМИ и посланиях главы начинается с 2009 г., когда был подписан указ Президента РФ о предстоящем юбилее, и продолжается по крайней мере до 2014 г. («Подготовка к юбилею выдвигает особые задачи перед Координационным советом по демографической и миграционной политике. Это касается формирования и укрепления позитивного имиджа Мордовии, работы с диаспорой, тем более что федеральный уровень празднования юбилея позволяет более эффективно взаимодействовать с властными структурами регионов страны» (2009)¹; «Программа самого праздника, построенные и строящиеся сейчас в рамках тысячелетия объекты, уникальная атмосфера дружбы народов и межнационального согласия на многие годы вперед предопределили жизнь Мордовии, укрепили ее позитивный имидж» (2014)²).

По данным республиканского мониторинга межэтнических отношений, к непредвиденным последствиям реализации такой

// Рабочая хроника Главы РМ. 2013-09-26 // Официал. сайт органов власти Республики Мордовия. URL: <http://e-mordovia.ru/news/view/15793> (дата обращения: 08.10.2014).

¹ *Послание* главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия 27 ноября 2009 года (дата обращения: 01.10.2014).

² *Послание* главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия 31 января 2014 года // Официал. сайт органов власти Республики Мордовия. URL: <http://www.e-mordovia.ru/content/view/2531> (дата обращения: 01.10.2014).

модели республиканской политики идентичности, заключающейся в акцентуации связи статуса республики и идентичности титульного этноса, можно предположительно отнести снижение популярности общегражданской российской идентичности, которое имело место за период с 2010 по 2015 г., т. е. именно в период подготовки и празднования «тысячелетия», несмотря на его официальный лозунг («Все мы — Россия»).

В ходе массового опроса населения, предпринятого на базе ООО «Регион-М» в период с 16 по 31 марта 2015 г., на очередном этапе изучения мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений в Мордовии (в опросе, проведенном с помощью разработанного нами инструментария использовалась многоступенчатая типологическая региональная выборка с применением квотных значений по таким параметрам, как пол, возраст, место жительства и уровень образования респондента объемом $n = 2\ 000$ с доверительным интервалом $\pm 2,2\%$) выяснилось, что представители различных этнических групп в Мордовии, как и в других республиках в составе России, в разной степени соотносят себя с этой общностью, и она обладает для них различной степенью значимости.

С целью сравнения значимости этнической и общероссийской национально-гражданской идентичности для различных этнических общностей в Республике Мордовия был задан вопрос: «Некоторые граждане России в большей степени ощущают себя россиянами, а другие — в большей степени людьми своей национальности. Скажите, пожалуйста, вы лично кем себя чувствуете в большей степени?».

Как показал опрос, в Мордовии у респондентов мордовской национальности в наименьшей степени выражена самоидентификация с россиянами (51,6%), а самоидентификация с представителями собственной этнической группы — в наибольшей. Для сравнения отметим, что у русских и татар показатели соотношения этнической и российской идентичности практически совпадают. Доля респондентов, ощущающих себя в первую очередь представителями собственной национальности, среди мордвы (20,7%) вдвое больше, чем среди русских (10,9%) и татар (10,6%). Однако и в титульной этнической группе рос-

сийская идентичность доминирует не только в сравнении с этнической, но и в сравнении со сбалансированной, которая, согласно исследованиям Л. М. Дробижевой (2012 г.), преобладает в республиках Башкортостан и Татарстан у местных татар (45 %) и башкир (49 %), в то время как у русских этническая идентичность сильно уступает по значимости общероссийской «национально-гражданской» (48 %) ¹. Тем не менее в данном случае в соответствии с исследованием, проведенным под руководством Л. М. Дробижевой, степень самоидентификации со страной во всех этнических группах значительно выше, чем в других обследованных республиках.

В то же время опрос показал рост значимости региональной (республиканской) идентификации за последние шесть лет, со времени ее первого замера в 2009 г. Этот рост имел место во всех этнических группах населения республики, но в наибольшей степени — с 18,3 до 28,0 % — среди представителей «титупной» мордовской национальности, причем как за счет общероссийской, так и за счет сбалансированной региональной самоидентификации («Считаю себя в равной степени гражданином России и Мордовии»), которая наиболее предпочтительна в аспекте обеспечения условий для межэтнического согласия и нейтрализации этнотерриториального национализма.

Обращает на себя внимание этническая асимметрия этого роста, которая указывает на возможность появления новых поводов для социальной напряженности. В данном случае очевидно, что соотношение лиц, идентифицирующих себя в первую очередь с россиянами или жителями Республики Мордовии, существенно изменилась среди респондентов мордовской национальности, в то время как среди русских и татар оно осталось почти неизменным (таблица).

---

¹ См.: *Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра* / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2013. С. 322.

**Распределение ответов на вопрос: «К какой государственности вы себя относите в первую очередь?»,
в зависимости от национальности респондентов, %**

Вариант ответов	Национальность респондента						В среднем по массиву		
	русские		мордва		татары		2009 г.	2013 г.	2015 г.
	2009	2015	2009	2015	2009	2015			
Считаю себя в первую очередь россиянином	41,7	38,1	29,3	22,6	49,2	46,8	37,9	34,1	33,3
Считаю себя в первую очередь жителем Республики Мордовия	10,9	14,5	18,3	28,0	11,1	10,6	13,3	8,3	18,8
Считаю себя в равной степени гражданином России и Мордовии	46,0	43,6	52,4	46,5	31,7	40,4	47,3	54,4	44,3
Считаю себя гражданином мира	1,2	3,4	0,0	1,9	3,2	0,0	1,0	1,9	2,9
Другое	0,2	0,2	0,0	0,0	4,8	2,1	0,4	1,3	0,2
Респондент затрудняется или отказывается ответить на вопрос	0,0	0,3	0,0	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,5

Таким образом, политика идентичности региона, цели и приоритеты, которые осознанно и самостоятельно определяются и артикулируются их руководством и сильно отличаются в разных республиках, на практике оказываются весьма результативными. Степень этнизации этой политики не зависит от конституционного статуса республики или же, как показывает сравнение с данными официальной этнической статистики, от этнического состава населения. Более того, как свидетельствует пример Мордовии, эта политика оказывает обратное влияние на этнодемографические показатели. Механизмами реализации такой политики служат как республиканские средства массовой информации, обеспечивающие отбор информации, ее этнополитическую артикуляцию и трансляцию в направлении целевых аудиторий, так и специфические кампании по пропаганде республиканской идентичности, связанные с общественными «мегасобытиями», включая юбилеи, спортивные мероприятия, этнофестивали и т. д.

На практике она имеет прежде всего не зависящие от экономических успехов или тупиков политические результаты, к которым можно отнести, как показывает, по крайней мере, случай с Мордовией, увеличение полярности этнодемографической структуры и усиление институционального и идеологического выделения республики в российском социальном пространстве за счет ослабления общероссийской идентичности и гражданской солидарности. Если в Удмуртской республике этнизация политики идентичности блокируется стратегическим значением расположенных на ее территории предприятий оборонной промышленности, то в других республиках отчетливо прослеживается тенденция рассматривать этот процесс как универсальное средство решения экономических и социальных проблем.

Василий Бубликов

*кандидат социологических наук, доцент кафедры
социальных технологий Белгородского государственного
национального исследовательского университета*

Белгород, Россия

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ

Межнациональные взаимоотношения являются одним из важных факторов социокультурного развития любой территории или населенного пункта, особенно в условиях роста миграционной активности населения, формирования этнических общин и диаспор не только в крупных городах, но и в сельской местности. Бесконфликтные, партнерские взаимоотношения представителей разных народов в рамках одного территориально ограниченного поселения являются также и необходимой предпосылкой его хозяйственного, экономического развития.

Особое значение имеет уровень и режим межнациональных взаимоотношений в небольших полиэтничных сельских сообществах, где нет одной безусловно доминирующей этнической группы или где пропорции в соотношении численности разных народов сильно меняются за небольшой период времени. В таких поселениях этническая идентичность, ее культурные паттерны зачастую выходят на первый план, превосходя по своему значению иные групповые идентичности (социальные, имущественные, гендерные и др.).

По мнению большинства экспертов, основная задача субъектов управления (государственные органы, органы местного самоуправления, институты гражданского общества и др.) межнациональными взаимоотношениями в полиэтничном обществе должна заключаться в том, чтобы естественные процессы мобилизации и политизации этничности не приобретали конфликтно-генный и деструктивный характер¹. То есть, естественное жела-

---

¹ См.: *Савинов Л. В.* Региональная этнополитика в условиях социального транзита (на примере Сибирского федерального округа) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2013. С. 17 ; *Его же.* Этнополитика в региональном измере-

ние сохранения и воспроизводства своей этнической (культурной, конфессиональной) идентичности не должно входить в противоречие с задачей развития общегражданской идентичности.

Как считает Р. В. Петухов, в населенных пунктах разного масштаба и статуса отношения крупных этнических сообществ имеют разный формат и потенциал конфликтности¹. Так, в крупных городах, население которых представлено в основном недавними мигрантами или их потомками, гораздо лояльнее воспринимают иноэтничных приезжих, а чувство сопричастности и ощущение ценности города как своей малой родины, часто просто отсутствует.

В сельской же глубинке локальные сообщества, основанные на этно-родственных связях, смогли сохраниться, а традиционная соседская община остается значимой формой интеграции для ее жителей. Поэтому имеющаяся в сельских, провинциальных сообществах более четкая пространственная идентификация рождает гораздо большую, чем в крупных городах, настороженность и потенциальный негативизм к «вторжению» чужаков. Следовательно, и отношение к новым, иноэтничным жителям в небольшом поселении, с ограниченными материально-финансовыми и социальными ресурсами, чаще всего настороженное¹.

Межнациональные конфликты в небольших городах и в сельской местности являются не одномоментным событием, а результатом накопившегося в течение длительного времени недовольства людей, т. е. такие конфликты, как правило, носят затяжной характер².

Особый формат межнациональных отношений стал складываться в сельской местности российских регионов Центрального Черноземья после волны массовой миграции 1990-х гг., состо-

---

нии : моногр. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2012. 388 с. ; *Его же*. Опыт этнополитики в Республике Бурятия // Вестн. рос. нации. 2012. Т. 1, № 21. С. 201—217.

¹ См.: *Петухов Р. В.* Межнациональные отношения: локальный аспект // Социол. наука и социальная практика. 2014. № 3. С. 31.

² См.: *Трофимова И. Н.* К проблеме регулирования межэтнических отношений в местных сообществах // *Ars Administrandi*. 2014. № 1. С. 62.

явшей во многом из беженцев и вынужденных переселенцев. Многие из прибывших в трудные 1990-е гг. мигрантов приезжали вынужденно — по сути, бросив или продав за бесценок свое жилье и имущество в странах Средней Азии и Закавказья. Соответственно, в России у них хватило средств на приобретение жилья только в сельской местности; а у некоторых этнических групп, вместе с обозначенной экономической подоплекой, прослеживается и стремление к анклавному расселению, вызванное желанием сохранения своих этнокультурных и конфессиональных идентичностей. Например, в Белгородской области это прежде всего относится к туркам-месхетинцам, азербайджанцам и цыганам.

Белгородская область — один из регионов-лидеров в Центральной России по приему мигрантов в постсоветский период. Большинство жителей региона (66 %) проживает в городских поселениях, при этом среди этнических меньшинств доля городского населения, как правило, значительно ниже среднерегионального показателя: у украинцев эта доля составляет 63 %, немцев — 60 %, узбеков — 58 %, цыган — 53 %, азербайджанцев — 37 %, молдаван — 35 %, турок — 4 %¹.

Такая структура разделения на городское и сельское население обусловлена, прежде всего, историческими особенностями миграции разных этнических групп. Представители тех народов, которые в основном прибыли в регион еще в советское время (белорусы, татары), в большей степени селились в городах. В противоположность им, этнические мигранты, прибывшие в 1990—2000-е гг., предпочли поселиться в сельской местности.

Представители многих этнических групп составляют в отдельных сельских населенных пунктах значительную часть жителей. Так, из 1,6 тыс. населенных пунктов Белгородской области в 258 из них доля того или иного этнического меньшинства превышает 10 %, в то время как ни в одном городском поселении она не достигает и 5 %. В 18 сельских населенных пунктах большинство составляют представители этнических меньшинств (в 5 — турки, в 4 — азербайджанцы)¹.

---

¹ См.: База микроданных Всероссийских переписей населения 2002 г. и 2010 г. URL: <http://std.gmcrossdata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>

Таким образом, территориальная концентрация или даже анклавизация уже характерна для значительной части турок, азербайджанцев и цыган, а демографические и миграционные тенденции свидетельствуют, что в направлении этнической сепарации будут развиваться также узбекская и, возможно, молдавская общины региона.

В этой связи особый интерес представляют особенности межнациональных взаимоотношений в полиэтничных поселениях, представляющих модель будущего многих сельских общин Центральной России. В качестве объекта исследования уровня межнациональных отношений было избрано Шеинское сельское поселение Корочанского района Белгородской области, входящее в состав так называемого «большого кольца» Белгородской агломерации. Данное поселение является своеобразной «столицей» турок Белгородчины. В селе Шеино в 2010 г. проживало наибольшее число турок из числа всех населенных пунктов региона — 158 человек (из 746 жителей). Для сравнения — в областном центре, по данным последней переписи населения, проживало всего 73 турка из 352 тыс. человек.

По данным местной администрации на 1 января 2015 г. в муниципальном образовании проживают представители 14 народов, из которых основными этническими группами являются русские (68,3 %), турки (19,9 %), украинцы (4,5 %) и азербайджанцы (3,8 %). Особенностью Шеинского сельского поселения является быстрое изменение соотношения основных национальных групп и рост численности этнических меньшинств. Так, в 2002 г. в муниципальном образовании проживали представители семи этнических групп (наиболее многочисленными были русские — 81,5 % и турки — 10,5 %) ¹.

Таким образом, Шеинское сельское поселение можно в полной мере считать полиэтничным: число проживающих в нем этнических групп возрастает, а соотношение основных народов меняется в пользу этносов, представленных мигрантами. Например, если среди лиц пенсионного возраста турки составляют лишь 2 % населения, то среди лиц трудоспособного возраста их 21 %, а среди детей — 41 %.

---

¹ См.: *База микроданных Всероссийских переписей населения 2002 г. и 2010 г.*

С целью оценки уровня межнациональных отношений, основных проблем, возникающих при взаимодействии этнических групп, в марте 2015 г. было проведено социологическое исследование среди жителей Шеинского сельского поселения ($N = 100$), результаты которого свидетельствуют, что жители разных национальностей по-разному оценивают уровень конфликтности межнациональных отношений в поселении. Русские жители села более оптимистично оценивают состояние межнациональных взаимоотношений, нежели турки. Так, например, среди русских 41 % указывает на то, что конфликтов на национальной почве не возникает, в то время как среди турок таковых 30 % (табл. 1).

Таблица 1

Оценка жителями уровня межнациональных взаимоотношений в поселении, %

Ваша национальность	Вопрос: Возникают ли в вашем селе конфликты или недопонимание на национальной почве?				Всего
	Да, конфликты существуют постоянно	Да, конфликты возникают иногда	Иногда возникает некоторое недопонимание	Нет, конфликтов на национальной почве не возникает	
Русский	1,72	15,52	41,38	41,38	100,00
Турок	—	17,50	52,50	30,00	100,00
Всего	1,00	16,00	47,00	36,00	100,00

Основная масса респондентов — 53 % турок и 41 % русских — указывает на наличие латентного межнационального напряжения, а каждый шестой житель заявляет о наличии прямых конфликтов на национальной почве. Таким образом, открытые конфликты в поселении редки, но их латентный потенциал достаточно велик.

Оценка причин конфликтов или недопонимания на национальной почве среди жителей разных национальностей однозначна: 82 % турок и 76 % русских в качестве основной причины конфликтных ситуаций называют незнание культурных особенностей друг друга. Среди русских жителей (12 %) распро-

странена также точка зрения, что причиной конфликтов является закрытость этнических общин для контактов с другими народами. Представители турецкой общины второй по значимости причиной называют зависть со стороны жителей других национальностей (табл. 2).

Таблица 2

Оценка жителями причин межнациональных конфликтов, %

Ваша национальность	Вопрос: Если конфликты возникают, то в чем их основные причины (не более трех вариантов ответа)?					
	Этническая преступность	Закрытость этнических общин для контактов с другими народами	Незнание культурных особенностей друг друга	Разрыв в уровне жизни этнических групп	Иное: зависть	Всего
Русский	8,82	11,76	76,47	8,82	—	100,00
Турок	3,57	3,57	82,14	3,57	10,71	100,00
Всего	6,25	7,81	79,69	6,25	4,69	100,00

В этой связи очевидна недостаточная интенсивность деятельности местной администрации по культурному просвещению жителей о традициях и особенностях основных этнических меньшинств поселения. Необходимы мероприятия, способствующие снижению межнациональной напряженности в отношениях между крупнейшими общинами села — русскими и турками.

Сделанный вывод подтверждает и распределение ответов жителей поселения на вопрос: Насколько хорошо вы знаете национальные традиции, обычаи и ценности представителей других народов, проживающих в вашем селе? Так, только 7 % русских респондентов указывает на хорошее знание традиций других народов, живущих в селе, в то время как среди турок число таких респондентов составляет 60 %. Подавляющее большинство русских (72 %) имеет лишь общее представление о традициях других народов, а каждый пятый почти ничего не знает о них (табл. 3).

Таблица 3

Оценка жителями своих знаний о национальных особенностях представителей других народов, проживающих в селе, %

Ваша национальность	Вопрос: Насколько хорошо вы знаете национальные традиции, обычаи и ценности представителей других народов, проживающих в вашем селе?				
	Я хорошо знаю традиции других народов, живущих в нашем селе	Я имею общее представление о традициях других народов, живущих в нашем селе	Я почти ничего не знаю о традициях других народов, но хотел(а) бы их узнать	Я почти ничего не знаю о традициях других народов и не хочу их знать	Всего
Русский	6,90	72,41	15,52	5,17	100,00
Турок	60,00	37,50	2,50	—	100,00
Всего	29,00	58,00	10,00	3,00	100,00

Представленные данные свидетельствуют, что в культурном просвещении о традициях других народов нуждаются прежде всего русские жители поселения, так как представители этнических меньшинств, находясь в русской культурной среде, и так достаточно хорошо знают традиции и особенности русской культуры. Например, все турецкие дети ходят в школу, активно участвуют в художественной самодеятельности, праздниках, ориентированных на русскую культуру, в то время как их национальная культура практически никак не представлена в мероприятиях, проводимых местными органами власти и муниципальными учреждениями.

Несмотря на низкую информированность местных жителей о культурных особенностях этнических меньшинств, отношение большинства респондентов к людям другой национальности в целом нейтральное (русские — 67 %, турки — 83 %) или даже положительное (русские — 14 %, турки — 15 %). Вместе с этим 3 % турок и 19 % русских считают, что представители других национальностей «мешают нормально жить» (табл. 4).

**Отношение жителей к людям других национальностей,
проживающим в селе, %**

Ваша национальность	Вопрос: Как вы относитесь к людям других национальностей, проживающим в вашем селе?				
	Так же, как и к представителям своего народа	Положительно, у них есть чему поучиться	Отрицательно, они мешают нормально жить	Национальность другого человека для меня не важна	Всего
Русский	39,66	13,79	18,97	27,59	100,00
Турок	37,50	15,00	2,50	45,00	100,00
Всего	39,00	14,00	12,00	35,00	100,00

Анализ статистических сведений об особенностях проживания и сферах занятости крупнейших национальных общин показывает, что областей их соприкосновения в селе немного. В силу особенностей переселения турок в конце 1980 — начале 1990-х гг., они проживают в поселении обособленно, предпочитая селиться рядом с родственниками.

Распределение сфер занятости у турок и русских также существенно отличается. Так, например, если для 62 % русских жителей трудоспособного возраста основным источником средств существования является трудовая деятельность, т. е. работа в организациях и предприятиях различных форм собственности, то среди турок таковых только 23 %. Основными же источниками дохода турок являются личное подсобное хозяйство (28 %) и социальные пособия (24 %)¹.

Представленные данные свидетельствуют, что сфер взаимодействия представителей основных народов, через которые могли бы нивелироваться культурные и социальные различия, в поселении почти нет. Присутствующая некоторая степень территориальной обособленности (пусть и вызванная изначально объективным фактором — предоставлением беженцам-туркам жилья в одной части села), разные сферы занятости — все это сни-

¹ См.: База микроданных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

жает возможности гармонизации межнациональных отношений в поселении естественным путем.

В этой связи деятельность местных властей, муниципальных учреждений образования и культуры является по сути единственной возможностью развития положительных межнациональных отношений в поселении. Отдельно следует отметить и отсутствие представительства национальных меньшинств в структуре органов местного самоуправления, муниципальных организациях, что снижает возможности их интеграции.

В заключение отметим, что представленные результаты социологического исследования в Шеинском сельском поселении отражают формат межнациональных отношений во многих сельских населенных пунктах региона.

Владимир Васильев

*кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Новосибирск, Россия

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Новосибирская область всегда отличалась многонациональным составом и многоконфессиональностью. Этому способствовали активные переселенческие процессы конца XIX — начала XX в., развивающаяся многоотраслевая экономика и особенности географического положения. Быстрое развитие промышленности, транспортных связей, строительных отраслей привлекали в регион выходцев из европейской части страны, представителей сибирских народов и других народов Азии.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Новосибирской области были зарегистрированы представители более 180 национальностей и этнических групп. Состав населения наиболее крупных этнических сообществ Новосибирской области имеет следующую структуру: представители 11 национальностей вместе составляют 98,6 %, в том числе русские — 93,1 %, немцы — 1,2 %, татары и украинцы — по 0,9 %, узбеки — 0,5 %, казахи, таджики, армяне — по 0,4 %, азербайджанцы и киргизы — по 0,3 %, белорусы — 0,2 %. На оставшиеся 170 национальностей приходится 1,4 %. При этом 68 этносов имели численность не более 5 человек. Места компактного проживания этнических групп также незначительны по их численности на фоне дисперсного расселения различных национальностей по территориальным образованиям¹.

В период между проведенными переписями населения (2002—2010) наиболее крупные этнические группы населения по численности значительно уменьшились. Русские потеряли в численности 5,5 %, немцы — 34,6 %, украинцы — 34,6 %, татары — 13,3 %, казахи — 8,4 %, белорусы — 35,8 %. Снижение

---

¹ См.: *Текущий архив облстатуправления Новосибирской области.*

численности представителей наиболее многочисленных и традиционных в области национальностей связано как с естественной убылью, так и с миграционным движением населения. Лишь в последние годы для этих национальностей начинает меняться, хотя и медленно, соотношение между рождаемостью и смертностью. Так, в 2013 г. рождаемость в Новосибирской области превысила смертность на 0,6 процентных пункта. Но основным фактором снижения численности представителей таких национальностей, как немцы, украинцы, белорусы, является смена этнической идентичности отдельных представителей этих народов. Конституция Российской Федерации (ст. 26) дает право каждому «определять и указывать свою национальную принадлежность». Но это право, в свою очередь, не ограничивает право каждого пользоваться родным языком, каждый имеет право на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Отчасти проблема связана также с процессами ассимиляции народов, межнациональными браками и др.

Одновременно миграционные процессы привели к значительному росту численности представителей национальностей, активно мигрирующих в Новосибирскую область. Первыми по темпам прироста населения стали узбеки, их численность на территории области за период между переписями увеличилась в 6 раз, количество киргизов и китайцев увеличилось в 4,6 раза, таджиков — в 3,6 раза. Значительно увеличилась доля населения, не указавшего свою национальную принадлежность, их число превысило 126 тысяч, или 4,6 % от общей численности населения области¹. Это стало возможным потому, что ст. 26 Конституции Российской Федерации подчеркивает, что «никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности».

Тем не менее, абсолютное большинство представителей всех национальных диаспор добровольно указывали свою национальную принадлежность. Более того, в последние годы в области не снижается активность многочисленных национальных организаций.

---

¹ См.: *Текущий архив* облстатуправления Новосибирской области.

По данным Главного управления Минюста России по Новосибирской области, в регионе зарегистрировано 68 национальных организаций, представляющих 28 национальностей. (Десять лет назад их было соответственно 64 и 26) В их число входят 8 региональных национально-культурных автономий (украинская, белорусская, татарская, российских немцев, еврейская, армянская, азербайджанская, корейская), 23 местные национально-культурные автономии и национальные общественные организации. В области созданы межнациональные организации — Ассамблея народов Новосибирской области и Ассоциация национально-культурных автономий и национальных организаций города Новосибирска и Новосибирской области «Содружество», что свидетельствует о достаточно благоприятной межэтнической обстановке в области.

С целью удовлетворения национально-культурных запросов крупнейших по численности национальных диаспор, проживающих на территории области, в течение более 20 лет успешно действуют созданные решением областных органов власти шесть государственных областных культурных центров: два русских, немецкий, украинский, татарский и белорусский. Для удовлетворения культурных потребностей других этнических групп образовано государственное автономное учреждение «Дом национальных культур им. Г. Заволокина». Работой сети филиалов и «центров встреч» данных учреждений культуры охвачены все города и районы области. Ежегодное финансирование их деятельности из областного бюджета составляет свыше 70 млн руб. При организационной и методической поддержке культурных центров проводится более 300 культурно-массовых мероприятий в год, и самое важное мероприятие — ежегодный Международный фестиваль национальных культур «Единство через культуру».

Традиционно этноконфессиональные отношения в области составляют существенную часть общественных отношений и напрямую оказывают важное влияние на сохранение гражданского мира и согласия. В настоящее время в области сложилась многоуровневая система работы в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

Важную роль в деятельности по укреплению этносоциальной ситуации в области играет целевая программа «Государственная поддержка общественных инициатив и развития институтов гражданского общества в Новосибирской области на 2011—2016 годы». При управлении по связям с религиозными и национальными организациями создана постоянно действующая рабочая группа, регулярно организуются конференции, семинары, круглые столы, направленные на гармонизацию этноконфессиональных отношений. В рамках реализации государственной политики в сфере укрепления этноконфессиональных отношений религиозные и национальные организации в течение многих лет целенаправленно привлекаются к участию в областных и общегосударственных мероприятиях, в частности, таких как: празднование Дня Победы в Великой Отечественной войне, проведение Дня защиты детей, Дня России, Дня народного единства и др.

В соответствии с поручением Президента РФ в области действует Положение о системе мониторинга этноконфессиональных отношений и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма на территории Новосибирской области, утвержденное постановлением губернатора Новосибирской области от 15 апреля 2013 г.¹

Как показывает проводимый мониторинг, в целом ситуация в сфере национальной политики остается неконфликтной, но имеющей конфликтогенный потенциал в рамках системных отношений, обладающих конкурентным, антагонистическим или толерантным характером, в зависимости от складывающихся обстоятельств.

Наибольший конфликтогенный потенциал содержится во внутриэтнических отношениях. Это обусловлено конкурентностью между лидерами этнических групп и общественными организациями. Но конкуренция эта носит, как правило, закрытый характер. В то же время в силу определенных исторических факторов в области имеет место напряженность в межэтнических отношениях между отдельными этническими группами.

---

¹ См.: *Текущий архив* Правительства Новосибирской области.

Достаточно актуальны отношения толерантности между этническими группами из числа мигрантов и принимающим обществом. Традиционный образ жизни и доминирующая ментальность жителей Новосибирской области обеспечивают высокую толерантность принимающего общества. Государственная национальная политика в отношении этнических мигрантов способствует адаптации их к местным социокультурным условиям. Ситуация в этой сфере отношений хотя и имеет определенный уровень напряженности, но в то же время не является потенциально-конфликтной.

Межэтнические отношения в значительной степени связаны с отношениями межконфессиональными. Практически все межнациональные конфликты в мире имеют и конфессиональную окраску. Соответственно сложившемуся национальному составу в области сформировалась и конфессиональная обстановка. В области действует более 350 религиозных, религиозно-благотворительных и околорелигиозных объединений, фондов и миссий. В том числе официально зарегистрировано 210 религиозных организаций, представляющих 23 конфессиональных направления, из них 86 православных, 11 мусульманских, 4 иудейских, 6 буддийских и др.¹ Фактически же на территории Новосибирской области действуют 486 православных религиозных объединений (религиозные группы могут действовать без официальной регистрации)².

На основании определений Архиерейского Собора 2011 г. в Русской Православной Церкви проведена реформа, принято решение о том, что из епархий, в которых имеется более 150 приходов (религиозных организаций), или если епархия расположена на большой территории, необходимо выделять самостоятельные епархии. Соответственно, из состава Новосибирской епархии выделены Искитимская и Черепановская епархия, Карасукская и Ордынская епархия, Каинская и Барабинская епархия, а также сохранилась Новосибирская и Бердская епархия. А в пределах Новосибирской области образована Новоси-

---

¹ См.: *Текущий* архив Правительства Новосибирской области.

² См.: *Текущий* архив Новосибирской Митрополии.

бирская Митрополия. К настоящему времени в Русской Православной Церкви существуют 33 митрополии и 240 епархий¹.

Кроме централизованных организаций Русской Православной Церкви на территории Новосибирской области действуют и другие централизованные религиозные управления: Русской Православной старообрядческой Церкви, Римско-католической Церкви, Объединения церквей евангельских христиан-баптистов, межрегиональные центры Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня, Церквей лютеран, евангельских христиан-пятидесятников и другие, всего 14 централизованных религиозных организаций.

Традиционно этноконфессиональные отношения в области составляют существенную часть общественных отношений и напрямую оказывают важное влияние на сохранение гражданского мира и согласия. В настоящее время в области сложилась многоуровневая система работы в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

Религиозными организациями при поддержке областных органов власти успешно решаются первоочередные проблемы возрождения религиозной жизни: возвращение храмов и богослужебных зданий, помощь религиозным организациям в их восстановлении, выделении земли и в строительстве новых объектов. За короткое время появилось более 60 православных храмов, Соборная мечеть, католический костел, синагога, дома молитв церкви евангельских христиан-баптистов, лютеран, адвентистов седьмого дня, пресвитериан, христиан веры евангельской и др.

На протяжении многих лет Новосибирскую епархию (ныне — Митрополию) и правительство области связывает тесное взаимодействие. Епархией подписаны соглашения о сотрудничестве с большинством областных исполнительных органов власти в сфере культуры, образования, спорта, социальной защиты. Всего в настоящее время подписано 16 таких соглашений о сотрудничестве.

---

¹ См.: *Журнал* № 175 заседания Священного Синода от 27—28 декабря 2011 г. // Официал. сайт Моск. Патриархии. URI: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1909396.html>

По инициативе епархии и при поддержке правительства области организуются совместные благотворительные духовно-просветительские акции для сельских жителей области: поезд «За духовное возрождение России» и корабль-церковь «Андрей Первозванный». Стало традицией проведение совместных праздников и мероприятий, например, таких как День славянской письменности и культуры, Масленица, День Святой Троицы, рождественские и пасхальные праздники, День Крещения Руси, День семьи (память святых Петра и Февронии), «Свято писанка», «Лявониха» и др.

Подобная работа ведется и религиозными организациями, исповедующими ислам. Одной из крупных и активных общин является Региональное централизованное Духовное управление мусульман г. Новосибирска и Новосибирской области, которое постоянно проводит активную работу по духовному воспитанию верующих-мусульман, а также принимает участие в решении социальных проблем населения.

Мусульманское население области представлено в основном татарами, казахами, азербайджанцами, узбеками, таджиками, ингушами и представителями ряда других народов. Кроме религиозных мусульманских общин действует ряд тюркских государственных и общественных национальных организаций. Наиболее активную деятельность ведет государственное учреждение культуры «Новосибирский областной татарский культурный центр», а также национально-культурные автономии и центры татар, казахов, таджиков, узбеков, азербайджанцев, ингушей и др. Главной их задачей является работа в сфере возрождения, сохранения и развития языка и национальной культуры. При финансовой и организационной поддержке областных органов власти проводятся мусульманские праздники «Ураза-Байрам», «Курбан-Байрам», тюркские национальные праздники «Сабантуй», «Навруз-Байрам».

Римско-католическая церковь в Новосибирске имеет около десяти приходов и религиозных объединений. Церковью построен Кафедральный Собор, благотворительный детский приют Святого Николая, открыта епархиальная предсеминария, работает духовный центр «Иниго», при котором созданы филиал

Московского теологического колледжа и телестудия, действует католическое сестричество Матери Терезы и благотворительная католическая организация «Каритас». Церковью выпускается «Сибирская католическая газета» и другие издания, работает телестудия «Кана».

Лютеранская церковь представлена Евангелическо-лютеранской общиной г. Новосибирска. Большинство прихожан церкви изначально составляли российские немцы-переселенцы и немцы, депортированные во время Великой Отечественной войны из Поволжья на территорию Сибири. Для них эта религия являлась традиционной и помогала сохранить язык и обычаи немецкого народа. В данном направлении проводятся многочисленные национально-религиозные праздники: Рождественская ярмарка, «Октоберфест», Адвент, традиционный карнавал и др.

Большую роль в жизни еврейского сообщества играет религиозная иудейская община «ЯТад». За последние годы общине удалось объединить еврейскую диаспору, а также значительно расширить сферы ее деятельности. Наряду с богослужениями ведется духовно-просветительская, информационная и социально-благотворительная деятельность. Заканчивается строительство нового общественного еврейского центра с расчетом, что в части здания разместится синагога, а в другой части могут располагаться общественные еврейские организации. В тесном сотрудничестве с иудейской общиной в области работают еврейские и израильские общественные организации. При них действуют воскресные школы, творческие самодеятельные коллективы, кружки по изучению национальных еврейских традиций, культуры и языка иврит.

При финансовой поддержке международной организации «Джойнт» в Новосибирской области работает Еврейский культурный благотворительный фонд «Атиква», молодежный клуб «Гилель».

В 1999 г. создан еврейский лицей «Ор-Авнер», который в 2003 г. получил государственную аккредитацию. При лицее функционирует детский сад. В настоящее время в лицее и дошкольных группах занимается 130 детей. Главная цель лицея — возрождение еврейской культуры и традиций в сочетании с высоким качеством общего среднего образования. Еврейские

и иудейские организации регулярно отмечают еврейские национальные и религиозные праздники «Пейсах», «Пурим», «Суккот», «Рош-Ашана» и др.

Местная религиозная организация буддистов «Ринчин» г. Новосибирска и национальные организации бурятов, якутов, тувинцев организуют совместное проведение национально-религиозных праздников, таких как праздник Белого месяца — Сагаалган, посвященный встрече нового года по восточному календарю, культурно-спортивный молодежный праздник «Сурхарбан» и др. Неоднократно данные мероприятия проводились на средства областных грантов, выигранных национальными организациями.

Из числа протестантских церквей наиболее многочисленными являются общины евангельских христиан-баптистов различных направлений. Верующие оказывают помощь больным, престарелым, малоимущим, сиротам. Ведется работа среди заключенных. Церковь одной из первых начала работу по реабилитации людей, находящихся в наркотической и алкогольной зависимости. В 1994 г. начало работать Новосибирское издательство «Посох». В 2000 г. открылась Новосибирская библейская богословская семинария, действуют вечерняя библейская школа для проповедников и заочный библейский институт.

Другие протестантские организации представлены адвентистами седьмого дня, христианами веры евангельской, пятидесятниками, церковью «Свидетелей Иеговы». Наряду с этими конфессиями в г. Новосибирске действует также ряд совершенно новых для города организаций (в основном пришедших из-за рубежа): Новоапостольская церковь, Новосибирская христианская Церковь, Церковь Иисуса Христа святых последних дней, кришнаитские и ряд других общин.

Укрепляется положение церкви в системе образования: открываются воскресные школы, с 1 сентября 2012 г. введен в обязательную часть образовательной программы 4-го класса начальной школы комплексный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики», организуются различные курсовые занятия и семинары. Религиозная тематика занимает важное место в средствах массовой информации.

Постоянное внимание органов власти к проблемам религиозных и национальных организаций явилось залогом долгосрочных конструктивных и взаимоуважительных отношений. Несмотря на широкий этноконфессиональный спектр в области сложилась устойчивая позитивная межнациональная и межрелигиозная обстановка и стабильно поддерживается мир и согласие в обществе.

Татьяна Власова

*кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии
Удмуртского государственного университета*

Ижевск, Россия

**СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ¹**

Преподавание предметов этнокультурного цикла в регионах РФ регулируется рядом законодательных актов как федерального, так и регионального значения. Настоящая статья представляет собой попытку осмыслить взаимосвязь положений законодательства, связанных с выбором языка обучения и ожиданиями родителей, чьи дети учатся в школах и классах, работающих по этнокультурным программам. Позиция родителей анализируется на основании социологического опроса, проведенного среди родителей в октябре 2014 — феврале 2015 гг. в сельских школах Удмуртской Республики.

Разработка законодательства в 1990—2000-х гг. происходила в рамках риторики реализации культурных прав этнических общностей. При этом речь шла не о гражданских правах личности, а о коллективных правах группы. Так, В. А. Тишков и Ю. П. Шабаев указывают на то, что законы, регулирующие совокупность культурных прав, пытаются согласовать две перспективы. С одной стороны, провозглашается право на отличие, включая выбор языка общения, право обучаться на этом языке, право следовать культурным традициям, которые могут отличаться от общепринятых. С другой стороны, развитые формы законодательства обосновывают право на культурную свободу и гарантируют, что этот выбор совершается человеком добровольно, следовательно, человек не может принуждаться к какой-

---

¹ Статья выполнена в рамках исследовательского проекта, поддержанного грантом РГНФ 14-13-18002.

либо культурной идентичности¹. Язык и культурные традиции не могут быть навязаны насильственно, человек может свободно изменить этническую идентичность.

Необходимо обратить особое внимание на ту концепцию «родного языка», которая содержится в законодательных актах. Так, С. В. Соколовский замечает, что в современном российском законодательстве преобладают узкие трактовки указанного понятия². Узкая трактовка понятия «родной язык» подразумевает значение «язык, усвоенный в детстве». Однако, современная лингвистическая ситуация в регионах России такова, что дети могут усваивать сразу два языка. Кроме того, широкая синтетическая трактовка, в которой нуждается риторика современного законодательства, подразумевает, что основным языком общения может меняться под влиянием социальных обстоятельств (переезд, вступление в брак, миграция).

Закон «Об образовании», принятый 10 июля 1992 г., сохранил советские положения о праве на получение основного образования на родном языке, а также на выбор языка обучения (ст. 6.2)³. Оговаривалась позиция об использовании родного языка как базового языка обучения в рамках основного общего образования. То есть обучение в старших классах, которое предшествовало поступлению в высшие учебные заведения, должно было осуществляться на русском языке. Новый Закон об образовании, вступивший в действие с 1 января 2013 г., подчеркивает необходимость сочетать две важные для государственной идеологии, но разнонаправленные тенденции: во-первых, сохранение единства федерального культурного и образовательного пространства, а во-вторых, развитие с помощью образовательных инструментов национальных (в значении, этнических)

---

¹ См.: *Тишков В. А., Шабаяев Ю. П.* Этнополитология: политические функции этничности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 293—294.

² См.: *Соколовский С. В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М. : Привет, 2004. С. 19.

³ См.: *Об образовании* : закон Рос. Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1. URL: http://base.garant.ru/10164235/1/#block_1002 (дата обращения 19.05.2014).

культур и региональных традиций (ст. 3.3)¹. В новой редакции Закона об образовании не оговаривается, на какой ступени обучения может изучаться язык этнической группы.

В сфере образования устанавливается право на выбор языка обучения (ст. 13.1). Право касается дошкольного, начального и основного общего уровней обучения (ст. 13.2) Обучение в старших классах и высших учебных заведениях должно осуществляться на государственном языке РФ (русском). В законе указывается на то, что воспитание и образование на родном языке ограничивается возможностями, существующими в пределах образовательной системы Удмуртской Республики (ст. 13.2). Поэтому на практике преподавание этнических языков ограничивается удмуртским и татарским языками.

Право граждан на получение образования на родном языке обеспечивается «созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп...» (ст. 13.3). Указывается, что выбор языка обучения осуществляется родителями (ст. 13.4). Но не прописаны формы и пределы влияния родителей на характер и содержание учебного процесса. Например, может ли идти речь о выборе конкретных предметов, учителей? В законе также не поднимается вопроса об интересах местных общин и локальных сообществ.

Положения федерального стандарта закрепляют важное положение: статус языка в школе — это соучастное решение учеников, преподавателей, персонала и административных структур², а также родителей. Таким образом, появились новые субъекты влияния, так как прежние законодательные документы не рассматривали ни учителей, ни учеников, ни родителей в качестве имеющих право голоса. С одной стороны, появление этих положений можно рассматривать как свидетельство демократизации учебного процесса и формирование системы, когда роди-

---

¹ См.: *Об образовании* в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ. URL: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/> (дата обращения: 24.05.2014).

² См.: *Савинов Л. В.* Подготовка государственных и муниципальных служащих для поликультурного общества // *Философия образования*. 2011. № 6 (39). С. 56—63.

тели и ученики начинают участвовать в принятии решений. Но, с другой стороны, право выбора создает целый ряд «проблем» для системы этнокультурного образования. Дело в том, что ни ученики, ни родители не высказывают желания насыщать дополнительные программы этнокультурными курсами. Более предпочтительны курсы, которые прямо связаны с поступлением в вуз.

Сама практика выбора курсов, как и выбора языка обучения, очень слабо развиты в российских школах. В большинстве школ механически русский язык выбирается как основной язык обучения, хотя учитель и ученики в небольшой сельской школе в районах Удмуртской Республики могут спонтанно использовать этнический язык как для повседневного общения, так и для инструкций в ходе обучения. Чтобы обосновать присутствие или отсутствие какой-либо дисциплины в учебных планах, администрация школ апеллирует не столько к положениям ФГОС о возможности выбора родителями и учениками, сколько ориентируется на предписания региональных министерств образования и районных и городских управлений, т. е. опирается, прежде всего, на административные предписания.

В соответствии с ФГОС школы приобрели более широкие полномочия по включению конкретных курсов в учебный план, а учителя не были ограничены в подборе материалов для преподавания. Тем не менее эти изменения привели к сокращению объема преподавания этнических языков, поскольку родной язык перестал входить в число обязательных предметов. Школы исключают этот предмет из учебных планов вообще или сокращают количество часов. Хотя, надо заметить, увеличилось количество краеведческих курсов.

Признание возможности выбора языка обучения и компонентов этнокультурной программы сопровождалось признанием права федерального центра регулировать содержание этнокультурных курсов. Противостояние различных групп ведет к тому, что политические решения о содержании и форме этнокультурного образования в регионах совершают немислимые «зигзаги».

Рассмотрим образовательные запросы сельских семей на основании данных опроса в сельских школах Удмуртской Рес-

публики. Опрос проводился в октябре — декабре 2014 г. Отбор районов для участия в опросе был сделан на основе данных переписи. Из 25 районов республики были сформированы кластеры из трех районов в каждом, в соответствии с пропорциями этнического состава населения. Три района с преобладанием удмуртского населения (Шарканский, Алнашский, Дебесский), три с равными долями русского и удмуртского населения (Завьяловский, Увинский, Кизнерский), три с небольшим количеством удмуртского населения (Сарапульский, Каракулинский, Камбарский, Воткинский). Таким образом, в районах первого кластера с большой долей удмуртского населения было собрано 788 анкет. В районах второго кластера с равными долями русского и удмуртского населения — 767 анкет. В районах третьего кластера с преобладанием неудмуртского населения — 701. Всего в исследовании приняли участие 2 256 респондентов.

Родители, опрошенные в сельских школах, в целом положительно оценивают существование этнокультурных программ. На вопрос: «Хотели бы вы, чтобы ваш ребенок учил национальный язык?» положительно ответили 56,9 % респондентов, в то время как отрицательно высказались 21,3 %. В то же время 16,6 % затруднились ответом и 5 % родителей не дали ответа.

Также положительно родители высказывались относительно сохранения этнокультурного образования в масштабе всей республики. Большинство респондентов отвечали на вопрос положительно (41,4 %) или скорее положительно (27,6 %). Отрицательную и скорее отрицательную оценку дали 3,9 и 8,7 % соответственно.

Среди тех, кто поддерживает сохранение этнокультурных программ как в масштабах республики, так и в конкретных школах, преобладают родители с удмуртской идентичностью. Так, 59 % родителей удмуртов хотели бы, чтобы дети учили национальный язык и 85,6 % согласны или скорее согласны с тем, что необходимо сохранить этнокультурные программы в школах. Родители с другой этнической идентичностью, в том числе татарской, в поддержке удмуртского языка менее единодушны: «за» высказались 48,9 % родителей-татар и 49,6 % родителей-русских. Количество русских родителей на селе, призна-

ющих необходимость знания удмуртского языка, существенно больше, чем число респондентов, поддерживающих такую позицию в городских школах.

Анкетирование показывает, что этнокультурные программы в школах Удмуртии существуют в таких условиях, когда национальный язык изучается во всех классах школы, либо совсем не преподается в школе. О том, что их ребенок учится в школе, где все дети учат удмуртский язык, написали 34,4 % респондентов, а 16,4 % респондентов отметили, что национальный язык не только преподается в школе, но и используется как средство повседневного общения. На то, что в учебном заведении национальный язык не преподается, указали 28,4 % родителей. В 9,3 % случаев родители выбрали вариант ответа, описывающий ситуацию, характерную для города, когда в школе набираются отдельные классы с преподаванием удмуртского или другого этнического языка. Условия для такой организации могут сложиться в крупной школе с большим количеством учеников, которых немного в сельской местности. Интересно, что 14 % респондентов не смогли ответить на этот вопрос, что может свидетельствовать о недостаточном уровне их информированности о содержании учебных программ.

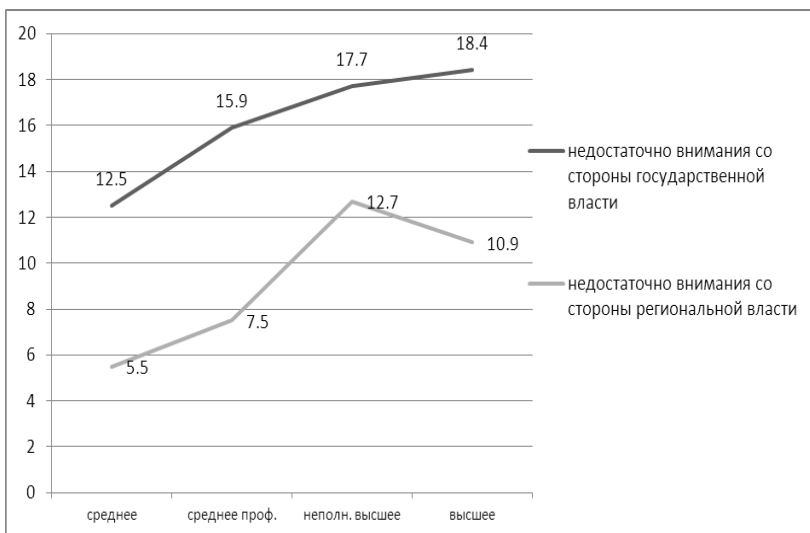
Относительно организации обучения позиция родителей состояла в том, что возможность изучения удмуртского языка должна быть в каждой школе республики. Мнения респондентов почти поровну разделились по двум основным позициям: 39,8 % респондентов считают, что программы изучения родного языка должны быть факультативными, в то время как 31,5 % высказывались за обязательный курс. Позиция 12,2 % родителей состояла в том, что национальные школы и классы должны действовать только в тех селах, где преобладает удмуртское население. Еще меньшее число респондентов (5,8 %) считало, что достаточно одной специализированной школы в районе, и только 4,6 % респондентов полагали, что необходимо совсем отказаться от этнокультурных программ.

О том, что изучение удмуртского языка должно быть обязательным, говорили, прежде всего, респонденты-удмурты. Среди респондентов, выбравших этот вариант ответа, 87,4 % составили

родители с удмуртской идентичностью, в то время как среди родителей русских таковых оказалось только 10 %. Среди сторонников факультативного преподавания удмуртского языка в каждой школе района соотношение родителей-удмуртов и родителей-русских может быть представлено как 51,4 к 45,6 %. С другой стороны, русские респонденты были сторонниками сокращения масштабов преподавания удмуртского языка в школах. Так, 63,5 % респондентов, выбравших вариант «национальные школы должны быть только в селах, где удмуртское население составляет большинство», представлено русскими. В то время как удмурты выбирали этот ответ значительно реже — 30 % респондентов.

В рамках вопроса о проблемах современных сельских школ родителям предлагались три варианта ответа, которые касались проблем государственной, региональной и муниципальной поддержки. Проблемы школ, такие, например, как отсутствие финансирования или плохое состояние материальной базы школ, респонденты считали следствием невнимания органов общегосударственной власти к сфере образования. О том, что имеет место недостаток внимания к сфере образования со стороны государственной власти, заявили 16,1 % респондентов, тогда как на региональные и муниципальные органы власти возлагают ответственность 8,3 и 8,8 % респондентов соответственно.

Респонденты с более высоким уровнем образования чаще давали ответы, которые демонстрировали более критическое отношение к государственной и региональной политике в сфере образования. О недостаточной степени поддержки образования со стороны государственной власти говорили 18,4 % респондентов с высшим образованием и 12,5 % — со средним образованием. В отношении региональной власти критическую позицию занимают 10,9 % родителей с высшим образованием и 5,5 % родителей со средним образованием (рисунок). Очевидной тенденции по отношению к муниципальной власти не выявлено.

Соотношение оценки родителями образовательной политики со стороны государственной и региональной власти в зависимости от уровня образования респондентов, %

Как уже отмечалось, респонденты с высшим образованием представляют сотрудников сельских социальных сервисов (педагоги, врачи, муниципальные служащие), поэтому они острее ощущают пределы возможностей школы. Большинство проблем образовательной деятельности могли бы быть решены при условии увеличения объемов финансирования: рост заработной платы педагогов, обеспеченность учебниками и компьютерной техникой, возможности для развития всех видов дополнительного образования. Как следствие, фиксируется склонность сельских респондентов с высшим образованием подчеркивать значение финансирования школ и связанный с ним фактор влияния государственной и региональной образовательной политики.

Таким образом, результаты исследования показывают, что в целом родители в сельской местности поддерживают существование этнокультурных программ. Востребованность программ по изучению родного языка и культуры зависит от возможности использовать родной язык в качестве языка повсе-

дневного общения. За сохранение возможности для детей учить удмуртский язык в школе высказываются, прежде всего, респонденты с устойчивой этнической идентичностью, живущие в районах с высокой долей удмуртского населения. Вместе с тем респонденты соглашались с тезисом о недостаточном объеме государственной помощи школам вообще и этнокультурным программам в частности. Причем в большей мере ответственность возлагается на органы общегосударственной власти, нежели на структуры регионального или муниципального уровня.

Юрий Дёмкин

*председатель АНО «Мордовский культурный центр»,
председатель Единого совета
национально-культурных объединений*

Тольятти, Россия

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В Г. ТОЛЬЯТТИ

Россия всегда развивалась как цветущая сложность.
К. Леонтьев (философ)

Мордовский культурный центр г. Тольятти с 1999 г. занимается общественной деятельностью. В городе проживает более 130 национальностей, работают более 20 национально-культурных объединений. Назрела необходимость обмена опытом. Работа в нашей организации проводится по нескольким направлениям, но особое внимание уделяется вопросам межнационального мира и патриотического воспитания молодежи.

Проект «Мы вместе — Россия» разработан в июле 2013 г. Он решает задачи межэтнического взаимодействия и межнационального согласия. Проект — партнерский, и он уникален своей минимальной бюджетной составляющей, так как при реализации проекта в основном используются объединенные ресурсы партнеров. В результате реализации проекта совместно с партнерами в городе формируется этнокультурное диалоговое пространство, которое является частью социального пространства, основу которого составляет взаимодействие в форме диалога. Этнокультурное пространство составляют площадки для общения и проведения мероприятий различных форматов (конференции, круглые столы, лекции, курсы языка, фестивали, концерты, выставки, открытые уроки и др.), с использованием объединенных ресурсов партнеров проекта. Содержание мероприятий направлено на межнациональное объединение, взаимодействие и согласие.

Формируемое этнокультурное диалоговое пространство дает возможность через включение участников в общую деятельность транслировать собственный культурный опыт. Таким образом происходит взаимовлияние и взаимообогащение различных культур. Образуется своеобразный «дом дружбы народов», не в смысле здания, помещения (так как помещение может быть использовано любое из ресурсной базы партнеров проекта), а в смысле межнационального взаимодействия.

Партнерами проекта являются:

— администрация губернатора Самарской области;

— мэрия г.о. Тольятти;

— министерство по национальной политике Республики

Мордовия;

— Министерство культуры и туризма Республики Мордовия;

— ФГБУ ВПО «Самарский Государственный Университет»,

филиал в г.Тольятти;

— ФГБУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»;

— ГКУ СО «Дом дружбы народов»;

— МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»;

— МБУ «Библиотека Автограда»;

— МБОУ гимназия № 35 г. Тольятти;

— МБОУ ДОД Детская художественная школа «Керамика» им. Марка Шагала г. Тольятти;

— Поволжский центр культур финно-угорских народов г. Саранска;

— МБОУ гимназия № 19 г. Саранска и др.

Участники проекта:

— национально-культурные организации г. Тольятти;

— представители диаспор народов России, проживающих в городе Тольятти;

— студенты и учащиеся учебных заведений городов области;

— профессорско-преподавательский состав учебных заведений;

— представители городских элит;

— жители городов.

Для реализации проекта нами разработан план мероприятий на 2014—2015 гг. Кратко остановлюсь на наиболее значимых мероприятиях.

В рамках реализации проекта «Мы вместе — Россия» в феврале 2014 г. на площадке Тольяттинского филиала Самарского гуманитарного университета успешно прошел День взаимодействия. В его программе было много мероприятий, среди которых выставка работ члена Союза художников России Ларисы Хафизовой, выставка национальной литературы библиотеки «Истоки» Тольяттинской библиотечной корпорации, выставка уникальной коллекции матрешек из Дома матрешки Тольяттинского техникума технического и художественного образования, доклад председателя Мордовского культурного центра Ю. М. Дёмкина, публичная лекция «Этнокультурное многообразие Самарской области», выступление ансамбля народной песни Мордовского культурного центра «Лайме порась».

Но основной частью повестки Дня взаимодействия являлся круглый стол на тему «Развитие взаимодействия с национальными объединениями по использованию этнокультурных традиций в воспитании молодежи», в котором участвовали не только руководители национальных объединений, но и лица, заинтересованные в развитии этнокультурных традиций в воспитании молодежи, представители государственных и муниципальных учреждений культуры и образования, общественных национальных объединений, СМИ.

Межнациональный мир — это одна из главных наших ценностей. В Самарской области проживают представители 150 национальностей. Мы разные, но мы равные, потому что являемся составными частями единого целого — российского народа. Сегодня нужно четко осознавать, что придание этнонационализму политической окраски, противопоставление одного народа другому — это путь в пропасть. К сожалению, именно молодое поколение в силу ряда причин — юношеский максимализм, повышенная эмоциональная восприимчивость, нигилизм — наиболее подвержено националистическим идеям. Недостаток патриотической составляющей в воспитательном процессе усугубляет существующие в молодежной среде проблемы. Уже через 5—10 лет мы рискуем получить взрывоопасную ситуа-

цию. На этом фоне огромное значение приобретает эффективная молодежная политика, направленная на патриотическое воспитание подрастающего поколения, реализуемая в жизнь, в том числе и через национально-культурные общественные организации. Мировая история свидетельствует, что важнейшей основой любой цивилизации являются традиции, предание забвению которых ведет к ее гибели, а их развитие определяет будущее. Важнейшей из этих традиций является патриотизм — преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу. И неслучайно государства, народы, заинтересованные в своем суверенном будущем, уделяют особое внимание патриотическому воспитанию молодежи.

Мы осознаем, что именно система ценностей, заложенная в каждой национальной культуре, является тем мощнейшим инструментом воспитания молодежи, так как любая национальная культура осуществляет механизм передачи норм поведения, нравственных и духовных ценностей от одного поколения к другому. Другой вопрос — как приблизить, приобщить молодежь к этим базовым ценностям. Я твердо убежден в том, что молодежи нельзя ничего навязывать сверху, и тем более делать работу с подрастающим поколением формальной. Настало время, когда национально-культурные центры должны активно вовлекать молодежь в свои ряды, в реальные дела.

Работу по патриотическому воспитанию молодежи в Мордовском культурном центре мы ведем по нескольким направлениям:

— идеологически-образовательное (открытые уроки, личные беседы, дискуссии, курсы изучения языков, публичные лекции со студентами, семинары, встречи ребят с творческой интеллигенцией, совместные мероприятия к знаменательным историческим датам);

— спортивно-патриотическое (участие и разработка мероприятий патриотической направленности (шествия, фестивали), постоянная работа спортивных секций (футбольные и волейбольные команды, работа со спортивными организациями), пропаганда здорового образа жизни;

— формирование этнокультурного пространства и организация досуга (проведение Дня взаимодействия, ежегодного

международного фестиваля «Тольяттинские мелодии единства», пополнение фондов национальной литературы, международные художественные выставки, развитие национальных промыслов и ремесел, проведение национальных свадеб и юбилеев, работа творческих коллективов);

— информационное (работа сайта, группы в соцсетях, статьи в СМИ, международных изданиях, встречи и совместные мероприятия с молодежными организациями).

В процессе обсуждения на круглом столе был выявлен достаточно многообразный опыт, который способствует взаимопониманию людей разной этнической принадлежности, формированию личности, осознающей равенство культур, наций и этносов, положительно относящейся к поликультурной среде любого сообщества наряду с четкой идентификацией и любовью к своей родной культуре.

По окончании Дня взаимодействия был разработан итоговый документ, который явился результатом совместной работы национально-культурных центров г. Тольятти, представителей органов власти г. Тольятти и Самарской области, а также представителей государственных и муниципальных учреждений культуры и образования г. Тольятти. В частности было решено:

1. Внедрить предложенные практики работы национальных объединений в системную деятельность муниципальных учреждений культуры и образования на основе межведомственных программ и муниципальных заданий.

2. Поддержать предложение АНО «МКЦ» о проведении 3 ноября 2014 г. ежегодного традиционного международного фестиваля под названием «Тольяттинские мелодии единства».

3. Оказать поддержку в создании на базах МБУ «Тольяттинская библиотечная корпорация», МБУ «Библиотека Автограда» и МБУ «Объединение» детских библиотек ресурсных центров общественных национальных объединений.

4. Возобновить работу при мэре г.о. Тольятти «Совета международного взаимодействия» с уточнением состава Совета.

5. Включить в график работы мэра ежеквартальные встречи с представителями национальных объединений.

6. Рассмотреть возможность освещения деятельности общественных национально-культурных объединений в газете «Го-

родские ведомости» и на телевидении, включая вопросы миграционной политики.

7. Рассмотреть возможность открытия Дома дружбы народов в г. Тольятти.

8. Рассмотреть вопрос о размещении информации о работе национально-культурных объединений на сайтах мэрии и партнеров.

Одним из решений итогового документа Дня взаимодействия было создание Единого совета национально-культурных объединений г. Тольятти. В июле 2014 г. произошло историческое событие — был создан Единый Совет, его председателем единогласно выбран Ю. М. Дёмкин. Офис Мордовского культурного центра г. Тольятти начал вести работу как межнациональный культурный центр города. В Единый совет вошли азербайджанцы, татары, мордва, русские, украинцы, таджики, немцы, корейцы, осетины и др.

4 ноября 2014 г. во Дворце культуры, искусства и творчества г. Тольятти состоялось праздничное мероприятие — фестиваль национальных культур «Тольяттинские мелодии единства», который также является мероприятием проекта «Мы вместе — Россия». Идея, название и концепция проведения фестиваля, объединяющего народы России, были разработаны и представлены департаменту культуры мэрии г.о. Тольятти Мордовским культурным центром в октябре 2013 г. Идея была одобрена городским советом, и в 2015 г. Мордовский культурный центр г. Тольятти совместно с департаментом культуры явился организатором торжества, на котором были представлены культура и творчество мордовского народа.

«Тольяттинские мелодии единства» — это праздник единения всех народов, которые из века в век дружно живут на русской земле. В дальнейшем мы надеемся, что данный фестиваль станет традиционным ежегодным мероприятием нашего города.

Все представленные вашему вниманию мероприятия являются только началом, первыми шагами по реализации проекта «Мы вместе — Россия». Впереди масса мероприятий различных форматов: конференции, круглые столы, лекции, курсы языка, фестивали, концерты, выставки, открытые уроки и другие виды

деятельности, которые будут способствовать межнациональному согласию.

Накопленный нами опыт в процессе реализации проекта «Мы вместе — мы Россия» предлагаем использовать как технологию успешного межэтнического взаимодействия, которую можно внедрить в любом городе нашей необъятной Родины.

Леонид Савинов

*доктор политических наук, доцент,
декан факультета государственного и муниципального управления
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Елена Дорожинская

*кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Андрей Сигарев

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
конституционного и муниципального права
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Новосибирск, Россия

«ДЕЛО О ТАНГЕЙЗЕРЕ»: СЕКУЛЯРНЫЙ ПАРАДОКС?

Мировой судья Центрального района г. Новосибирска Е. Со-рокина 10 марта 2015 г. прекратила административное дело по ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» в отношении директора Новосибирского государственного академического театра оперы и балета (НГАТОиБ) Бориса Мездрича и режиссера Тимофея Кулябина, связанное с резонансной постановкой оперы Рихарда Вагнера «Тангейзер», за отсутствием события правонарушения.

Дело было возбуждено по инициативе Митрополита Новосибирского и Бердского Тихона, обнаружившего в постановке осквернение предметов религиозного культа и обратившегося по этому поводу в правоохранительные органы. В частности, его возмутило то, что Иисус Христос был представлен в качестве героя эротического фильма «Грот Венеры», который по ходу сюжетной линии оперы в современной ее интерпретации снимает «Тангейзер».

О крайне остром характере конфликта вокруг новосибирской постановки оперы «Тангейзер» свидетельствовал градус публичной дискуссии, развернувшейся в региональных и федеральных российских СМИ, главным образом в сети Интернет.

Ситуация с «Делом о Тангейзере», на наш взгляд, случай из разряда «кесарю — кесарево, а Богу — Богово». В конфликте вокруг постановки оперы «Тангейзер» видна ситуация, когда «Божье» вторгается в сферу «кесарева» (в широком смысле вне-религиозного и внецерковного пространства) и пытается под сенью духовно-нравственного диктовать правила и образцы дозволенного.

Отметим, что жесткая линия Новосибирской Метрополии Российской Патриархальной Церкви не совпадает с официальной позицией самого Московского Патриархата, озвученной главой синодального Информационного отдела Владимиром Легойдой: «РПЦ как никто другой заинтересована в том, чтобы по статьям, защищающим чувства верующих, не было уголовных дел, и призвана находить общий язык с творческими людьми, с журналистами “в мире и взаимопонимании”»¹. При этом еще в 2011 г. Архиерейским собором РПЦ был принят документ «Отношение Русской православной церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес Церкви», гласящий: «В случаях оскорбления Бога или святыни в публичном пространстве важно, чтобы уполномоченные синодальные или епархиальные церковные органы давали квалифицированную оценку данному акту и определяли способы противодействия богохульству в конкретном случае»¹. Из этого, очевидно, не следует, что любой верующий или священнослужитель, увидев в публичном пространстве нечто, кажущееся ему богохульством, оскорбляющим его чувства, должен по собственной инициативе бежать в прокуратуру, заключил официальный представитель РПЦ.

«Дело о Тангейзере» показало, насколько высок потенциал политизации «массированной включенности» Церкви в социальные процессы, в том числе культурные. Вообще политизация религии в постсоветских государствах имеет амбивалентный характер, проявляющийся в консолидации/деконсолидации общества и сопровождающийся трансформацией традиционного

---

¹ РПЦ призвала разрешить конфликт вокруг «Тангейзера» без судебных приговоров // Интерфакс. 2015. 5 марта. URL: <http://www.interfax.ru/russia/428203>

института религии как закономерной реакцией на реализацию национальной модели модернизации¹.

В этом аспекте важную проблему поднимает Д. Петров, говоря о том, что сегодня для преодоления неэффективных моделей классификации государственно-конфессиональных отношений и их изучения, а также для формирования новых философских и юридических принципов построения нового типа взаимосвязей между государством и религиозным сознанием граждан необходимо научное изучение разрыва, с одной стороны, между религиозным сознанием и остальными компонентами структуры религиозного комплекса, с другой — между религиозным сознанием и юридическо-правовой практикой отношений государства и религий². В качестве объекта для изучения можно поднять ситуации, возникшие в 2014 г. в связи с отменой по причине требований православных активистов концертов Мерилина Мэнсона³, группы Behemoth⁴ и т. д.

Свое отношение к роли РПЦ в современном российском государстве вполне определенно выразил Е. Намли: «Фактически Церковь могла бы служить даже лучшей поддержкой устойчивой российской государственности, если бы отказалась от националистической риторики и начала работать над социальными проблемами российского общества, не испытывая иррационального страха оказаться в колониальной зависимости от иноземной культуры»⁵. Здесь, конечно, не уйти от проблемы идеологии, происходит она от государства или же от Церкви. И то, и другое крайне опасно в своих политических последствиях.

---

¹ *Дринова Е. М.* Политизация религии в контексте модернизационных преобразований: опыт постсоветских государств // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия «История и политические науки». 2014. № 5. С. 193.

² *Петров Д. Б.* Государство и религия: историко-философский анализ // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2014. № 6 (45). С. 95.

³ *Арефьев А.* В Новосибирске концерт Мерилина Мэнсона окончательно отменен // РГ. 2014. 27 июня. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/27/reg-sibfo/manson-anons.html> (дата обращения: 06.04.2015).

⁴ *Во Владивостоке* и Хабаровске православные активисты сорвали концерт польской группы Behemoth // Росбалт. 2014. 14 мая URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2014/05/14/1268101.html> (дата обращения: 06.04.2015).

⁵ *Намли Е.* Православное богословие и искушение властью // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 40.

Однако в социальной повседневности постсоветской России все чаще наблюдается идеологизация государства и Церкви, прежде всего православной, как нечто «государствообразующее» в политике государства и некоторых политических элит. Но, по словам Архимандрита Кирилла Говоруна, «идеология сужает отношения человека с Богом до моральных и гражданских ценностей, и когда Церкви редуцируют себя до того, что может быть лишь частью церковной жизни, они изменяют самим себе»¹.

Безусловно, вопросы толкования и оценки ситуаций, складывающихся в современном обществе и связанных с религиозным восприятием мира, всегда будут спорными из-за непреодолимого субъективизма отношения (как индивидуального, так и коллективного характера), а также из-за неопределенности границ «частного» религиозного права. Исходя из складывающейся практики, логично предполагать, что религиозные представители не могут обходиться без протестных возражений против определенных общественных мероприятий. Именно так складываются отношения на современном этапе развития российского общества. Но в конфликтах процесс не должен иметь смысловое преобладание над результатом, а результатом подобных конфликтов неизбежно должен стать компромисс. Поэтому настало время сформировать механизм достижения компромиссного решения между общественными и религиозными институтами без «автоматического» обращения к государству и его органам.

Представляется возможным пойти по пути применения в данных ситуациях механизма медиации как альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица. Медиация, как известно, сегодня применяется в принципиально иных (предпринимательских) отношениях, что и отражено в федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»². К слову, в сфере предпринима-

---

¹ Говорун К. Церковь и идеология: разделения и редукции // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 244.

² Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г.) // РГ. 2010. 30 июля.

тельства институт медиации не получил широкого распространения именно из-за того, что сторонам проще обращаться в суд, причиной чему является определенность и однозначность нарушенных прав контрагентов. Зато в сфере «религиозно-светских» конфликтов медиация, безусловно, даст возможность сторонам определиться с существом взаимных требований и претензий, обсудить аргументы «за» и «против» и, возможно, урегулировать конфликт без обращения в государственные (муниципальные) органы. Остается нерешенным один вопрос: кого стоит избрать в качестве посредника? Возможно, инициативным общественникам стоит подумать над формированием коллегиального органа, включающего специалистов и сторонников разных уровней, интересов и компетенций. Именно такой подход позволит «светскому» государству хотя бы частично устраниться из сферы религиозных споров.

Но вышеназванный подход стоит реализовывать с учетом принципа свободы вероисповедания, а также наличия множества конфессий на территории российского государства, что делает неприемлемым главенство РПЦ среди других церквей России. То, что это преобладание существует на сегодняшний день, — бесспорно, и носит оно не столько духовный, сколько политико-социальный характер. Фактически наблюдаются процессы «сакрализации политики» и «политизации РПЦ». К примеру, федеральной целевой программой «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)» предусмотрено государственное финансирование Некоммерческих организаций (НКО) в сфере духовно-просветительской деятельности. В 2014—2015 гг. духовно-просветительские НКО получают более 2 млрд руб., при этом в 2014 г. практически все организации, получившие финансирование (1,158 млрд руб.), были учреждены православными епархиями различных регионов России¹.

---

¹ *Об утверждении* распределения субсидий, предоставляемых в 2014 году из федерального бюджета некоммерческим организациям в рамках федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)»: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 мая 2014 г. № 901-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 23. Ст. 3012; *О распределении субсидий, предостав-*

На фоне этих фактов голословными выглядят утверждения представителей РПЦ о том, что православные христиане фактически дискриминированы из-за усиления на территории России представительства иных конфессий, что подтверждается фактами строительства мечетей, буддистских дацанов и т. д. В результате наблюдается деление религий на «традиционные» и «нетрадиционные».

Вспоминается нашумевшая в свое время теория «Окна Овертона», разработанная социологом Джозефом Овертоном, вице-президентом Макинского центра публичной политики (США) в конце девяностых годов прошлого века¹, которая изначально позиционировалась как исключительно политическая. В дальнейшем она преобразовалась в технологию изменения отношения общества к явлениям, ранее считающимся абсолютно неприемлемыми, путем постепенного их продвижения в глубины общественного сознания (с активным участием средств массовой информации). Любопытно, что эту технологию активно афишируют именно религиозные деятели, говоря о внедрении в массовое сознание россиян «греховных» ценностей². Но в ключе исследуемой темы интересно наблюдать процесс явного применения технологии «Окна Овертона» с целью нивелирования значения «светского» характера российского государства через допущение радикального вмешательства представителей церкви в общественные, политические и правовые процессы. В результате такое свойство личности, как «толерантность», изначально трактуемое как «терпимость», постепенно и незаметно в умах россиян трансформируется в «попустительство» и «рав-

---

ляемых в 2015 году из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на реализацию мероприятий федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)»: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 марта 2015 г. № 536-р // Официал. Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

¹ *Lehman J.* (2004) A Brief Explanation of the Overton Window. Mackinac Center for Public Policy. URL: <http://www.mackinac.org/12887>

² *Постолов И.* Окно возможностей Овертона и легализация греха // Интернет-журнал «Православие.ру». URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/67684.htm>

нодушие», порождающее нейтральное восприятие крайне неблагоприятных и недопустимых по сути фактов.

В результате системной оценки поведения представителей общества и государства складывается комплексное впечатление, что в современной России происходит постепенное смещение социальных и политических институтов на фоне повышения значимости религиозной морали. Ни для кого не секрет, что данный процесс фактически противоречит нормам Конституции РФ, делая их все более декларативными. Принцип секуляризации привел к тому, что российское государство как политический институт до сих пор не имеет четко определенной позиции, что именно стоит считать «частным» религиозным правом, а что «публичным», и что важнее для современной России.

Ошибочная идея о мировоззренческом и даже идеологическом доминировании русского православия как социального института и РПЦ по-прежнему поддерживает иллюзию возможности построения самой государственности на основаниях какой-то универсальной и даже единственной религиозной модели.

Конфликт вокруг новосибирской постановки оперы «Тангейзер» заставил общественность в очередной раз обратить внимание на сложную проблему взаимодействия церкви и государства, а также на влияние религиозных организаций и верующих на культурную политику и искусство в условиях современного общества. В своем исследовании мы попытались раскрыть на примере так называемого «Дела о Тангейзере» судебные-правовые, а также теологические, философско-этические и социально-политические аспекты взаимоотношений по осям «церковь — государство», «церковь — общество» и «церковь — искусство».

Терентий Ермолаев

кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

Якутск, Россия

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЮЖНОЯКУТСКОМ РЕГИОНЕ

Южная Якутия представляет собой уникальную историческую площадку интенсивного промышленного освоения территории, которое привело к перераспределению трудовых ресурсов республики, к формированию обширной зоны со смешанным в этническом отношении населением, вызвало быструю урбанизацию. Представители различных социальных и этнических групп в короткое время освоили рабочие профессии, стали субъектами формирующегося индустриального образа жизни, чаще начали вступать в межэтнические контакты. Строительство крупных промышленных объектов, миграция и урбанизация привели к изменению прежней этнической, социально-профессиональной структуры населения, особенностей его демографического поведения. Это же стало причиной многих неординарных явлений в социальной и межэтнической сферах. Одним из них, на мой взгляд, является своеобразный процесс формирования политэтнического регионального сообщества в условиях малых городов и рабочих поселков юга республики и появления своеобразного этнического «плавильного котла» в ходе грандиозного строительства Южно-Якутского территориально-производственного комплекса (ЮЯТПК) и последующей его эксплуатации. Следует особо отметить, что дивиденды от индустриального развития региона не всегда использовались должным образом во благо проживающих здесь народов. В настоящее время южноякутский регион отличается сложной системой межэтнических и межконфессиональных отношений, интенсивными миграционными процессами, провоцирующими повышенную этносоциальную напряженность.

Уместно начать анализ этнодемографической ситуации с интерпретации «человеческого фактора». Статья базируется на данных полевого исследования, проведенного в 2012 г., с охватом 500 человек. Основная часть респондентов (31,8 %) проживает в данной местности 20 и более лет. Город Алдан возник в начале прошлого века и получил ощутимый импульс развития в связи с промышленным освоением золота на юге Якутии. Поэтому и население здесь, если так можно выразиться, более оседлое. Город Нерюнгри возник в 1975 г. фактически на пустом месте как основной элемент инфраструктуры ЮЯТПК — последнего грандиозного индустриального проекта советской эпохи. Здесь весьма отчетливо просматривается тренд стремительного «старения» населения столицы Южной Якутии. Если взять средний возраст первопроходцев-строителей ЮЯТПК за 20—35 лет в момент их приезда на БАМ, то сегодня объективно получается, что Нерюнгри превратился в город пенсионеров. Такова судьба многих вахтовых промышленных моногородов. Половое соотношение жителей (преобладание женской части населения) также вполне соответствует безрадостной общероссийской картине.

Русские составляют подавляющую часть жителей, они живут в Алдане издавна, в Нерюнгри основная масса первостроителей и угольщиков тоже русские. Здесь интересна динамика роста численности саха. Если в Алдане изначально присутствовало автохтонное население, то в Нерюнгри наблюдается довольно значительный рост саха именно в последние годы. Рост внутрирегиональной миграции происходит, на мой взгляд, из-за следующих факторов: относительно доступные цены на благоустроенное жилье в добротных по региональным меркам квартирах на вторичном рынке (новое практически не строится); весьма комфортная современная городская инфраструктура, компактность, относительная неизношенность городского коммунального хозяйства, отсутствие сильных морозов, транспортная доступность, отсутствие по представлениям обыденного сознания опасного уровня межнационального противостояния. В Нерюнгри также расположен детский реабилитационный центр ДЦП, пользующийся большой популярностью не только среди жителей региона, но и далеко за его пределами. Следует особо

отметить следующий немаловажный аспект. В Нерюнгри подрастает второе поколение родившихся непосредственно на данной территории жителей, которые могут считать себя настоящими якутянами. Во многих неформальных беседах с представителями двух последних поколений нерюнгринцев автор невольно ловил себя на мысли о наличии довольно отчетливых мотивов проявления у собеседников чувств и настроений регионального патриотизма и сопричастности к судьбе малой родины. Данный фактор просто необходимо использовать в учебно-воспитательном процессе и этнонациональной политике на прострстве Южной Якутии.

Следующий штрих критерия оседлости населения, который отчетливо прослеживается в южноякутском регионе: чем дольше проживает человек в населенном пункте, тем выше у него уровень образования. Оседлость объективно способствует получению определенного уровня образования. Миграция же, наоборот, не благоприятствует этому процессу. К тому же в среде прибывающих мигрантов число людей с высоким уровнем образования, как правило, не превагирует, их единицы. Если же сравнивать с центральными районами республики, то мы сможем увидеть следующий тренд: в промышленных районах уровень образования обычно ниже. Довольно высок процент людей, живущих в гражданском браке: из 486 респондентов 58 связаны такой формой совместной жизни (около 12 %). Почти такой же процент разведенных. Львиная доля жителей по профессиональному признаку соотнесена с бюджетной сферой (примерно 35 %) и с индустриальным трудом (более 23 %).

Очаговый характер промышленного освоения наложил четкий отпечаток на источники формирования населения Южной Якутии. Абсолютное большинство современных жителей прибыло сюда в первую очередь из других регионов страны (52 %) или из других населенных пунктов республики (32 %). При этом количественные параметры по Алдану и Нерюнгри вполне сопоставимы. Возрастная градация прибывших почти полностью совпадает с основными этапами индустриального освоения региона. Резонирующим моментом выступает дисбаланс в половом соотношении прибывших. Из 395 респондентов, ответивших на данный вопрос, женщин оказалось 216, мужчин —

179 человек. Данное обстоятельство, конечно же, не свидетельствует о более высокой мобильности женской половины населения, скорее наоборот, подтверждает более интенсивную естественную убыль мужчин и обратный отток мужской рабочей силы из застывших в индустриальном развитии регионов. В настоящий момент женское население безукоризненно превалирует в ареале исследования.

Около половины респондентов (44,6 %) испытывали трудности общения с представителями других национальностей. Наибольшая степень трудности общения связана с представителями народов Кавказа (41,5 %), якутами (37,1 %), народами Средней Азии (19,6 %) и русскими (16 %). Основными причинами трудностей общения являются: а) особенности поведения (52,3 %); б) языковой барьер (40,5 %); в) чувство неприязни (16 %). Респондентам был задан вопрос: «Есть ли среди Ваших друзей люди другой национальности?» Утвердительный ответ на данный вопрос дали 83,1 % русских и 93,3 % представителей всех других национальностей. Эта разница вполне логична, так как 73 % населения Южной Якутии — это русские, поэтому, вероятность иметь друзей других национальностей у русских меньше. Почти 70 % респондентов имеют соседей другой национальности, с которыми они регулярно встречаются и общаются.

Поскольку толерантные/интолерантные межэтнические установки, как правило, проявляются непосредственно в ходе межэтнических контактов, то нельзя не учитывать фактор социальной дистанции в межэтнических отношениях. Чтобы полнее прояснить отношение респондентов к реальному межэтническому взаимодействию на разных уровнях социальной близости, обратимся к результатам, полученным с применением шкалы Богардуса. Если взять полученные результаты по всей выборке, то окажется, что 86,5 % респондентов готовы видеть представителей других национальностей в качестве гражданина своей страны. На общегосударственном уровне такая степень толерантности вполне объяснима многонациональным составом населения, еще сохраняющейся матрицей советского интернационализма и ментальностью русского народа. Еще больший процент (91,1 %) опрошенных не против соседства с представи-

телями других национальностей. Но с сокращением пространственного уровня общения усиливается этническая дистанция между субъектами взаимодействия. В качестве друга для проведения отдыха и развлечений согласны иметь «чужого» 77,1 % респондентов. В качестве непосредственного начальника согласны видеть «чужого» уже 64,1 % респондентов. Что же касается кровнородственных взаимодействий, то здесь возникает своеобразная зона отчуждения, которую нежелательно пересекать представителям других национальностей. Большинство респондентов не хотели бы видеть на месте отца и матери своих детей представителя иной национальности (40,3 % против 36,7 %).

Межэтнические семьи по сути первичные ячейки общества, в которых происходит трансформация этнического самосознания, закрепляется и совершенствуется все то положительное, что накоплено этносами в области культурного развития, сохранения традиций, обычаев и языка. Они получили широкое распространение в государствах с пестрой национальной структурой и активным миграционным процессом. В бывшем СССР к концу 1980-х гг. примерно каждая шестая семья состояла из представителей различных национальностей. В советское время в отечественной этнографической науке превалировало мнение, что число межнациональных браков выступает одним из существенных показателей этнического сближения народов, причем частота и вариативность межнациональной брачности играют в данном процессе важную роль¹. Однако в начале 90-х гг. прошлого столетия появились новые тенденции во взаимовлиянии миграционной обстановки и положения этнически смешанных семей. Распад Советского Союза привел к разрыву не только хозяйственных, но и родственных связей, что негативно отразилось на самочувствии национально смешанных семей. Многие из них, особенно в зонах межнациональных конфликтов, разрушились. В общественном сознании сформировалось отрицательное отношение к самой идее заключения смешанных браков.

---

¹ Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987. С. 204.

Степень межэтнической толерантности можно было проследить, задавая респондентам вопрос: «Как бы Вы отнеслись, если кто-либо из Ваших ближайших родственников (сын, дочь, брат, сестра) вступил бы в брак с человеком другой национальности?». Необходимо отметить: когда вопрос формулируется без конкретизации, то в ответах чаще высказывается толерантное отношение к межнациональному браку. Неприятие этнически смешанного брака на значимом уровне остается у русских и саха — 37,1 % и 33,1 % соответственно предпочли бы человека своей национальности. Готовность принять человека другой национальности с условием, что он «соблюдает обычаи моего народа», характерна 17,3 % саха и 11,2 % русских. Для значительной части эвенков (44,4 %) безразлична национальность мужа дочери или жены сына; 27,8 % предпочли бы человека своей национальности, но возражать бы против выбора не стали.

Если проанализировать данные нашего опроса сквозь призму образовательного уровня, то картина выглядит довольно пестрой. Так, среди респондентов с неполным средним образованием выше показатель тех, кто считает, что «национальность в браке не имеет никакого значения» — 37,5 %. Таковых же среди респондентов средним специальным и с высшим образованием — 34,7 % и 32,2 % соответственно. Результаты анализа по возрастному признаку свидетельствуют о более терпимом отношении к межнациональным бракам респондентов в возрасте от 35 и старше, а в общественном сознании молодого поколения наблюдается некоторая «размытость» в отношении к межэтническому браку. Предпочли бы супругу (супруга) другой национальности 38,7 % опрошенных, нежелательными такие браки считают 38,1 % респондентов. Почти треть опрошенных выразили свое негативное отношение к межнациональным бракам. Для 37,5 % респондентов достаточным условием для вступления в брак ближайших родственников с представителем иной национальности является уважение к религии и национальной культуре партнера. Более строгое условие — супруг (супруга) должны принимать обычаи и религию своего брачного партнера — является необходимым для 7,3 % респондентов. Следовательно, положительные ответы, но с определенными условиями, наблюдаются у 44,8 % респондентов. Кроме того,

20,3 % опрошенных считают, что национальность в браке вообще не имеет значения.

Таким образом, можно отметить, что большинство опрошенных респондентов допускают национально-смешанные браки, а это определенный ресурс формирования этнической и религиозной толерантности. Распределение ответов респондентов показывает, что в целом социальная дистанция увеличивается в соответствии со следующей последовательностью от опосредованных межгрупповых контактов до непосредственных межличностных: сосед, гражданин страны, партнер по отдыху, непосредственный начальник, супруг (супруга), отец (мать) ваших детей. Респонденты выражают большую готовность к межнациональному общению на уровне трудовых коллективов, неформальных контактов. И заметно меньше на межличностном уровне в семейной сфере. Чаще респонденты согласны принять человека другой национальности как гражданина своей страны, коллегу и с меньшим энтузиазмом готовы принять в семью. Работать в одном коллективе с человеком другой национальности, который к тому же является непосредственным начальником, готово более $\frac{2}{3}$ ответивших. А вот вступать непосредственно в личные, семейно-брачные контакты южнокавказцы не торопятся. В качестве отца (матери) своих детей готово видеть представителей другой национальности 36,7 % респондентов, а супруга (и) 38,7 %.

Полученные результаты позволяют сделать ряд умозаключений. Несмотря на существующее в этническом сознании респондентов толерантное отношение к межнациональному браку, все-таки в общественном мнении превалирует необходимость учитывать этническую принадлежность при выборе брачного партнера. Условно можно выделить несколько уровней проявления терпимости к межнациональным бракам. Респонденты выделили две позиции: а) «национальность в браке не имеет вообще никакого значения»; б) «предпочел бы человека своей национальности, но возражать не стал бы». Вышеназванные критерии можно считать проявлением межэтнической толерантности. В наибольшей степени терпимость к межнациональным бракам характерна для лиц старшего и отчасти среднего возраста.

Таким образом, судя по данным нашего исследования, межэтнические установки могут быть обусловлены целым рядом характеристик, к которым относятся тип региона и уровень миграционного потока в нем, социальное положение, уровень образования и общие жизненные установки людей¹. Можно сказать, что в регионе далеко не низкий уровень межэтнической толерантности, что позволяет разным этническим группам мирно сосуществовать на одной территории. Преобладающей установкой в сфере межэтнического взаимодействия является установка на сохранение этнокультурной дистанции либо за счет нейтрально-равнодушного отношения к представителям других этносов, либо за счет насильственного подавления в себе чувства этнической неприязни. К факторам, препятствующим сокращению этнокультурной дистанции, относятся как языковой барьер, так и априорно подчеркиваемая социокультурная дистанция, выражающаяся в различии и особенностях поведения, ценностей и жизненных смыслов.

---

¹ См.: *Савинов Л. В.* Осуществление муниципальной культурной политики в Усть-Илимске // *Федерализм*. 2010. № 1. С. 59—74 ; *Его же.* Особенности и проблемы этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе // *Изв. высш. учеб. заведений. Социология. Экономика. Политика*. 2009. № 2 (21). С. 31—33.

Светлана Мадюкова

*кандидат философских наук, научный сотрудник
Института философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук*

Ольга Персидская

*младший научный сотрудник Института философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук*

Елена Ерохина

*кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Института философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук*

Новосибирск, Россия

**СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕГИОНАХ ОБСКОГО СЕВЕРА
И ЮЖНОЙ СИБИРИ)**

Современная Россия объединяет регионы, каждый из которых обладает своей социокультурной спецификой. Глобализация усиливает это разнообразие, возводя различия в степень контраста. Сложное переплетение разнонаправленных тенденций глобализации и регионализации отражается в социальных настроениях, ожиданиях, тревогах представителей региональных сообществ, его отдельных групп.

Коренные малочисленные народы России являются одной из таких групп, представляющих культурное меньшинство. В Западной Сибири эти народы живут на Обском Севере и в Южной Сибири. Уникальные природно-климатические условия этих географических областей и специфические, складывающиеся тысячелетиями, способы адаптации человеческих коллективов к ландшафту обусловили становление специфического образа жизни, связанного с использованием территорий традиционного природопользования. В центре внимания данной статьи находится анализ социального самочувствия коренных малочислен-

ных народов Севера, или, в соответствии с общепринятой аббревиатурой, КМНС, Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) (Югры) и Республики Алтай.

Российская Федерация как субъект международного права, член международных организаций, таких как ООН, ЮНЕСКО и др., имеет юридические обязательства в области защиты коллективных прав данной категории своих граждан. Хотя Россия не ратифицировала Конвенцию Международной организации труда № 169 «О коренных народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», принятую в г. Женева на 76-й сессии Генеральной конференции МОТ в 1989 г., тем не менее ее законодательство содержит правовые нормы, реализующие некоторые положения данной Конвенции.

В 1998 г. Россия ратифицировала Рамочную Конвенцию о защите национальных меньшинств (1995 г.). В соответствии с ней государство, принявшее ее требования, обязуется создавать условия для поддержания и развития культуры и основных элементов самобытности меньшинств, не принимать мер, нацеленных на ассимиляцию лиц, принадлежащих к меньшинствам, вопреки их воле.

Сегодня этническое многообразие начинает осмысливаться международным сообществом еще и как естественное преимущество стран в глобализирующемся мире. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, принятая 2 ноября 2001 г., объявляет культурное разнообразие общим достоянием человечества. В таком международно-правовом контексте Правительство РФ, региональные и муниципальные органы власти субъектов РФ вынуждены принимать определенные меры, способствующие выравниванию существующих диспропорций между доминирующим большинством и народами, ведущими традиционный образ жизни.

Совокупная доля хантов и манси в структуре населения Ханты-Мансийского округа — Югры составляет менее 2 %. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность коренных малочисленных народов Севера составляла около 30 тыс. человек, из них ханты — 19 тыс. человек, манси — около 11 тыс. человек. В связи со стремительным развитием нефте- и газодобывающих отраслей хозяйства в округе со-

кращается площадь охотничьих угодий, меняются маршруты миграции оленей, происходит загрязнение рек и нерестилищ. «Наступление» индустриальной цивилизации на хрупкую природу северных территорий не оставляет без последствий образ жизни и практики природопользования северных народов: ограничивается доступ к родовым территориям, осложняется ведение традиционных промыслов, погибают священные для хантов, манси и ненцев места. Этническая идентичность народов Севера находится в критическом состоянии: все больше хантов и манси забывают родной язык (особенно это относится к молодежи), снижается интерес к экономически недостаточно выгодному и в то же время очень тяжелому традиционному труду, забываются исконные традиции и обычаи.

В условиях интенсификации современных социокультурных трансформаций сохранение и развитие коренных народов Севера стало актуальной задачей. Основной круг проблем для коренного населения связан с изменением исторически сложившейся системы расселения коренных малочисленных народов, постепенным угасанием богатейшей культуры народов Севера, несовершенством правоприменительной практики в сфере защиты их интересов. Многие российские нефтегазовые концерны имеют окружную «прописку», являясь донорами регионального и муниципальных бюджетов в ХМАО. Это позволяет, хоть и в незначительной степени, компенсировать тот ущерб, который наносится хозяйственной деятельностью предприятий сырьевого сектора природе Севера и традиционному хозяйству его коренного населения.

Однако далеко не все территории могут опереться на ресурс промышленных гигантов, испытывая давление на свою экосферу. Иной пример представляет собой Республика Алтай, субъект РФ, никогда в своей истории не переживавшая индустриального бума. Тем не менее туристическая привлекательность региона, достигающая своего пика в курортный сезон, становится причиной не только роста экономической состоятельности домохозяйств, но и серьезной экологической угрозы. Поскольку в республике отсутствует современная туристическая инфраструктура, прием и размещение туристов превращается в выгодный бизнес для мелких предпринимателей, ориентированный на сиюминутное

извлечение прибыли. В погоне за выгодой в общественном сознании легитимизируются практики браконьерства, нарушения законодательства в области защиты окружающей среды и историко-культурного наследия. В конечном итоге ущерб наносится значительный, однако в отсутствии источников его компенсации он не покрывается ничем.

Республика Алтай, также как и Ханты-Мансийский автономный округ, является полиэтничным регионом РФ. В структуре его населения 3,2 % составляют представители коренных малочисленных народов: теленгиты, тубалары, кумандинцы, челканцы, телеуты (суммарно около 8 000 человек). В Республике Алтай остро стоит проблема сохранения языков и культур коренных народов Алтая: если для сохранения культуры и языка титульного алтайского этноса определенные усилия предпринимаются, в том числе и на законодательном уровне (например, в Конституции Республики Алтай алтайский и русский языки признаны равноправными, проводятся многочисленные алтайские праздники и т.д.), то условий для сохранения культурных особенностей челканцев, кумандинцев, тубаларов, теленгитов не создано. Между тем, языки меньшинств нуждаются в институциональной поддержке, так как в современных условиях они не могут на равных конкурировать с русским на рынке образования и трудоустройства.

В статье представлены результаты этносоциологического исследования 2014 г., посвященного проблеме межэтнических отношений в регионах Сибири. Показателем социального благополучия членов межэтнического сообщества является социальное самочувствие, которое выявляется в соответствии со следующими критериями: степень удовлетворенности различными сторонами жизни; ожидания от будущего; восприятие своей идентичности. Мнение представителей коренных малочисленных народов по поводу их будущего и угроз существованию выяснялось в ходе экспедиции в указанные регионы, осуществленной авторами статьи, сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск) под руководством Ю. В. Попкова и Е. А. Ерохиной. Всего было опрошено более 400 жителей ХМАО, в том числе 71 представитель коренных малочисленных народов Се-

вера. В Республике Алтай исследователи также опросили чуть более 400 человек, среди которых к представителям КМНС себя отнесли 44 респондента. Опрос по анкете был дополнен серией интервью, проведенных в регионах с представителями государственной и муниципальной власти, творческой и научной интеллигенцией, работниками СМИ, руководителями общественных организаций. Сочетание количественной и качественной стратегий в сборе информации позволило глубже понять социально-культурные реалии жизни КМНС в указанных регионах.

Как показал анализ данных опроса в ХМАО, представления о будущем коренных малочисленных народов региона различаются у представителей этих народов (хантов и манси) и у представителей других этносов (русских, украинцев, выходцев из регионов Кавказа и Средней Азии и др.). Так, почти половина опрошенных из числа представителей некоренных народов уверены, что будущему развитию КМНС ничего не угрожает, в то время как большинство хантов и манси солидарны в диаметрально противоположной оценке: 61,2 % из них уверены, что их будущее находится под угрозой. В данном контексте тревожащим видится пессимистическое видение современного состояния и перспектив своего развития представителями коренных малочисленных народов на фоне спокойного его восприятия другими опрошенными.

Данные, полученные в Республике Алтай, позволяют увидеть иную картину. Мнения опрошенных представителей коренных малочисленных народов разделились, не выявив явной позитивной или негативной оценки перспектив развития. Настораживает значительное число – треть опрошенных – затруднившихся предположить, что ждет их в будущем. В то же время больше половины русских и казахских респондентов считают, что будущему коренных малочисленных народов не угрожает ничего: здесь данные подтверждают феномен, зафиксированный в ХМАО. Интересно, что с ними не согласны половина опрошенных алтайцев, которым, как представляется, ближе и понятнее стоящие перед КМНС проблемы: 51 % из них считает, что будущее КМНС находится под угрозой.

Стоит отметить при этом, что на вопрос: «Довольны ли вы сейчас в целом своей жизнью?», более половины респондентов

из числа представителей КМНС в Югре дали положительный ответ (51,5 %). Не совсем довольных было 39,7 %, и совсем недовольных лишь 2,9 %. На Алтае ситуация также позитивна: вполне удовлетворены своей жизнью в целом 65,1 % опрошенных представителей КМНС, не совсем довольны — 25,6 %, не довольны — 0 % (!).

Сопоставление двух показателей социального самочувствия — удовлетворенности своей жизнью в настоящем и неуверенность в будущем — подтверждает гипотезу о том, что не только на уровне деятельности хозяйствующих субъектов, но и на уровне повседневных практик жизни межэтнических сообществ указанных регионов сохраняется устойчивая ориентация «жить сегодняшним днем».

Если говорить об удовлетворении конкретными сторонами жизни, наибольшее количество недовольных голосов представителей коренных малочисленных набирают такие аспекты их повседневной жизни, как уровень доходов и работа местных органов власти (в ХМАО не вполне удовлетворительными оказались также жилищные условия и медицинское обслуживание) (табл. 1).

Таблица 1

**Уровень удовлетворенности представителей КМНС
качеством жизни, %**

Показатель	Субъект РФ	Довольны	Не совсем довольны	Не довольны
Уровень доходов	ХМАО	24,6	58,0	15,9
	РА	30,2	37,2	30,2
Медицинское обслуживание	ХМАО	37,7	39,1	21,7
	РА	59,1	20,5	15,9
Работа местных органов власти	ХМАО	40,6	40,6	17,4
	РА	34,1	31,8	22,7
Жилищные условия	ХМАО	36,6	47,9	15,5
	РА	69,0	21,4	7,1

В числе проблем, обозначенных представителями коренных малочисленных народов в качестве наиболее актуальных, нахо-

дятся сохранение и развитие родного языка, а также традиционной среды обитания. Закономерно, что для представителей данной группы в Республике Алтай в число наиболее важных вошла и проблема, связанная с необходимостью паритетного предоставления льгот и распределения материальных благ по национальному признаку. Примечательно, что обозначенные проблемы по своей злободневности обогнали даже материально-бытовые, а именно необходимость борьбы с алкоголизмом и важность улучшения условий жизни жителей округа.

Таблица 2

**Проблемы, обозначенные представителями КМНС
как наиболее актуальные для их сохранения и развития, %**

Проблема	ХМАО	РА
Сохранение и развитие родного языка	83,6	81,4
Сохранение традиционной природной среды обитания	76,1	53,5
Улучшение условий жизни всех жителей округа (города, поселка)	61,2	41,9
Борьба с алкоголизмом	56,7	37,2
Решение демографической проблемы путем возрождения семейных ценностей и роста рождаемости	37,3	23,3
Предоставление льгот и распределение материальных благ по национальному признаку	35,8	48,8
Возрождение традиционных религиозных верований	32,8	20,9
Увеличение численности представительства коренных малочисленных народов в органах власти и местного самоуправления	26,9	30,2

Ответ на вопрос: «Помогает или мешает Вам ваша национальность в жизни?» у городских и сельских представителей КМНС в ХМАО звучит по-разному. Так, почти половина горожан считает, что национальность значения не имеет (45,8 %), тогда как для трети жителей сельской местности (см. табл. 3) на первом месте оказался вариант «помогает решать некоторые вопросы» (35 %).

Для опрошенных КМНС на Алтае, большинство которых – жители сел, преобладающим ответом на данный вопрос стал вариант «моя национальность значения не имеет» (57,5 %). Считается, что в Российской Федерации в целом создана правовая база в сфере защиты прав представителей коренных малочисленных народов Севера. Законодательно закреплены такие меры государственной поддержки, как льготы, субсидии и квоты на использование биологических ресурсов. Тем не менее стоит обратить внимание, что такого рода льготы предусмотрены только для представителей малочисленных народов Севера, проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности.

Таблица 3

Роль национальности для представителей КМНС, %

Показатель	ХМАО	РА
Принадлежность к КМНС помогает решать некоторые вопросы	31,3	5,0
Принадлежность к КМНС создает сложности в решении некоторых вопросов	3,1	5,0
Не смогли однозначно оценить выгоды или недостатки факта своей принадлежности к КМНС: «бывает по-разному»	20,3	25,0
Считают, что их принадлежность к КМНС не имеет значения при решении каких-либо вопросов	37,5	57,5
Затруднились дать ответ на вопрос	7,8	7,5

Весьма показательно иллюстрирует ситуацию выдержка из нашего интервью с городской женщиной-манси в ХМАО, представительницей организации «Спасение Югры»: «В Сургуте сейчас нет специалистов по работе с КМНС. Потому что считается, что город — не территория традиционного природопользования. В советское время нас расселили в города, а теперь говорят, идите в чумы обратно». На вопрос: «Необходимы ли дополнительные меры по поддержке коренных малочисленных народов со стороны государства?», подавляющее большинство респондентов из Югры ответили, что такие меры необходимы (86,6 %) и лишь 1,5 % предположили, что такого рода необхо-

димось должна отпасть. Примечательно, что среди опрошенных в Республике Алтай представителей коренных малочисленных народов не нашлось ни одного человека, который бы считал, что дополнительные меры поддержки со стороны государства не нужны: за исключением затруднившихся ответить и предложивших свой вариант ответа, оставшиеся 83,7 % заявили о необходимости поддержки со стороны государства. Можно предположить, что полученные данные свидетельствуют о том, что законодательная база в отношении представителей КМНС слабо работает на удовлетворение реальных нужд населения, а органы власти местного, регионального и государственного уровня, уполномоченные работать с представителями КМНС, не вполне справляются с задачей их сохранения и устойчивого развития.

Подводя итог, перечислим ряд проблем, актуальных для представителей коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа и Республики Алтай. Это сохранение и развитие родного языка и традиционной природной среды обитания; алкоголизация населения и необходимость улучшения условий жизни жителей. Как представляется, государственная и региональная поддержка в решении этих проблем будут способствовать сохранению и развитию КМНС в исследуемых регионах в условиях современных социокультурных трансформаций.

Иван Золотухин

*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры международных отношений
Дальневосточного федерального университета*

Владивосток, Россия

ПРОБЛЕМА РОХИНДЖА В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

За последние 20 лет государства Юго-Восточной Азии существенно преуспели в укреплении внутрорегионального единства и построения Сообщества АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии). Несмотря на полиэтничный состав участников самой известной региональной организации, уважение социокультурного и этнокультурного разнообразия является одним из краеугольных принципов АСЕАН. Вместе с тем в странах Юго-Восточной Азии остаются щекотливые проблемы, связанные с политикой дискриминации в отношении этнических групп.

В последнее время особую остроту приобретает проблема этнических меньшинств в Мьянме — стране, в которой с 2008 г. осуществляется транзит от военно-авторитарного режима в сторону демократического. В стране, в которой проживает более сотни этнических групп, особую остроту приобрела судьба мусульман-рохинджа, проживающих в штате Ракхайн (ранее Аракан) в западной Мьянме, численность которых, по подсчетам специалистов, составляет около 2 млн человек. Примерно миллион из них проживает в Мьянме¹, 200 тыс. — в Бангладеш, включая 30 тыс. в специальных лагерях беженцев. Остальные рассеялись по всему региону: полмиллиона находятся в Пакистане, Саудовской Аравии и ОАЭ в качестве рабочих-мигрантов, 50 тыс. — в Малайзии, некоторые добрались до Японии и Австралии².

---

¹ *Luke Hunt*. Crocodile Tears for the Rohingya. Accessed May 25, 2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/05/crocodile-tears-for-the-rohingya/>

² *Kathleen Turner*. Utopian Visions and Kinship Divisions // In *Harvard Asia Quarterly Online*, 2002. N 6 (3). P. 1—8.

Ежегодно десятки тысяч «людей в лодках» покидают западное побережье Мьянмы. Большой резонанс вызвали сообщения о жестоком обращении тайландских ВМС с прибывающими мигрантами — их отправляли обратно в открытое море без воды и пищи. Ни одна из соседних стран не готова их принять и предоставить статус беженцев по разным причинам, называя их нелегальными экономическими мигрантами.

Рохинджа поселились на землях Араканского государства еще до аннексии этой территории европейцами. В колониальные времена представители данной этнической общности проживали как в Аракане, так и на территории Индии, а после демаркации границы между Индией и Бирмой в 1948 г. большая часть рохинджа оказалась на территории независимой Бирмы. На протяжении веков мусульмане-рохинджа относительно мирно уживались с буддистами-ракхайн. Ситуация изменилась во время Второй Мировой войны. Между двумя этническими общностями начались столкновения, которые подстрекали третьи стороны, в особенности — индийские раджи. Во время погрома в 1942 г. были убиты около 100 тыс. рохинджа и еще 80 тыс. покинули родные места.

В начале 1950-х гг., вскоре после обретения Бирмой независимости, мусульмане Аракана предприняли попытку вооруженного восстания, требуя создания автономного образования внутри страны. Хотя этот непродолжительный мятеж моджахедов не получил широкой поддержки среди рохинджа, в ответ начались массовые репрессии мусульман, которые потеряли все должности в местных органах власти, многие лишились собственности и стали беженцами.

В период парламентской демократии, в 1950-х гг., рохинджа были признаны правительством У Ну в качестве одной из коренных этнических групп, но с приходом к власти в 1962 г. военного Революционного Совета во главе с генералом Не Вином мусульман Аракана объявили «незаконными иммигрантами», поселившимися в Бирме в годы британского господства, а впоследствии лишили гражданства¹. Таким образом, данная этническая группа фактически оказалась в дискриминационном положении.

---

¹ *Симония А. А.* Мьянма: кто такие рохинджа и почему так трагична их судьба? // Азия и Африка сегодня. 2009. № 11. С. 28.

После военного переворота в Бирме в 1962 г. рохинджа создали несколько военных группировок. Две из них — Организация солидарности рохинджа и Араканский исламский фронт рохинджа — в 1996 г. объединились в Национальный альянс рохинджа. В 1998 г. на базе этого альянса была создана Национальная организация араканских рохинджа¹. Наличие военных группировок является основанием для федерального правительства периодически проводить «зачистки» на западе страны. Кроме того, в Ракхайне происходят неоднократные столкновения на этноконфессиональной почве между буддистами-араканцами и мусульманами-рохинджа. В 2012 г. в результате ожесточенных столкновений в штате Ракхайн погибло более 160 рохинджа и почти 100 000 стали беженцами².

Нынешний режим также до сих пор не признал рохинджа, отрицая их наличие среди 135 национальностей страны³. С конца 1970-х гг. начинаются массовые потоки беженцев — главным образом в соседний Бангладеш (рохинджа говорят на языке, родственном бенгали). Однако начиная с 2006 г. Дакка ужесточила пограничный контроль, после чего рохинджа начали отправляться в опасное морское путешествие на лодках к берегам Таиланда, чтобы затем перебраться в Малайзию в поисках работы.

Бангладеш заявляет, что бедное государство с населением 150 млн человек не может приютить у себя большой поток беженцев, поскольку присутствие рохинджа в стране наносит ущерб окружающей среде, так как они заселяют холмы и вырубают на них деревья. Но дело, видимо, еще и в том, что отношения двух стран довольно сложные. Между Мьянмой и Бангладеш существует постоянная угроза вооруженного конфликта по поводу демаркации морской границы из-за спорных территорий прибрежного шельфа, располагающих значительными запасами природного газа⁴.

---

¹ *Nyi Nyi Kyaw*. No place at home for forgotten minority // *The Straits Times*. 25.02.2008.

² *Joshua Webb*. Solving the Rohingya Crisis. Accessed May 29, 2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/05/solving-the-rohingya-crisis/>

³ *Thanida Tansubhapol*, Anucha Charoenpo, “Burma: We'll take Bengalis, not Rohingya” in *Bangkok Post*. 28.02.2009.

⁴ *Симония А. А.* Указ. соч. С. 28.

Постоянно увеличивающийся поток «людей в лодках» из Мьянмы в южный Таиланд заставил Бангкок ужесточить миграционную политику. Бангкок рассматривает нашествие рохинджа как угрозу национальной безопасности. Власти страны подозревают, что среди беженцев есть исламские наемники, замаскировавшиеся под рабочих-мигрантов, чья цель — оказать поддержку мусульманским сепаратистам Патани. Небольшие колонии рабочих мигрантов рохинджа есть в Малайзии, которая, также как и Индонезия, опасается, что поток приезжих станет бесконечным.

Проблеме рохинджа уделяется внимание как со стороны мирового сообщества, так и на региональном уровне. Начиная с 1991 г., различные международные и неправительственные организации, такие как «Международная амнистия», Верховная комиссия ООН по делам беженцев, «Врачи без границ», «Репортеры без границ» постоянно следят за их положением и регулярно готовят доклады на эту тему. Беженцы в лагерях на территории Бангладеш, как и оставшиеся на территории Аракана, выживают лишь благодаря Международной продовольственной программе и Верховной комиссии ООН по делам беженцев. С февраля 2001 г. проблему рохинджа на английском и бирманском языках освещает специальный сайт, созданный в Читтагонге (Бангладеш) представителями этого народа в изгнании¹.

Обсуждение проблемы на уровне АСЕАН ведется осторожно, хотя некоторые подвижки были достигнуты. На саммите 2009 г. рохинджа впервые стали именовать «мигрантами в Индийском океане». 14—15 апреля 2009 г., после шестилетнего перерыва, на индонезийском острове Бали состоялась III Региональная Конференция по вопросам незаконной миграции, на которой проблема обсуждалась, хотя сторонам так и не удалось выработать алгоритм конкретных действий для ее решения, так как позиция Мьянмы по вопросу о гражданстве рохинджа осталась прежней².

В 2014 г., когда Мьянма председательствовала в АСЕАН, на проблеме рохинджа безуспешно пытался акцентировать внима-

---

¹ *Симония А. А.* Указ. соч. С. 30.

² *Marwaan Macan-Markar.* South-East Asia: Bali Process May Address Rohingya Crisis. Accessed 30 May, 2015. URL: <http://www.globalissues.org/news/2009/02/27/756>

ние министр иностранных дел Индонезии¹. В мае 2015 г. Найпидо неохотно принял приглашение Таиланда на участие в саммите по вопросам беженцев, угрожая отозвать свое участие, если в повестке заседания будет обозначена проблема рохинджа².

Очевидно, что ситуация с рохинджа выходит за рамки внутренней проблемы Мьянмы и превращается в вызов безопасности для ЮВА. Безусловно, осторожная позиция соседей Мьянмы не означает их молчаливого согласия с действиями Нейпидо. В то же время позиционирование проблемы в плоскости нарушения прав этнических меньшинств — головная боль для всех правительств АСЕАН, для которых перспектива «бунтующей этничности» с высокой долей вероятности приведет к очередному витку обострения внутренних проблем.

Конфессиональный аспект проблемы рохинджа также является угрозой региональной безопасности. В настоящее время около 350 тыс. рохинджа проживают в Пакистане, где особенно сильны элементы религиозного экстремизма. Небольшие группы рохинджа мигрировали на Ближний Восток в тренировочные лагеря террористов³, и хотя в Мьянме пока не было случаев терроризма, связанных с исламистами, в свете глобализации терроризма и особенно активной деятельности ИГИЛ нет гарантии, что они не произойдут.

Таким образом, руководства стран АСЕАН, стремясь к поиску формулы стабильности в Юго-Восточной Азии, без чего невозможно полноценно и конструктивно развивать отношения с внешним миром, осторожно относятся к этническому фактору, который в последнее время в странах региона скорее вызывает больше настороженности, нежели позитивных ожиданий, и все чаще ассоциируется с нестабильностью и угрозами безопасности.

---

¹ *Скосырев В.* Контрабандисты в Азии наживаются на людях без родины. URL: http://www.ng.ru/world/2015-05-25/8_asia.html (дата обращения: 26.05.2015).

² *Joshua Webb.* Op. cit.

³ *David Scott Mathieson.* “The Plight of Burma's Rohingya” in *Global Asia*. Seoul. 2009. Vol. 4, N 1. P. 89.

Юрий Ирхин

*доктор философских наук, профессор кафедры политологии
и политического управления РАНХиГС*

Москва, Россия

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ АБХАЗИИ

После распада СССР в 1991 г. Абхазия оказалась в составе Грузии. Однако в силу своего длительного исторического развития Абхазия всегда тяготела к России и долгое время была ее неотъемлемой частью.

С конца XVIII в. абхазские князья искали спасения от османского гнета и нашли его в виде покровительства России. Князь Келешбей, в 1803 г. просившийся в российское подданство, был убит в 1808 г. в результате протурецкого заговора. Его сын Сафарбей (Георгий) в 1809 г. подавил сторонников Турции и обратился к российскому правительству с просьбой о покровительстве. Просьба была удовлетворена: 17 (29) февраля 1810 г. вышел Манифест Александра I о присоединении Абхазского княжества к Российской империи. После революции 1917 г. Абхазия вошла в Советскую Россию (с 1921 г.), а затем в СССР: с 1922 г. в качестве союзной (по 1931 г.), а затем – автономной республики в составе Грузинской ССР.

После распада СССР в июле 1992 г. постановлением Верховного Совета Абхазии была вновь введена в действие Конституция ССР Абхазии 1925 г., согласно которой она имела статус суверенного государства и «осуществляла государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти». (В ст. 3 Конституции подчеркивался уникальный статус Абхазии в СССР: «ССР Абхазия, объединившись на основе особого союзного договора с ССР Грузией, через нее входит в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику и в составе последней — в Союз Советских Социалистических Республик»).

В противовес постановлению 1992 г. о независимости Абхазии, правящими кругами Грузии абхазскому народу была навязана

на война. Как известно, грузино-абхазская война (1992—1993 гг.) завершилась победой Абхазии.

Ныне Республика Абхазия является суверенным государством. Территория республики составляет 8 665 км² (163-я в мире), население — 245 тыс. человек, ВВП — 494,006 млн долл., на душу населения — 2 286 долл.

Современная Конституция — основной закон Абхазии — была принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия 12-го созыва 26 ноября 1994 г. и впоследствии одобрена на всенародном голосовании (референдуме) 3 октября 1999 г.

В день проведения референдума на территории Абхазии проживало 219 534 граждан, имеющих право голоса, т. е. 58,5 % от довоенной численности избирателей. В голосовании приняло участие 87,6 % граждан, внесенных в избирательные списки, что составило более половины от довоенной численности избирателей. 97,7 % проголосовавших одобрили действующую Конституцию.

Конституция Республики Абхазия состоит из 7 глав: Гл. I. Основы конституционного строя; Гл. II. Права и свободы человека и гражданина; Гл. III. Законодательная власть; Гл. IV. Исполнительная власть; Гл. V. Судебная власть; Гл. VI. Местное самоуправление; Гл. VII. Конституционные поправки и порядок пересмотра конституции. Она относится к третьему, современному поколению конституций, т. е. включает все современные достижения международного права, понятие правового государства, демократические принципы и др.

Республика Абхазия согласно своей конституции является суверенным, демократическим, правовым государством, народовластие является основой государственной власти. Наименования «Республика Абхазия» и «Апсны» равнозначны (ст. 1). Республика Абхазия — субъект международного права — вступает в договорные отношения с другими государствами (ст. 3.). Столица Республики Абхазия — город Сухум (Акуа).

В Конституции Республики Абхазия в ст. 4 говорится, что «Республика Абхазия состоит из исторических земель Садз, Бзып, Гума, Дал-Цабал, Абжуа, Самырзакан, Псху на которых расположены районы (Гагрский, Гудаутский, Сухумский, Гулрыпшский, Очамчырский, Ткуарчалский, Галский) и города

(Гагра, Гудаута, Новый Афон, Сухум, Очамчыра, Ткуарчал, Гал). Территория Республики Абхазия целостна, неприкосновенна и неотчуждаема».

В Конституции Республики Абхазия (ст. 6.) говорится: «Государственный язык Республики Абхазия — абхазский. Русский язык наряду с абхазским признается языком государственных и других учреждений. Государство гарантирует всем этническим группам, проживающим в Абхазии, их право на свободное использование родного языка».

Народ Абхазии ценой огромных жертв обрел политическую независимость и самостоятельность и восстановил свою государственность в пределах исторических границ. Понятие «народ Абхазии» в ряде случаев, особенно когда обращается внимание на его национально-этнический состав, более корректно применять, чем «абхазский народ», именно с учетом полиэтнического состава страны. Понятие «абхазский народ» в этом контексте будет выступать как более узкое определение по сравнению с понятием полиэтническим «народ Абхазии».

В Конституции Республики Абхазия признаются и гарантируются права и свободы, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, международных Пактах об экономических, социальных и культурных правах, о гражданских и политических правах, других общепризнанных международно-правовых актах. Естественными правами и свободами человека являются: право на жизнь, свободу, неприкосновенность, частную собственность. Каждый человек имеет право на свободу частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и достоинства, свободу совести, вероисповедания, творчества, мысли, слова и убеждений.

Ни один закон, отменяющий или умаляющий права и свободы человека, не должен быть принят или издан в Республике Абхазия. Отдельные ограничения прав и свобод могут вводиться только конституционными законами при необходимости защиты конституционного строя, обеспечения безопасности и общественного порядка, охраны здоровья и нравственности, а также в случаях стихийных бедствий, чрезвычайного или военного положения.

В Республике Абхазия осуществляется свобода вероисповедания. Большинство населения Абхазии составляют христиане.

Согласно социологическим опросам, распределение конфессий следующее: 60 % — христиане; 16 % — мусульмане; 3 % — приверженцы абхазской религии (монотеизм); 5 % — язычники; 8 % — атеисты (неверующие); 2 % — прочие конфессии; 6 % — затруднились ответить. В обыденной жизни религиозные праздники (христианские, мусульманские, языческие) часто отмечаются совместно представителями различных религий.

Граждане Республики Абхазия осуществляют выборы президента, депутатов Народного Собрания — Парламента и в органы местного самоуправления на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Право участвовать в выборах, выдвижении кандидатов, предвыборной агитации, наблюдении за проведением выборов, в осуществлении других избирательных действий принадлежит каждому гражданину Республики Абхазия, достигшему в день выборов 18 лет.

Государственная власть в Республике Абхазия осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Законодательная, исполнительная и судебная власти самостоятельны. В республике признается и обеспечивается местное самоуправление — самостоятельное в пределах своих полномочий. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

По форме правления Республика Абхазия — президентско-парламентская республика. Законодательная власть в Абхазии представлена Народным Собранием — Парламентом, состоящим из 35 депутатов, избираемых на 5 лет с помощью равного, всеобщего и прямого избирательного права, посредством тайного голосования.

Каждый законопроект, принятый Парламентом, представляется Президенту Республики Абхазия. Если законопроект подписывается президентом, то он публикует его в течение 15 дней со дня его принятия Парламентом Республики Абхазия. Закон вступает в силу с момента его опубликования, за исключением случаев, когда более позднее вступление закона в силу устанавливается самим законом.

В случае неодобрения законопроекта президентом, он возвращает его со своими возражениями в парламент. Если при по-

вторном рассмотрении законопроект будет принят квалифицированным большинством, то президент обязан подписать и опубликовать его. Если законопроект не возвращен президентом в течение десяти дней после того, как он был ему представлен, такой законопроект становится законом так же, как если бы он был подписан президентом. Законопроект не становится законом, если из-за переноса заседания он не мог быть возвращен в парламент.

Последние по времени выборы в Народное Собрание — Парламент Республики Абхазия прошли 10 марта 2012 г. На 35 мест в Парламенте претендовало 148 кандидатов, из которых 114 были выдвинуты инициативными группами, а 34 — партиями. Выборы состоялись во всех 35 избирательных округах, необходимое для победы в первом туре количество голосов получили 13 кандидатов в депутаты. В 21 округе повторное голосование состоялось через две недели. Выборы были достаточно прозрачными, признаны состоявшимися. Оппозиция согласилась с результатами выборов.

В целом парламентские выборы в Абхазии оставили впечатление уже привычного процесса, в котором и кандидаты, и наблюдатели, и избиратели знают свои права и этими правами пользуются. Во время второго тура жалоб в Центризбирком зарегистрировано не было. В парламент был избран ряд независимых депутатов.

Исполнительная власть в Абхазии представлена Президентом Республики Абхазия, который является главой государства. Вместе с президентом избирается вице-президент. Выборы Президента Республики Абхазия осуществляются на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет. Президентом избирается лицо абхазской национальности, гражданин Республики Абхазия, не моложе 35 и не старше 65 лет, обладающий избирательным правом. Одно и то же лицо не может быть Президентом Республики Абхазия более двух сроков подряд.

Осуществлением исполнительной власти занят Кабинет Министров, который формируется Президентом Республики Абхазия и является для него подотчетным органом. Кабинет Министров Республики Абхазия действует в пределах срока полно-

мочий президента страны и слагает свои полномочия перед вновь избранным президентом.

Кабинет Министров Республики Абхазия в полном составе либо его отдельные члены имеют право на отставку, которая предоставляется Президенту Республики Абхазия, который вправе ее принять либо отклонить. Парламент Республики Абхазия может выразить недоверие отдельному члену Кабинета Министров и внести этот вопрос Президенту Республики Абхазия, решение которого является окончательным. В состав Кабинета Министров Республики Абхазия в 2012 г. входили три женщины.

Местное самоуправление в Республике Абхазия осуществляется в районах, городах и других населенных пунктах. В ст. 79 Конституции Республики Абхазия говорится, что местное самоуправление осуществляется гражданами путем прямого волеизъявления и через выборные органы местного самоуправления. Главы исполнительной власти городов и районов Республики Абхазия назначаются Президентом Республики Абхазия из состава органа местного самоуправления. Состав, устройство и полномочия местного самоуправления устанавливаются законом. Органы местного самоуправления утверждают местный бюджет, местные налоги и сборы, владеют, пользуются и распоряжаются муниципальной собственностью, обеспечивают охрану общественного порядка, определяют свои внутренние структуры, а также решают другие экономические, социальные и иные вопросы, не исключенные из их ведения или переданные государственным органам.

Конституция Республики Абхазия, с одной стороны, признает важное значение органов местного самоуправления и их самостоятельность, а с другой — предоставляет президенту право отменять акты органов местного самоуправления. Существует ряд вопросов по разграничению полномочий центральных и местных органов власти.

В соответствии с Конституцией предложения о поправках и пересмотре Конституции Республики Абхазия могут вносить Президент, Парламент, Верховный Суд, Генеральный прокурор Республики Абхазия. Поправки к Конституции Республики Аб-

хазия принимаются Парламентом Республики Абхазия двумя третями голосов от общего числа его депутатов.

В положительном разрешении вопроса признания Абхазии как суверенного государства особую роль сыграла Российская Федерация. Россия 26 августа 2008 г. признала независимость Абхазии (обе стороны также учитывают существовавший между Абхазией и Россией по Манифесту от 17 февраля 1810 г. стратегический военно-политический союз).

Президенты России и Абхазии Владимир Путин и Рауль Хаджимба подписали 24 ноября 2014 г. в г. Сочи Договор о союзничестве и стратегическом партнерстве сроком на 10 лет, согласно которому создается общее оборонное пространство и совместная группировка войск, с перспективой полной военно-политической интеграции двух государств. Россия значительно, до 5 млрд руб. в год, увеличивает финансовую помощь Абхазии, включая социальные выплаты и пенсии.

Итак, Абхазия правовым путем подтвердила свой суверенитет. На современном этапе развития ей как суверенному государству недостает полного международного признания.

В статье М. В. Логуа «Современные проблемы развития абхазской государственности» анализируются процессы развития современной абхазской государственности. Показывается значение достижения Абхазией политической независимости. Анализируются Конституции Республики Абхазия 1925 г. и 1994 г. Рассматривается политическая система Абхазии: конституционное устройство, функции президента, парламента, совета министров, местного самоуправления, роль политических партий и выборов в парламент. Говорится о значении дальнейшего расширения международного признания независимости Республики Абхазия.

Дмитрий Лапин

*соискатель Новосибирского государственного
технического университета*

Новосибирск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МОНИТОРИНГА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ Г. НОВОСИБИРСКА)

Гармоничные межэтнические отношения в крупнейших городах / городах-миллионерах России являются залогом общественной безопасности. Особая роль в этой связи уделяется молодому поколению, которое в ситуации межнациональной конфронтации первым оказывается на острие конфликта. Важным аспектом в деле профилактики межнациональной напряженности, формировании установок толерантности является этнокультурный мониторинг в молодежной среде.

В данной статье рассматриваются технологии этнокультурного мониторинга, осуществляемые на базе муниципального учреждения молодежной политики в г. Новосибирске. (Ключевые слова: этнокультурный мониторинг, поликультурность, крупнейший город, молодежная среда, молодежь, этническая информация).

В условиях усиления негативных тенденций в этнокультурной ситуации в крупнейших городах / городах-миллионерах, по мнению представителей экспертного сообщества, первоочередной мерой профилактики является мониторинг межэтнических отношений. Так, по мнению В. А. Тишкова, «система мониторинга межэтнической ситуации должна охватывать те регионы, где присутствует наиболее сложный в этническом и религиозном плане состав населения и где есть миграционные риски»¹.

Особую роль в сфере межэтнических отношений крупнейших городов играет молодое поколение. Молодежь в силу возрастных особенностей является наиболее уязвимой и восприимчивой к негативным ксенофобским и радикально националистическим призывам. Как правило, подобный контент транс-

---

¹ *Регионы* приготовят к мониторингу межэтнических конфликтов. URL: <http://club-rf.ru/detail/634> (дата обращения: 01.06.2015).

лируется по каналам сети интернет и СМИ. По мнению С. К. Зандеевой, «телевидение, интернет и другие СМИ для человека — это инструмент, с помощью которого он ориентируется и действует в жизни»¹.

Вместе с тем необходимо охарактеризовать специфику той среды, в которой ведется этнокультурный мониторинг. Дзержинский район — один из самых поликультурных в г. Новосибирске, в нем проживают представители более чем 120 национальностей². Поликультурность рассматриваемого района складывалась на протяжении последних 20 лет и вызвана целым рядом факторов (табл. 1).

Таблица 1

**Особенности поликультурного пространства
Дзержинского района г. Новосибирска**

Район г. Новосибирска	Особенность поликультурности	Специфика территории	
		Активизатор культурного разнообразия территории	Специфика расселения представителей культурного разнообразия
Дзержинский	Высокая степень культурного разнообразия	«Гусиноброд- ская оптово- вещевая яр- марка» Общежития и ссузы, вузы	Компактное проживание сообществ различных этнокультурных групп в микрорайонах «Моло- дежный жилищный ком- плекс», «Волочаевский»

Особое опасение вызывает ситуация с межэтническим напряжением в молодежной среде данного района. Так, за последние 3 года правоохранительными органами фиксируются случаи массовых межэтнических столкновений³.

¹ Зандеева С. К. Роль средств массовой информации в процессе этнополитических конфликтов // Вестн. БГУ. 2012. № 14. С. 143—145.

² Новосибирск — общая информация. URL: <http://www.novo-sibirsk.ru/articles/novosibirsk/obschaja-informatsija> (дата обращения: 01.06.2015).

³ В Новосибирске подрались 50 таджиков и 4 киргиза. URL: <http://nazaccent.ru/content/4551-v-novosibirske-podralis-50-tadzhikov-i.html> (дата обращения: 01.06.2015).

В Дзержинском районе г.Новосибирска действует единственное многопрофильное учреждение сферы молодежной политики — муниципальное бюджетное учреждение «Молодежный Центр “Звездный”». В течение последних 3-х лет в данном учреждении действует поликультурный молодежный проект «Перекресток культур», в рамках которого был сформирован оптимальный организационно-методический и кадровый капитал. Целью любого этнокультурного мониторинга является исследование этнокультурной информации. В данной статье «этническая информация подразумевает упоминание или подробное сообщение в публикациях, теле- и радиопрограммах о тех сферах общественной жизни (культуре, политике, медицине, спорте, экономике), которые касаются той или иной нации, этноса, народа»¹.

Так, одним из направлений реализации проекта стал перманентный мониторинг состояния конфликтности и межнациональных отношений на территории района, осуществляемый по определенным критериям и выполняемым функциям (рис. 1).

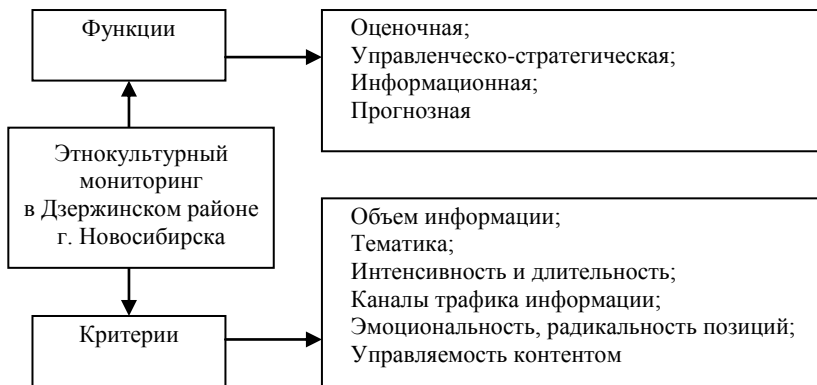
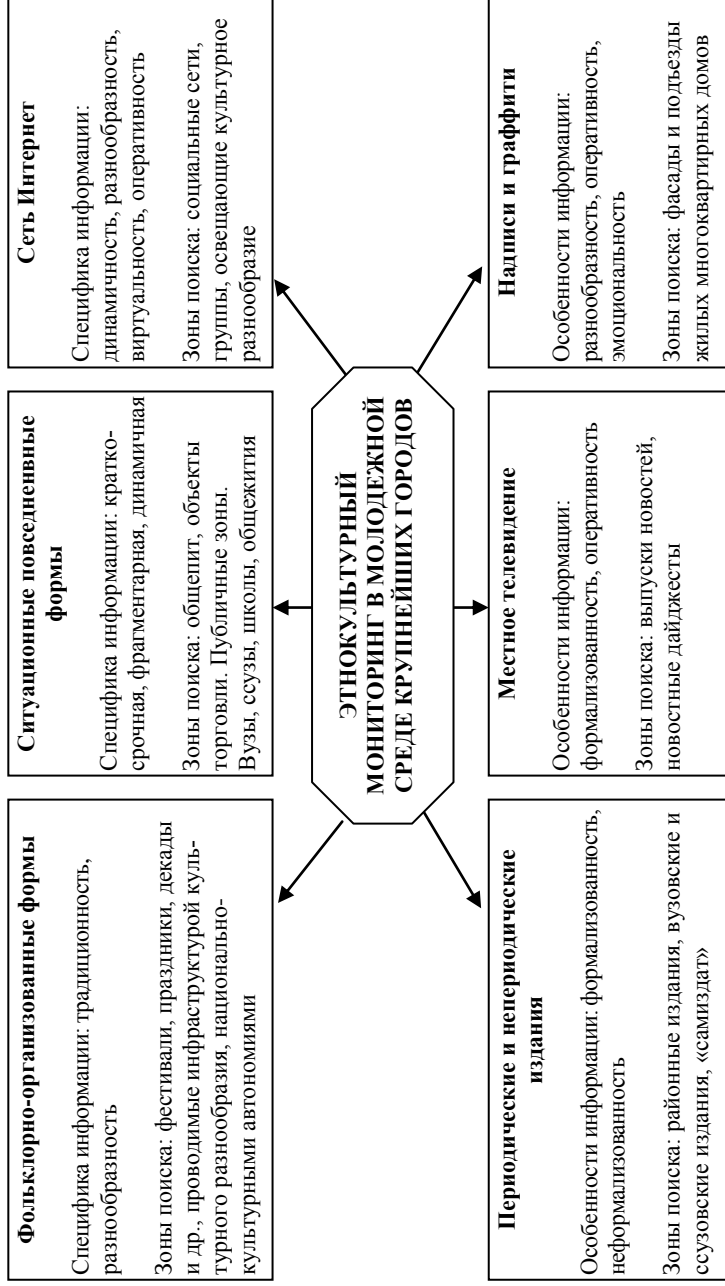

Рис. 1. Критерии и функции этнокультурного мониторинга в молодежной среде Дзержинского района г. Новосибирска

Вместе с тем важно отметить зоны поиска этнокультурной информации (рис. 2).

¹ Рева Е. К. Этническая информация в социально-политическом контексте // Изв. ПГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 378—381.

Рис. 2. Особенности этнокультурного мониторинга в молодежной среде Дзержинского района г. Новосибирска

В условиях информационной глобализации приоритетным является изучение сети Интернет. Особенностью рассматриваемого информационного пространства является: динамичность, разнообразность, виртуальность, оперативность. Перечислим социальные сети, группы, освещающие культурное разнообразие в Дзержинском районе (<http://vk.com/dzer54>, <http://vk.com/club2272913>) и группы молодежных этнокультурных сообществ, активно действующих на территории района: http://vk.com/rus_aze_dom, <http://vk.com/club22717191>, <http://vk.com/nskmolbur>, <http://vk.com/club4633852>, http://vk.com/inter_nsk, <http://vk.com/club28104603>. Периодичность мониторинга не менее 3 раз в неделю.

Характерным маркером этнокультурной напряженности являются надписи и граффити на фасадах жилых домов. Анализ данных сведений осуществляется через взаимодействие с товариществами собственников недвижимости, управляющих компаний, а также территориальные органы общественного самоуправления. Особенностью данного информационного пространства являются: разнообразность, оперативность, эмоциональность. Периодичность мониторинга не менее 1 раза в месяц.

Особой сферой мониторинга является наблюдение за фольклорно-организованными формами (фестивали, праздники, декады и др.), проводимыми на территории Дзержинского района по мере возникновения событий. Особенностью данного информационного пространства является традиционность, разнообразность.

Меньшее по влиянию на молодежную среду, но также нуждающееся в проведении мониторинга — периодические и не периодические издания. Особенности этой информации: формализованность, неформализованность. Направления мониторинга: районные печатные издания, печатные издания учебных заведений, «самиздат».

Местное телевидение хотя и не представляет целенаправленной информации об этнокультурных отношениях, но все же транслирует ее фрагментарно. «Вопрос изучения особенностей восприятия сообщений телевидения с учетом национального, этнического менталитета и учет этих особенностей в деятельности СМИ очень актуален в наше время, так как затрагиваются

вопросы национального самосознания, развития национальной культуры, сохранения традиций»¹. Особенность этой информация — формализованность. Направления мониторинга: выпуски новостей, новостные дайджесты.

Наиболее сложной для изучения являются ситуационные повседневные формы, представленные устной коммуникацией на локальных территориях в публичных зонах. Особенности данной информации — краткосрочная, фрагментарная, динамичная. Направления мониторинга — инфраструктура общественного питания, торговли, гастрономии. Места проведения — учебные корпуса вузов, ссузов, сош, общежитий.

Безусловно, учреждения молодежной политики, проводя сбор информации о межнациональных отношениях на близлежащей территории, используют эти сведения для основной деятельности (клубно-проектная работа с различными категориями молодежи). И в этом контексте необходимо обозначить мнение Д. В. Ушакова, «что деятельность клубов интернациональной дружбы, технического моделирования, должна быть направлена на создание “духа коллективизма”»². Только через постоянную деятельность с молодым поколением по месту жительства возможно переориентирование негативной этнической информации на позитивную и, следовательно, достижение толерантности в межнациональных отношениях. Как справедливо замечает Н. Г. Маркова: «толерантность не передается по наследству, она формируется в процессе жизни человека, в процессе постоянной работы над собой, наполняясь положительным содержанием, способностью терпимо относиться к социальной несправедливости, пониманием чужих мнений, верований, поведения»³.

---

¹ Кузин Т. С. К вопросу об особенностях восприятия личностью информации средств массовой коммуникации с учетом этнического менталитета // Мир современ. науки. 2011. № 5. С. 85—89.

² Ушаков Д. В. Новосибирск многонациональный: межэтнические отношения и воспроизводство этничности. Новосибирск : Манускрипт, 2013. С. 180.

³ Маркова Н. Г. Формирование у молодежи толерантности как индикатора культуры межнациональных отношений // Среднее профессионал. образование. 2008. № 10. С. 51—54.

Павел Леньо

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины
Ужгородского национального университета*

Ужгород, Украина

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЗАКАРПАТСКИХ РУСИНОВ

В процессе событий и конфликтов в Украине последних полутора лет активизировалось обсуждение проблемы русинов Закарпатской области. Примечательно, что в этой сложной и противоречивой для научных обобщений проблеме появилось множество «экспертов», которые упрощенно оперируют информацией, игнорируя сложную историческую судьбу и особенности идентичности местного населения области.

Исходя из материалов этнографии, диалектологии, фольклористики вывод ученых однозначен: культура местных русинов в совокупности всех элементов традиционной материальной и духовной культуры, бытующих фольклорных жанров, языковых особенностей и т. д. является частью культуры украинцев¹. Имещиися различия (например, в особенностях менталитета закарпатских русинов или их материальной культуры) не противоречат, а, наоборот, только подчеркивают сложную мозаичную структуру украинского народа. Такая ситуация не является чем-то уникальным для Украины, где много этнографических групп и несколько субэтносов. Уместно также вспомнить этнографическую мозаичность России, Италии, Франции или Германии и пр., т. е. в целом местные русины-украинцы при всех своих регионально-этнокультурных особенностях являются частью

---

¹ *Сенько І. М.* Закарпатський фольклор у всеукраїнському контексті / Українські Карпати : матеріали всеукраїнс. наук. конф. «Українські Карпати : етнос, історія, культура» (Ужгород, 26 серпня — 1 вересня 1991 р.). Ужгород : Карпати, 1993. С. 439—453.; *Тиводар М. П.* Етнографія Закарпаття. Історико-етнографічний нарис. Ужгород : Гражда, 2001. 416 с.; *Федака П. М.* Народне житло українців Закарпаття XVIII—XX століть. Ужгород : Гражда, 2005. 352 с.

украинского народа. Что касается этнонима, то вплоть до конца XVIII в. само название «русины» бытовало на всей территории Украины, а в западноукраинских землях (Буковина, Галичина) еще и в XIX в.¹

Абсолютно другая картина в данных исторической науки. С конца 1990-х гг. в кругах историков поддерживается дискуссия по поводу необходимости ревизии официальной истории Украины. Киевоцентрическая история Украинской ССР, которую слегка отредактировали в националистическом духе уже в период независимости страны, вступает в противоречия с региональными историческими нарративами (например, крымского, закарпатского, восточноукраинского, западноукраинского и т. д.). Это приводит к общественному диссонансу и конфликту региональных коллективных идентичностей и памятей². И если раньше такое положение воспринимали как естественный порядок, то в последнее время появляются работы профессиональных историков, выступающих против эксклюзивного киевоцентрического варианта истории, который существенно обедняет реальную историю украинского народа. В этих дискуссиях фигурирует и тема фальсификации / переписывания истории «земли с многими именами», т. е. Закарпатья в контексте «включения» ее в общую историю Украины³.

Рассмотрим факторы, влияющие на идентичность закарпатских русинов. На момент появления на территории современного Закарпатья венгров-кочевников здесь проживали славянские племена, которые в дальнейшем составляли большинство населения края. Для пришедших венгров они являлись русинами (rutheni). С конца IX в. и до 1918 г. регион практически посто-

---

¹ *Балушок Василь*. Як русини стали українцями. Трансформація української етнічності в XIX—XX століттях // Матеріали до української етнології. Збірник наукових праць. Вип. 13 (16). НАНУ, ІМФЕ ім. М.Т. Рильського. К. 2014. С. 52—57.

² *Грицак Ярослав*. Память / Життя, смерть та інші неприємності : статті та есеї. К. : Грані-Т, 2010. С. 64—79.

³ *Фенич В. І.* Вправління з історією по українськи, або якою не повинна бути історія та історіографія Закарпаття після 1991 року // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія. Ужгород : Видавництво «Говерла», 2014. Вип. 2 (33). С. 138—156.

янно перебував в складі Венгерського королівства, яке в початку XVI в. стало частиною імперії Габсбургів. Внаслідок саме центральноєвропейський вектор тисячолітнього розвитку Закарпаття виявиться тим фактором, який поставити майбутніх письменників загальноукраїнської історії в непросту ситуацію — або «сочиняти історію», або залишати багато «білих плям» і «чорних ям» в оповіданні, чим, в принципі, страждають всі офіційні узагальнюючі історії цього краю¹.

До початку епохи романтизму в імперії Габсбургів проявлення етнічної нетерпимості були рідкими випадками. Русини не асимілювалися через їх ендогамність, культурну, мовну і релігійну особливість. Але романтизм привів до радикалізації націоналістичних почуттів як титульних, так і бездержавних етнічних груп. В угорській монархії починаються процеси культурної асиміляції, а всіх мешканців цього багатонаціонального державства відносять до представників угорської політичної нації².

На той період, а також в початку XX в., в етноісторичному Закарпатті (яке територіально значно більше сучасної Закарпатської області України) існувало чітке розділення і співіснування двох типів культури. З однієї сторони, була титульна (можливо її також позначити як міська) культура місцевої правлячої еліти і інтелігенції, до якої відносилися представники різних етнічних груп (в тому числі русинів). Вони були природними прийнятими угорської політичної нації. Це було законно, оскільки для них, як представників не титульного етносу, інших варіантів соціального ліфта фактично не існувало. З іншої — розвивалася місцева народна культурна традиція. Вона була достатньо самобитною, щоб захистити сільське населення від асиміляції. Таким чином, вона коснулася в основному русинів з міст, мало торкаючись консерва-

---

¹ *Гайдел Ернест*. Рутенія über alles // Україна модерна. Стандарти науки і академічне середовище. Критика : Київ—Львів, 2007. Число 12. С. 191—217.

² *Поп Іван*. Магьяризація / Подкарпатська Русь в Австро-Угорській монархії 1867—1914 гг. // Енцикл. Подкарпатської Русі. Ужгород : Вид-во Повч Р.М., 2006. С. 47 ; *Шандор Вікентій*. Закарпаття, історико-правничий нарис від IX до 1920. Нью-Йорк : Карпатський Союз Інк. С. 144—147.

тивных малограмотных жителей сел, которые в 1910 г. составляли больше 83 % населения края¹.

Не имея достаточного влияния среди сельского населения, элита и интеллигенция на момент распада Австро-Венгерской империи в 1918 г. не смогла достойно презентовать и реализовать большинство возможных национальных проектов, кроме украинского. Последний был более успешен, достаточно вспомнить полугодичное существование Гуцульской республики 1918—1919 гг., которая приняла решение о воссоединении Гуцульщины с Украиной; съезд мараморошских рад (советов) в г. Хусте, где 21 января 1919 г. был принят акт единения венгерских русинов с Украиной; создание Карпатской Украины в марте 1939 г. Украинскую культурную идентификацию поддерживало большинство сельского русинского населения в силу родственной близости традиционной культуры, языка, религии, а также других факторов, среди которых была и активная деятельность украинского националистического движения. Другие проекты (москвофильский, угрофильский) редко находили достаточное количество приверженцев за пределами представителей русинской городской элиты, интеллигенции и священнослужителей. Также, не накопив достаточного исторического опыта и культурного багажа на момент развала империй и перекраивания Европы в межвоенный период, не смог реализоваться и собственно отдельный русинский национальный проект.

В 1939 г. демократический чехословацкий период в жизни русинов Подкарпатской Руси сменился на оккупационный венгерский, после чего в 1944 г. эту территорию заняли советские войска. После прихода освободителей по ходу процесса ее вхождения в состав УССР, в новосозданной Закарпатской области началась реализация масштабных изменений, которые коснулись фактически всех сфер жизни. Практически сразу осуществлялись процессы коллективизации, индустриализации, коммеморации.

---

¹ Мазурок Олег, Орто Василь. «Етнічна структура міського населення Закарпаття наприкінці XIX — на початку XX ст.» // *Carpatica*-Карпатика. Вип. 6. Етнічні та історичні традиції населення українських Карпат кінця XVIII—XX ст. Ужгород : ВАТ «Патент», 1999. С. 66.

Переименовывались названия улиц, площадей, открывались памятники и мемориальные доски, которые топографически увековечивали «удобных» советской идеологии местных героев или возводили новых. В то же время предавались репрессиям и забвению неуместные деятели — священнослужители, политики, представители культуры и т. д. Параллельно шли процессы вытеснения из коллективной памяти русинов, места и роли в истории края других этнических групп, в первую очередь евреев, которые в 1930-х гг. составляли больше четверти населения городов.

Такой сценарий реализовывался и в других западно-украинских землях. В процессе «включения» новоприсоединенных городов в украинское культурное тело создавался глубоко украинский миф и культура. Это предписывало разрывать все связи с их неукраинским прошлым¹. По ходу реализации такого сценария его режиссеры (чиновники в делах культуры) натолкнулись на проблему фактографических несостыковок, которые требовали гибкого подхода в процесс «включения» русинской истории и культуры в общеукраинский формат. Например, народная архитектура русинов находила прямые аналогии в украинской этнокультурной традиции. Что же касается многих церковных храмов, дворцов или замков, возведенных в центральноевропейской архитектурной традиции или не вписывающихся в довоенное переустройство западно-украинских областей, то им просто меняли статус, десакрализируя путем превращения в санатории, колхозные конюшни, склады или другие подсобные помещения. Например, из православной церкви Покрова Божьей Матери г. Ужгорода сделали музей атеизма, что, впрочем, способствовало ее сохранению до периода возврата статуса религиозного строения в 1990-х гг.

В больших населенных пунктах быстро менялась национальная структура населения за счет переселенцев из России и Украины. Также в результате создания многих промышлен-

---

¹ *Світлана Фрунчак*. Творення «давнього українського міста»: збереження спадщини та конструювання міської ідентичності у повоєнних Чернівцях // Схід/Захід. Історико-культурологічний збірник. Вип. 15. Спеціальне видання. Проблеми історичної урбаністики. С. 175—204.

ных объектов в Ужгороде, Мукачеве и других городах области были созданы условия для переселения жителей местных сел, что постепенно привело к доминированию в городах области украинского населения.

Важным событием стало открытие Ужгородского государственного университета. Политическую и идеологическую мотивацию этого события доказывать не обязательно. Иначе и не объяснить, почему даже в Донецке и других городах с миллионным населением вузы были созданы на два десятилетия позже¹. Представители новосозданного историко-филологического факультета включились в работу по написанию местной истории в духе многовекового желания угнетенных русинов воссоединиться с украинским народом, что не всегда удавалось увязать с реальными фактами (пример такой попытки показателен в исследованиях замдекана историко-филологического факультета 1946—1947 гг. И. Г. Коломийца)². Историческое прошлое русинов унифицировалось и подгонялось под формат общего варианта украинской истории, и постепенно этот официальный нарратив в условиях тотального замалчивания неудобных вещей стал обычным.

Подытожим наше краткое и, следует признать, довольно схематическое изложение. В середине XX в. край, который не имел единственного общеизвестного названия³, населяли представители многих этнических групп, среди которых автохтоны-русины составляли доминирующее сельское население. После освобождения от венгерской оккупации в 1944 г. Подкарпатская Русь, минуя статус Закарпатской Украины, входит в состав СССР в качестве Закарпатской области. В ходе советизации история русинов Закарпатья относительно быстро была «включена» в общую историю Украины. Этому способствовало языко-

---

¹ *Офіцинський Роман*. Ювілей Ужгородського університету // Сталеві нерви тореадора. Україна 2009—2014, Ужгород : Гражда, 2015. С. 207.

² *Коломиєц І. Г.* Поп Дмитрий. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород : Изд-во Повч Р. М., 2006. 217 с.

³ В публицистике используются следующие названия : Рутения, Африка в центре Эвропы, земля с многими именами, страна медведей, Серебряная земля, Подкарпатская Русь, Венгерская Русь, Верховина, Верхний край, Закарпатье и пр.

вое и культурное родство украинцев и русинов, хотя до XX в. общих страниц политической истории у них было мало. Как и в случае с другими городами и краями западной Украины в этом процессе игнорировались отличия, которые появились и развились вследствие отличной исторической судьбы разных частей украинского народа. Постепенно, в условиях социалистической реальности, из коллективной памяти местного населения вытеснялось многокультурное разнообразие их досоветской истории.

С конца 1980-х гг. в Закарпатье активизировалось движение русинов, чему способствовала демократизация страны. Последняя перепись населения 2001 г. показала, что русинами идентифицировалось примерно 10 тыс. жителей области (меньше 1 % населения области), в основном среди жителей городов¹. И хотя политические перспективы развития русинского движения выглядят маловероятными, все чаще появляются оппоненты процессов фальсифицирования прошлого. Исторические особенности развития Закарпатья могут обогатить историю украинского государства и без ее интерпретации в киевоцентрическом стиле. Поэтому, как нам кажется, значительную перспективу имеет развитие именно культурного (в том числе историко-исследовательского) русинства, которое в случае предоставления местному населению области больших прав в развитии культурной самобытности региона только поспособствует его процветанию, не провоцируя появление обвинений в этническом сепаратизме.

---

¹ *Зан Михайло*. Етнічні процеси на Закарпатті / Закарпаття 1919—2009 років : історія, політика, культура. Ужгород : Поліграфцентр «Ліра», 2010. С. 512.

Нина Логинова

*кандидат географических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин
Саранского филиала РАНХиГС*

Саранск, Россия

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Этническая структура населения территории — результат многовекового формирования. На ранних этапах общественного развития небольшие ареалы имели однородную этническую структуру. Однако в дальнейшем благодаря миграциям происходило усложнение этнической структуры, и территории из мононациональных превращались в полиэтнические. Проблема полиэтничности, на наш взгляд, связана с критериями выделения этноса. В конце XIX первой половине XX в. критерий родного языка являлся достаточным для отнесения населения к тем или иным этническим образованиям. В современных условиях очевидно, что критерий родного языка не является достаточным для отнесения населения к определенным этническим образованиям.

Современная территория Республики Мордовия в силу своего географического положения, отсутствия природной и социальной изолированности имела тесные связи с соседями еще до формирования централизованного древнерусского государства. Выгодное положение на сухопутных путях, связывающих северо-восточные и юго-восточные земли с западными европейскими, объективно способствовало тесным контактам с другими регионами и странами. Однако в эпоху средневековья население мордовского края в силу невысокой мобильности не отличалось высокой этнической мозаичностью. Отсутствие квалифицированного учета этнической принадлежности практически до конца XVIII в. не позволяет делать определенные выводы об этнической структуре населения мордовского края. Ревизии, как источники о населении, дают лишь приблизительные представления об особенностях этнической структуры как Пензенской губернии, так и Саранского уезда. Перепись населения 1897 г.

впервые показала сложность этнической структуры населения российских губерний, в которых проживала мордва.

Взросшая в конце XIX — начале XX в. мобильность населения способствовала увеличению масштабов миграционного обмена мордовского края с другими регионами Российской Империи и, естественно, не могла не отразиться на формировании этнической структуры.

Значительные изменения этнической структуры произошли в годы Первой мировой и Гражданской войн. К началу XX в. мордва стала одним из самых дисперсно расселенных народов России, что создало условия для ее интенсивной ассимиляции. Примерно 90 % мордвы России в 1920 г. проживала на территориях Пензенской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской губерний. Однако в них не было ни одного уезда, где бы мордва составляла большинство населения. Например, в Краснослободском уезде доля мордвы в общей численности населения составляла 31,7 %, Рузаевском — 27,2 %, Саранском — 17,2 %¹.

14 мая 1928 г. в составе Средневолжской области был образован Саранский округ, а 16 июля 1928 г. он был переименован в Мордовский округ. Численность населения округа составила 1 338,2 тыс. человек, в том числе численность мордвы — 424,7 тыс. (31,7 %), русских — 856,8 тыс. (64,0 %) и татар — 56,6 тыс. (4,2 %).

Организация мордовской автономии создала благоприятные условия для сохранения и развития мордовского этноса. Однако выселение крестьян в период коллективизации, высокая смертность в годы репрессий и Великой Отечественной войне, привели к невосполнимым демографическим потерям. В 1959 г. в этнической структуре мордовского края произошли изменения. Численность основных этносов сократилась. Мордвы стало 358,0, русских — 590,5 и татар — 38,6 тыс. человек. В 1979 г. — соответственно: 338,9, 591,2 и 45,8 тыс. человек, в 1989 г. — 313,4, 586,1 и 47,3 тыс. человек.

Однако в послевоенные годы мордовский край фактически оставался регионом с исключительно высокой долей русского

---

¹ Яшкин И. А. Мордовская социалистическая нация — детище Октября. Саранск, 1978. С. 86.

населения. Русские преобладали как в городах, так и в сельской местности. Вторые и третьи позиции в этнической структуре занимали мордва и татары. В 1959 г. в городском населении доля русских составляла 69,1 %, мордвы — 9,2 % и татар — 3,0 %. В сельском населении соответственно: 53,7 %, 41,1 % и 4,0 %.

В 1960—1980-е гг. в стране изменилась миграционная политика, а мордовский край превратился в регион-донор. Население массово уезжало на стройки Европейского севера, Сибири и Дальнего Востока. Развитие промышленности, в частности машиностроения, биохимии, крупные масштабы гражданского и жилищного строительства способствовали миграции в Мордовию населения практические из всех районов СССР. До 1989 г. при сокращении численности русских и мордвы росла численность и доля украинцев, белорусов, чувашей, азербайджанцев, армян, молдаван.

В настоящее время Республика Мордовия — это небольшой по площади (26,1 тыс. км²) и численности населения (808,8 тыс. человек), но очень пестрый по национальному составу регион Российской Федерации. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в республике было зафиксировано порядка 119 национальностей¹. Располагаясь в центре европейской части России, среди регионов, заселенных в основном русскими, мордовский край всегда имел значительное преобладание русского населения. Например, в период с 1979 по 2002 гг. доля русских более чем в два раза превышала долю мордвы. И только в 2010 г. она уменьшилась до 53,2 %, а мордвы увеличилась до 39,9 % (табл. 1). Численность русских в 2010 г. относительно 2002 г. уменьшилась и составила 82,1 %, а мордвы увеличилась и составила 117,4 %.

Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., в Мордовии численность мордовского населения возросла до 333,1 тыс. человек, или 44,8 % от общей численности мордвы в Российской Федерации.

Сокращение численности населения в Республике Мордовия в XX в. явилось результатом как естественной, так и меха-

---

¹ *Национальный состав населения Республики Мордовия, владение языками и гражданство (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.): стат. сб. / Мордовиястат. Саранск, 2013. 92 с.*

нической убыли как мордовского, так и русского народов. Основные причины — отрицательное сальдо рождаемости, ассимиляция и высокая миграция из сельских районов в города и другие регионы России с более высоким уровнем и качеством жизни.

Таблица 1

Наиболее многочисленные национальности Республики Мордовия, тыс. человек* (по данным переписей населения)

Национальность	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Все население	1 029,9	989,5	963,5	888,8	834,8
В том числе:					
Мордва	364,6	338,9	313,4	283,9	333,1
<i>в % к предыдущему периоду</i>	101,9	92,9	92,5	90,6	117,4
<i>в % ко всему населению</i>	35,4	34,2	32,5	31,9	39,9
Русские	606,8	591,2	586,1	540,7	443,7
<i>в % к предыдущему периоду</i>	102,8	97,4	99,1	92,2	82,1
<i>в % ко всему населению</i>	58,9	59,7	60,8	60,8	53,2
Татары	44,9	45,8	47,3	46,3	43,4
<i>в % к предыдущему периоду</i>	116,4	101,8	103,4	97,7	93,8
<i>в % ко всему населению</i>	4,4	4,6	4,9	5,2	5,2
Украинцы	6,0	5,6	6,5	4,8	3,2
<i>в % ко всему населению</i>	0,6	0,6	0,7	0,5	0,4
Армяне	0,2	0,4	0,8	1,3	1,3
<i>в % ко всему населению</i>	0,02	0,04	0,08	0,1	0,2
Чуваши	0,8	1,0	1,3	1,0	0,8
<i>в % ко всему населению</i>	0,08	0,1	0,1	0,1	0,1
Белорусы	1,6	1,6	1,6	1,2	0,8
<i>в % ко всему населению</i>	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1

* Приводится по: *Национальный состав населения Республики Мордовия, владение языками и гражданство (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.)*: стат. сб. / Мордовиястат. Саранск, 2013. С. 5.

Современная динамика численности мордвы и русских по муниципальным районам Мордовии сильно различается (табл. 2). С 2002 по 2010 гг. численность мордвы уменьшилась в двух районах — Рузаевском и Ковылкинском. Наибольший прирост

был зафиксирован в ГО Саранск, Чамзинском, Ардатовском, Атяшевском, Ичалковском и Ромодановском районах. Численность русского населения увеличилась только в одном Рузаевском районе, а в других муниципальных образованиях она сократилась. Наибольшее сокращение русских было зафиксировано в Zubovo-Полянском, Ардатовском, Атяшевском, Ичалковском и Чамзинском районах республики.

Таблица 2

Динамика численности мордвы и русских по муниципальным районам Республики Мордовия, тыс. человек*

Муниципальный район	Численность мордвы		2010 к 2002 (+, -)	Численность русских		2010 к 2002 (+, -)
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.	
ГО Саранск	70,4	89,3	+ 18,9	235,9	213,4	- 22,5
Ардатовский	14,5	17,0	+ 2,5	16,8	12,2	- 4,6
Атюрьевский	9,3	9,9	+ 0,6	2,1	0,4	- 1,7
Атяшевский	15,5	17,1	+ 1,6	7,2	2,9	- 4,3
Большеберезниковский	6,2	7,9	+ 1,7	9,4	5,9	- 3,5
Большеигнатовский	6,5	6,9	+ 0,4	2,9	1,3	- 1,6
Дубенский	11,6	11,9	+ 0,3	4,3	1,5	- 2,8
Ельниковский	4,0	5,3	+ 1,3	8,5	5,9	- 2,6
Зубово-Полянский	30,3	30,9	+ 0,6	31,5	25,2	- 6,3
Инсарский	4,7	5,0	+ 0,3	10,7	8,7	- 2,0
Ичалковский	8,4	10,0	+ 1,6	14,0	10,3	- 3,7
Кадошкинский	2,6	2,9	+ 0,3	5,0	3,5	- 1,5
Ковылкинский	23,5	22,7	- 0,8	24,2	20,5	- 3,7
Кочкуровский	8,9	9,9	+ 1,0	2,3	0,4	- 1,9
Краснослободский	5,4	6,5	+ 1,1	22,6	19,3	- 3,3
Лямбирский	5,2	6,0	+ 0,8	17,4	16,8	- 0,6
Ромодановский	1,8	3,4	+ 1,6	15,5	12,5	- 3,0
Рузаевский	26,3	20,5	- 5,8	21,9	39,6	+ 17,7
Старошайговский	7,6	8,4	+ 0,8	8,0	5,5	- 2,5
Темниковский	6,3	7,8	+ 1,5	13,0	8,0	- 5,0
Теньгушевский	4,0	4,8	+ 0,8	9,7	7,3	- 2,4
Торбеевский	12,4	13,4	+ 1,0	9,9	7,1	- 2,8
Чамзинский	12,9	15,2	+ 2,3	19,9	15,4	- 4,5

* Приводится по: *Национальный состав населения Республики Мордовия...* С. 53—84.

В 2014 г. в Республике Мордовия изменений в демографической динамике не произошло. Смертность превышает рождаемость во всех муниципальных районах, включая ГО Саранск. Наибольшая естественная убыль была зафиксирована в муниципальных районах, где наиболее высока доля мордовского населения (– 12 — – 15 %). В таких «мордовских» районах, как Атюрьевский, Атяшевский, Большеберезниковский, Большеигнатовский, Дубенский, Кочкуровский за последние десять лет в отрицательной динамике демографических процессов практически ничего не изменилось. Высокая естественная убыль (10—15 %) была зафиксирована в шести муниципальных районах, где проживает в основном мордва-эрзя (Ардатовский, Атяшевский, Большеберезниковский, Большеигнатовский, Дубенский и Кочкуровский) и в трех — мордва-мокша (Атюрьевский, Темниковский и Теньгушевский) (табл. 3). Это районы, где доля «мордовских» сел и деревень составляет от 40 до 48,4 %. Согласно прогнозу Росстата, худшие показатели рождаемости и смертности до 2030 г. будут иметь муниципальные районы с преимущественно мордовским населением¹.

Таблица 3

**Коэффициент естественного и механического прироста (убыли),
доля мордвы и русских по муниципальным районам
Республики Мордовия***

Муниципальный район	Естественный прирост, (+), убыль (–), % (2013 г.)	Миграционный прирост (+), убыль (–), тыс. человек (2013 г.)	Доля мордвы, % (2010 г.)	Доля русских, % (2010 г.)
ГО Саранск	– 0,8	+ 1 591	27,4	65,7
Ардатовский	– 10,1	– 437	57,8	41,5
Атюрьевский	– 10,4	– 398	90,8	4,0
Атяшевский	– 10,2	– 313	84,6	14,4
Большеберезниковский	– 15,3	– 35	56,4	42,1
Большеигнатовский	– 10,7	– 81	83,1	15,7

¹ *Логина Н. Н.* Население Республики Мордовия : геодемографическая ситуация, динамика и структура : моногр. / науч. ред. А. М. Носонов. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. 100 с.

Муниципальный район	Естественный прирост, (+), убыль (-), % (2013 г.)	Миграционный прирост (+), убыль (-), тыс. человек (2013 г.)	Доля мордвы, % (2010 г.)	Доля русских, % (2010 г.)
Дубенский	- 10,9	- 124	86,2	10,9
Ельниковский	- 9,5	- 268	44,5	49,6
Зубово-Полянский	- 4,7	- 608	52,2	42,6
Инсарский	- 7,7	- 143	35,5	61,7
Ичалковский	- 9,1	- 71	49,0	50,0
Кадошкинский	- 7,1	- 106	36,7	44,3
Ковылкинский	- 8,5	- 333	51,7	46,7
Кочуровский	- 11,6	- 29	91,6	3,7
Краснослободский	- 9,4	- 210	10,1	73,1
Лямбирский	- 3,9	+ 105	17,5	49,3
Ромодановский	- 3,1	- 96	16,4	60,4
Рузаевский	- 3,4	- 49	30,8	59,6
Старошайговский	- 9,4	- 248	60,0	39,3
Темниковский	- 13,4	- 272	45,0	46,2
Теньгушевский	- 12,1	- 188	39,0	59,3
Торбеевский	- 6,3	- 322	62,3	33,0
Чамзинский	- 4,1	+ 64	48,1	48,6

* Приводится по: *Национальный состав населения Республики Мордовия... С. 5*; *Мордовия* : стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2014. С. 78.

Таким образом, девять муниципальных районов республики (41 % от общего их числа), в которых преобладают села и деревни с мордовским населением, а также 7 муниципальных районов (31,8 %) с преобладанием мордвы в общей численности населения находятся в состоянии глубочайшего демографического кризиса. Русское население республики, как и мордовское, также находится в состоянии глубокой депопуляции. Отрицательное влияние на демографические процессы оказывает большой миграционный отток русского населения. Поэтому надежд на выход из демографического кризиса для республики в ближайшей перспективе практически нет. Острота демографических проблем в Мордовии требует создания мониторинга с целью глубокого изучения сложившейся демографической ситуации, так как объяснить ее на данный момент практически невозможно.

В результате влияния двух основных факторов — естественной убыли и механического оттока произошли значительные изменения не только в распределении численности мордовского и русского расселения по муниципальным районам республики, но и доли этих народов в общей численности населения района (табл. 4).

Доля мордвы уменьшилась в Краснослободском и Рузаевском районах, а русских увеличилась только в Рузаевском районе республики. Наибольшее сокращение русских произошло в Атяшевском, Большеигнатовском, Большеберезниковском и Кочуровском районах, где в общей численности населения преобладает мордва.

Таким образом, за последние 100 лет национальный состав населения мордовского края несколько изменился. Однако Республика Мордовия сохранила статус региона с преобладающей численностью и долей русского населения. Особенности естественного и механического движения позволяют прогнозировать дальнейшее незначительное сокращение доли русских в общей численности населения республики. Можно ожидать уменьшение доли белорусов, украинцев, евреев, чувашей, с одной стороны, и увеличение доли народов Северного Кавказа и Закавказья — с другой.

Таблица 4

Динамика доли мордвы и русских по муниципальным районам Республики Мордовия, тыс. человек*

Муниципальный район	Доля мордвы, %		2010 к 2002 (+, -)	Доля русских, %		2010 к 2002 (+, -)
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.	
ГО Саранск	21,2	27,4	+ 6,2	71,0	65,7	- 5,3
Ардатовский	45,8	57,8	+ 12,0	53,2	41,5	- 10,8
Атюрьевский	76,5	90,8	+ 14,3	17,8	4,0	- 13,8
Атяшевский	67,8	84,6	+ 16,8	31,5	14,4	- 17,1
Большеберезниковский	39,8	56,4	+ 16,6	59,4	42,1	- 17,3
Большеигнатовский	68,0	83,1	+ 15,1	31,0	15,7	- 15,3
Дубенский	70,6	86,2	+ 15,6	26,1	10,9	- 15,2
Ельниковский	30,1	44,5	+ 14,4	63,3	49,6	- 13,7
Зубово-Полянский	46,2	52,2	+ 6,0	48,0	42,6	- 5,4

Муниципальный район	Доля мордвы, %		2010 к 2002 (+, -)	Доля русских, %		2010 к 2002 (+, -)
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.	
Инсарский	29,4	35,5	+ 6,1	67,4	61,7	- 5,7
Ичалковский	36,8	49,0	+12,2	61,5	50,0	- 11,5
Кадошкинский	27,6	36,7	+9,1	52,8	44,3	- 8,5
Ковылкинский	48,6	51,7	+ 3,1	49,9	46,7	- 3,2
Кочкуровский	75,7	91,6	+ 15,9	19,2	3,7	- 15,5
Краснослободский	18,8	10,1	- 8,7	78,9	73,1	- 5,8
Лямбирский	15,3	17,5	+ 2,2	51,2	49,3	- 1,9
Ромодановский	8,4	16,4	+ 8,0	70,5	60,4	- 10,1
Рузаевский	38,7	30,8	- 7,9	45,7	59,6	+ 13,9
Старошайговский	48,2	60,0	+ 11,8	50,8	39,3	- 11,5
Темниковский	29,8	45,0	+ 15,2	61,2	46,2	- 15,0
Теньгушевский	28,3	39,0	+ 10,7	67,8	59,3	- 8,5
Торбеевский	53,1	62,3	+ 9,2	42,5	33,0	- 9,5
Чамзинский	38,1	48,1	+ 10,0	58,6	48,6	- 10,0

* Приводится по: *Национальный состав населения Республики Мордовия...* С. 5.

Республика Мордовия вошла в группу проблемных и демографически неустойчивых регионов России. Большую эффективность может иметь сохранение традиционных нравственных и духовных ценностей. Для стабилизации численности русских и мордвы на территории Мордовии требуется осознание состояния демографического кризиса и адекватная региональная этническая политика. Возможно, главное сегодня — пересмотр целей и приоритетов этнорегиональной политики и смена ее курса: от антикризисной политики — к борьбе с ксенофобиями и антидискриминационной политике.

Вера Малькова

*доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института этнологии и антропологии Российской академии наук*

Москва, Россия

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПРЕССЕ¹

Одним из направлений исследования деятельности современных российских СМИ, проведенного в Институте этнологии и антропологии РАН, было выявление информационно-пропагандистских акцентов в республиканской прессе. Для контент-анализа газет Бурятии, Карелии, Татарстана, Тувы и Удмуртии был выбран март 2014 г. — период возвращения Крыма в Россию. Это были дни общегосударственной тревоги и радости. В это время, как предполагалось, российская пресса разных уровней усиливала информационно-пропагандистскую деятельность и массированно транслировала в массовое сознание этнополитические образы и явления. Образы России, своей республики, этносов — вся эта информация, оформленная определенными идеями добрососедства, миролюбия и единства, могла бы способствовать формированию общероссийской и республиканской идентичности, чувству общности и единения россиян.

Анализ пяти республиканских изданий за март 2014 г. (контент-анализ 51 номера, около 2 000 публикаций) показал, что презентация образа нашей страны в современных республиканских газетах проходила в информации, не связанной с украинскими и крымскими событиями, практически незаметно. Само слово «Россия» лишь изредка проскальзывало в публикациях о политической или исторической тематике, которая также довольно редко появлялась на страницах этих изданий. Причем в большинстве случаев речь шла не столько о России, сколько о ее органах власти — республиканской и федеральной. Можно фиксировать, что в исследованных республиканских газетах об-

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Измерение рисков межэтнических отношений в регионах Российской Федерации: разработка теории и междисциплинарного подхода» №14-18-03090. Рук. В. А. Тишков.

раз России как единой страны с ее многочисленными субъектами, одним из которых является данная республика, пропагандировался довольно слабо. Понятие «родина» по отношению к стране также республиканской прессой практически не употреблялось. Объединяющие россиян идеи (и даже лексика) встречались в обычных публикациях республиканских газет также нечасто (1—2 раза в 8—9 публикациях). Так, в фрагментах из речи Президента В. Путина перед членами Федерального Собрания РФ, членами Государственной Думы и руководителями регионов, которые перепечатывали все республиканские издания, отмечалось, что «Россия — это самостоятельный, активный участник международной жизни, у нее, как и у других стран, есть национальные интересы, которые нужно учитывать и уважать» (Тувинская правда. 20 марта). В других перепечатках из центральной прессы Россия представляла перед читателями в связи с событиями в Крыму. Почти во всех газетах этого времени кратко упоминалось об истории Крыма и о его значении для России (Известия Удмуртской республики. 20 марта), подчеркивалось, что Россия поддерживает Крым, который вернулся в состав России. Газеты также сообщали о добровольном сборе средств в помощь крымчанам, о митингах в поддержку народа Украины, в поддержку Крыма (Известия Удмуртской республики. 6, 13, 20 марта; Тувинская правда. 6 марта). На фотографиях митингов солидарности с жителями Украины, помещенных в газетах, можно видеть лозунги: «Россия — единая наша держава», «Россия своих не бросает!», «Мы говорим — “да” твердой решимости Президента России В. В. Путина защитить русскоязычное население Украины!», «Вместе навсегда!», «Горжусь своей страной!», «Путин прав!», «Одна страна — один народ!» (Тувинская правда. 15, 20 марта).

Образ, или идея, «Мы — россияне» — транслируемый средствами массовой информации, как известно, также способствует формированию общероссийской идентичности и объединению населения страны в единое сообщество¹. Эта идея единой стра-

---

¹ См.: Савинов Л. В. Идеи европейской этнополитики: реалии и перспективы // Идеи и идеалы. 2013. № 1. С. 123—138; *Его же*. Формула российской гражданской нации // Федерализм. 2009. № 1 (53). С. 161—174; *Его же*. Кон-

ны и единого народа могла бы стать в этот период в пропаганде особенно актуальной. Так и происходило во многих общенациональных изданиях, которые были нами проанализированы. Но в республиканских газетах, как показал анализ информации, идея «Мы — россияне» звучала и в этот период довольно слабо и робко. И это также можно зафиксировать. Идея единства россиян разных национальностей в обычных публикациях лишь слегка просматривалась сквозь краткие сообщения об исторических сюжетах. Но лозунги в сообщениях о митингах в защиту «братских народов Украины» и крымчан, возможно, несколько компенсировали этот очевидный на сегодняшний день информационный недостаток.

Федеральная российская власть также крайне редко оказывалась в центре внимания республиканской прессы. Этим изданиям необходим существенный повод для упоминаний о ней, для привлечения к ней особого внимания своих земляков. События на Украине и возвращение Крыма не стали заметным поводом для упоминания о лидерах страны и о других представителях центральной власти. Из федеральных лидеров лишь Президент страны В. В. Путин упоминался в этот период в республиканских газетах. Таким образом, важность и актуальность деятельности федеральных властей и их объединяющих страну миссий через этот источник информации до республиканской общественности практически не доносилась. Но в том ли состоит задача республиканской прессы?

Очевидно поэтому и тема взаимоотношений республик с федеральным центром освещается в современной республиканской прессе также незаметно. В Карелии, Удмуртии и Татарстане — редко (1—3 раза в течение месяца), но, несомненно, позитивно. А в Бурятии и Туве, судя по высказываниям некоторых групп жителей, также редко, но с элементами некоторого недовольства. Можно констатировать, что в отношениях субъектов РФ и федерального центра в настоящее время нет особых

цепт нации, конституция и этнополитика // Ценности и смыслы. 2009. № 3. С. 75—91 ; *Савинов Л. В.* Этнополитика и нациестроительство в современной России: воззрения и конституционно-правовые аспекты // Вестн. рос. нации. 2009. № 5. С. 58—75.

проблем. Тем более, что эти отношения регламентированы законодательством и строятся в зафиксированных правовых рамках. Это так. Но некоторые проблемы все же существуют, хотя они, возможно, не так актуальны и остры, поэтому обсуждать их публично в прессе не стоит, как это делалось в 90-х гг. XX в.

Газеты, выбранные нами для анализа, это общественно-политические издания, как правило, поддерживаемые своими республиканскими властями. Поэтому, как предполагалось, важной задачей для них должно быть формирование у читателей позитивных представлений о своей республике, своем крае и его народе. Эту задачу газеты осуществляют немного активнее. Образ своей республики практически во всех изданиях складывается из небольших сообщений об экономике, политике, культуре, реже — истории. Хотя достижения республик и в этих областях показываются республиканской прессой очень фрагментарно. В отличие от многих центральных изданий, здесь чувствуется заметная осторожность, робость или нежелание (неумение) местных журналистов касаться действительно проблемных для республик и для страны общественно-политических сюжетов. Тем не менее образ республиканской власти присутствует во всех изданиях довольно стабильно. Информационный приоритет — первым лицам республик. Все издания отзывались о своей республиканской власти позитивно и корректно. Иногда элементы некоторой критики можно увидеть в адрес только самых «местечковых» руководителей. И это можно считать почти правилом для современной региональной печати.

Идея «Мы — граждане, народ республики», направленная на консолидацию своего населения, присутствовала в этих изданиях очень нечетко. В лучшем случае в газетах звучало: «население», «земляки» или «жители нашей республики». Жители республик предстают на страницах этих изданий просто населением, а не ее сообществом, согражданством (также, как и россияне).

А вот идея «Мы — этнос» довольно выразительно представляется в республиканских изданиях. Ее можно встретить в кратких и редких упоминаниях об историческом прошлом своего края, в также довольно редких в этот период сообщениях о материальной культуре и о национальном языке... Все эти

элементы — яркие признаки этнической жизни народа, и они в той или иной степени присутствуют во всех республиканских газетах. Идея «Мы — отдельный народ-этнос» довольно выпукло связывается в прессе в первую очередь с языком. Можно констатировать, что в начале марта 2014 г. (и это совпало с очередной актуализацией событий на Украине и в Крыму) сразу несколько республиканских газет одновременно привлекли внимание своей общественности к сложностям языковой ситуации в их республиках. Насколько случайно это совпадение — сказать трудно. Отметим, что в эти дни газеты писали и об этническом самосознании как о важнейшем факторе сохранения народа-этноса. Но вопрос о диаспорах и земляках, расселяющихся по стране или по миру, довольно важный для современных центральных СМИ, в данных изданиях в этот период не стал актуальным. Это можно сказать и о русском населении в республиках, вопрос о котором, в отличие от времен укрепления республиканского суверенитета в начале 1990-х гг., в данный период в газетах также практически не затрагивался, за исключением языковых проблем и некоторых редких упоминаний об элементах русской культуры. Возможно, этот вопрос уже «решен», в том числе и с помощью сокращения русского населения, и потерял актуальность в нынешних российских республиках.

Зато на одно из заметных мест в газетах выплывает идея конкуренции, или сравнения, «нас» с другими республиками и регионами страны. Эта тема присутствует во всех изданиях (кроме Бурятии). Сравнение идет по политической, экономической, культурной сферам. Немало упоминаний о разнообразных рейтингах политиков или самих субъектов, о конкурсах в сфере культуры, быта, об отзывах третьих лиц, где «наша» республика или ее лидеры выглядят лучше других.

Анализ прессы показывает, что в 2014 г. упоминания о социальной активности населения и о конфликтных ситуациях в республиках стали в разных газетах довольно заметны. И если в изданиях Карелии, Удмуртии и Татарстана такие сюжеты практически отсутствуют, то в Бурятии и Туве они есть и обсуждаются в печати публично. Например, и в той, и в другой республике пресса пишет о возникших у них сложностях в современной языковой ситуации, о некоторых «перекосах» в ис-

пользовании титульного и русского языка (в образовании и в целом в общественной жизни), рассказывает об общественных дискуссиях на эту тему. Еще один узел конфликтности в этих республиках связан с Интернет-сайтами для молодежи, где обсуждаются не только языковые вопросы, но и муссируются национал-радикальные идеи и лозунги.

Бурятская газета, кроме этого, немалое внимание уделяла и противостоянию местных политических группировок, их лидеров, подчеркивала опасность этих процессов для целостности республики. В газете появились довольно эмоциональные публикации о неких силах в республике, «готовых сменить в ней власть по украинскому сценарию» (Правда Бурятии. 20 марта). По словам газеты, оппозиционеры призывали восстановить Бурятию в границах 1937 г., использовали при этом лозунги: «Бурятия — превыше всего!», «Думать по-бурятски!» и др. Опасными узлами и здесь являются ситуация с бурятским языком, которым далеко не все жители республики владеют хорошо, а также проблема равного представительства разных групп населения на высших властных должностях. Авторы выделили «руку Америки», о которой можно судить, в частности, по деятельности в Интернете, где «функционируют десятки пропагандистских сайтов. Их названия говорят сами за себя: “Свободу Северной Монголии (Бурятии)!”, “Американская ассоциация бурят-монголов”, “Все монголы!”... В своих постах участники провозглашают, что Бурятия — это не Россия, что буряты — не отдельный народ, а часть монголов, бурятский язык — лишь диалект монгольского... В общем, — пишут авторы, — на глазах у всего мира идет борьба за умы и души бурятской молодежи. Очевидно, что заказчиком дестабилизации в Бурятии выступает Госдеп США, финансирующий эти пан-монгольские сайты» (Правда Бурятии. 20 марта).

И тувинскую интеллигенцию волнует сокращение масштабов употребления своего национального языка (Тувинская правда. 1 марта). Энтузиасты национального языка и национального этикета создают свои этнические Интернет-сайты (например, «Тыванет»), призывают соотечественников учиться говорить и писать на правильном тувинском языке, не употреблять одно-

временно тувинские и русские слова, не употреблять русских окончаний в тувинской лексике.

Особенностью татарстанской прессы в этот период стало довольно подробное освещение событий в Крыму. Причем газета неоднократно подчеркивала идею родства казанских татар с крымско-татарской общиной, заявляя при этом, что «приверженность крымских татар к националистам сильно преувеличена» (Республика Татарстан. 4 марта). Газета подробно перечисляла проблемы, которые считаются у крымских татар нерешенными, рассказывала об истории партнерства и дружбы казанских и крымских татар, о поездках и переговорах делегаций Татарстана и его главы Р. Минниханова в Симферополь, о беспокойстве татарстанцев за судьбу «братьев» (Республика Татарстан. 6 марта).

Таким образом, даже беглое рассмотрение этнополитических сюжетов в современной республиканской прессе показывает большой и пока еще неиспользованный ее потенциал для формирования общероссийской идентичности.

Баира Нимаева

*кандидат политических наук,
доцент кафедры экономики, управления и права
Читинского филиала РАНХиГС*

Чита, Россия

СОХРАНЕНИЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Участвуя в международной научно-практической конференции «Общество и этнополитика», хотелось бы обратиться к позитивным и негативным аспектам интенсификации практически всех мировых коммуникативных процессов, возрастанию роли мировых языков, проблемам функционирования ряда языков народов мира на примере бурятского языка.

Как известно, тема охраны национальных языков во всем мире и в многонациональных государствах остается острой, в том числе и в России. Мировая политическая ситуация неизбежно диктует поиск оптимальных путей выстраивания баланса экономических и политических интересов, укрепления единой гражданской идентичности и этнокультурного развития народов¹.

Этнокультурному развитию народов, проблеме языкового разнообразия, миноритарным языкам уделяется внимание в нормативных актах ЮНЕСКО и в международных научно-практических мероприятиях. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии призывает к сохранению языкового наследия человечества и содействию самовыражению, творчеству и, особо акцентирую, к расширению языкового разнообразия в киберпространстве, а также содействию всеобщему доступу через глобальные сети к любой информации, являющейся

---

¹ См.: *Савинов Л. В.* Формула российской гражданской нации // Федерализм. 2009. № 1 (53). С. 161—174; *Его же.* Этнополитика: политическое пространство нации и этноса // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Философия, социология, политология, культурология. 2009. № 14. С. 240—245; *Его же.* Смыслы и концепты этнополитической безопасности // Изв. высш. учеб. заведений. Социология. Экономика. Политика. 2010. № 1 (24). С. 35—38.

общественным достоянием¹. Также среди международных нормативно-правовых актов можно выделить Конвенцию об охране нематериального культурного наследия², Конвенцию об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения³.

Для России роль объединяющего и государствообразующего русского языка неоспорима и требует новых осмыслений, особенно сейчас во время напряженной «информационной обстановки». Мощным оружием, способным противостоять атакам, является историческая память народов и культурно-цивилизационный код, соединившие многообразие этнической идентичности. По словам главы совета по русскому языку при Президенте РФ Владимира Толстого, сохранение языкового многообразия является одним из факторов укрепления единства многонационального народа России и потому требует постоянного внимания. В июне 2015 г. языковая политика стала основной темой совместного заседания Советов по межнациональным отношениям и русскому языку при Президенте РФ.

В Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)»⁴ прописаны четкие механизмы и показатели защиты прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств, противодействия экстремизму и терроризму. Программа учитывает обязательства, зафиксированные в документах Организации Объединенных Наций, Совета Европы и иных международных организаций, ратифицированных Российской

---

¹ *Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии* : принята 2 нояб. 2001 г. 31-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО, Париж. URL: [un.org>...documents/decl_conv/declarations/pdf/decl...](http://un.org/...documents/decl_conv/declarations/pdf/decl...)

² *Конвенция об охране нематериального культурного наследия* : принята 17 окт. 2003 г. Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры. URL: [un.org>...documents/decl_conv/conventions...heritage...](http://un.org/...documents/decl_conv/conventions...heritage...)

³ *Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения* : принята 20 окт. 2005 г. Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры. URL: [unesdoc.unesco.org>images/0014/001429/142919r.pdf](http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001429/142919r.pdf)

⁴ *О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)»* : постановление Правительства Рос. Федерации от 20 авг. 2013 г. № 718 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 35. Ст. 4509.

Федерацией (в частности, в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств).

Буряты, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года (далее — Перепись), составляют 461 тыс. 389 человек, проживающих в основном на территории Сибири в Республике Бурятия, Забайкальском крае и Иркутской области. По паспорту Сибирского федерального округа буряты составляют 2,3 % всего населения, занимая второе место по количеству после русских.

С 2002 г. по 2010 г. общее количество владеющих бурятским языком в Российской Федерации уменьшилось с 361 307 до 218 557 человек¹. Буряты в силу правовых, политических и исторических особенностей компактно проживают на территории трех современных субъектов Российской Федерации: Республики Бурятия, Забайкальского края (созданной путем объединения Агинского Бурятского автономного округов и Читинской области) и Иркутской области (созданного путем объединения Усть-Ордынского Бурятского автономного округов и Иркутской области); в Автономном районе Внутренней Монголии Китая («Дотор монгол» — самоназвание территории проживания бурят) и в восточных аймаках Монголии.

Диссонанс в этнокультурном развитии российских бурят показали результаты Переписи населения 2010 года, когда буряты вошли в число самых образованных народов России, став вторыми по показателю образованности в стране (299 человек на 1 000 человек), но одновременно явились национальностью, хуже всех владеющей родным языком.

Об угрозе исчезновения бурятского языка говорили эксперты, официальные лица, старейшины, но реальные масштабы выявила именно Перепись. К сожалению, по данным ЮНЕСКО, каждый месяц на Земле исчезают два языка. Интенсификация процессов языковой ассимиляции в последние десятилетия, сужение среды использования бурятского языка в повседневном

---

¹ *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 22.04.2015).

общении, особенно у молодежи, явились предпосылками того, что бурятский язык попал в Красную книгу ЮНЕСКО. До сих пор неизвестны точные данные о владении бурятским языком на международном уровне.

Представленное исследование является попыткой комплексного этнокультурного подхода к проблеме сохранения бурятского языка на примере всебурятской образовательной акции. Проблема сохранения языка превратилась в один из важнейших аспектов общепурятской идентификации, выполняющую важную функцию коммуникации и передачи по наследству элементов национальной культуры. При этом озабоченность вызывает нежелание говорить на родном языке у молодежи, в связи с чем увеличивается возраст носителей языка. Эксперты выражают разные мнения и предлагают методы по популяризации и улучшению престижа бурятского языка у молодого поколения. Нужно отметить, что люди среднего (30—45) и старшего поколения (45 и старше) зачастую остаются неохваченными образовательно-просветительской работой.

Проанализировав все аспекты трансформации языкового процесса в рамках этнокультурного развития бурят, Центром этносоциальных исследований и приграничного сотрудничества Читинского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ в октябре 2014 г. была предложена уникальная образовательная акция по сохранению бурятского языка. Мероприятие было поддержано Правительством Забайкальского края и Администрацией Агинского Бурятского округа.

Проект Всебурятский диктант «Эрдэм» (далее — диктант) явился вполне доступным источником социокультурной информации, потому как текст диктанта, взятый в событийном аспекте, оказался способным объединить более 400 человек как носителей языка, этнически идентифицирующих себя как буряты, так и людей, этнически идентифицирующих себя другими народами.

Первое, что необходимо отметить, это использование традиционной формы проверки орфографической и пунктуационной грамотности. Формат «социальных сетей» определялся исходя из стратегии социального творчества этнической идентич-

ности¹. Подобная проверка бурятской грамотности в открытой форме, когда участвовать мог любой желающий вне зависимости от места проживания, национальности, проводилась впервые. Хотя в локальных масштабах диктанты на бурятском языке проходили и в Агинском Бурятском округе и в Республике Бурятия.

Объединяющим маркером для носителей языка стал связный текст из 156 слов, олицетворяющий «степную культуру». Автором рассказа «Талын сэсэгүд» («Степные цветы») является бурятский писатель и журналист Бадма-Базар Намсарайн. Текст «вживую» читали преподаватели бурятского языка, филологи и лингвисты в Чите, Агинском Бурятском округе, Иркутске, Новосибирске, Хабаровске, Санкт-Петербурге, Москве и Краснокаменске.

Результаты акции анализировались методом контент-анализа и выявили количественные и качественные характеристики. Общее количество участников составило 429 человек, одновременно писавших в Российской Федерации, Монголии, Китае, Турции, Голландии, Бельгии и Чехии. Акцию Забайкальского края освещали сотни местных, региональных, федеральных и зарубежных средств массовой информации, в том числе Монголии и Казахстана.

Качественный анализ позволяет говорить о профессиональной принадлежности участников диктанта, среди которых учителя и воспитатели, инженеры, представители духовенства (ламы Агинского дацана), государственные и муниципальные служащие, врачи и медицинские работники, студенты, журналисты, сотрудники полиции, сотрудники Пенсионного фонда, военные, бухгалтеры, кассиры, работники лесного хозяйства, культработники, индивидуальные предприниматели, юристы, менеджеры, пенсионеры. Несмотря на различия в культурной среде профессиональных сообществ и образе жизни участников диктанта при анализе зафиксирована когнитивная связь с бурятским языком, носящая ситуативно-вариативный характер. Возможно, речь идет о феномене «культурно-лингвистического кода», значи-

---

¹ См.: *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004.

мость которого еще предстоит изучить в контексте отрицательных результатов Переписи населения 2010 года по владению бурятским языком¹.

Проанализировать итоги диктанта возможно с точки зрения интеракции разновозрастных коммуникантов — самым возрастным из них была 86-летняя участница, самым юным — 12-летняя учащаяся средней общеобразовательной школы. Средний возраст участников — 32 года.

Для проверки была применена 100-балльная система оценок, где за каждую ошибку снимался 1 балл. Анализ результатов диктанта позволил сделать вывод о высокой степени владения бурятским языком в Агинском Бурятском округе — 32 человека показали лучшие результаты (96—99 баллов). Самыми грамотными в округе были представители старшего поколения — от 40 до 70 лет. В Чите семь человек, показав самые высокие результаты, набрали равное количество баллов — 98²). В основном это студенты высших учебных заведений города в возрасте от 18 до 27 лет. Поэтому постулат о «старении» носителей языков, возможно, требует корректировки.

Нельзя не согласиться с мнением Хавьер Лопеса Санчеса — генерального директора Национального института языков коренных народов Мексики, который считает киберпространство «окном возможностей» для развития языкового разнообразия³. Поэтому в рамках диктанта был проведен конкурс Селфи⁴ — фото с официальными хэштэгами⁵ (# buryatdictant #erdem #2014). В период подготовки и проведения акции участники вы-

---

¹ *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 22.04.2015).

² В Иркутске самый высокий балл — 95, в Санкт-Петербурге — 98, в Краснокаменске — 93, в Новосибирске — 92, в Москве — 99 баллов.

³ *Языковое* и культурное разнообразие в киберпространстве : сб. материалов II Междунар. конф., Якутск, 12—14 июля 2011 г. / сост. Е. И. Кузьмин, А. В. Паршакова. М. : Межрегионал. центр библиотеч. сотрудничества, 2013. 384 с.

⁴ Селфи (анг. *selfie* от *self* — сам, себя) — разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении самого себя на фотокамеру.

⁵ Хэштэги — официальные метки, по которым можно отыскать информацию в социальных сетях.

кладывали свои фотографии в социальные сети в традиционной и стилизованной бурятской одежде. Под фотографией участник писал: «Я буду писать Всебурятский диктант, потому что...». Данные конкурса позволили проанализировать механизм самоописания — аутопоэзиса «Я — потому что». Примером одновременной позитивной тавтологии и демонстрацией дискурсивного отношения является следующее утверждение: «Я писала “Всебурятский диктант “Эрдэм” 2014”, потому что являюсь носителем бурятского языка и хочу, чтобы мой родной язык, несомненно, расцветал и никогда нами не забывался... Ведь дорожке богатства, чем родной язык, у нас нет! К несчастью, люди начинают ценить свой родной язык только на чужбине. Народ без языка — все равно, что человек без души, человек без корней. Народ без языка — это дом без фундамента. Именно в языке хранится наша культура, традиции и обычаи. Поучаствовав в данном мероприятии, я в очередной раз убедилась в богатстве и глубине бурятского языка, и в том, что многим не безразличен их родной язык!» (орфография и пунктуация сохранена. — *Б. Н.*)¹.

Возможности доступа в Интернет позволили не ограничивать территориальное и хронологическое поле исследования. Диктант стартовал одновременно несмотря на разницу в часовых поясах 25 октября в 09.00 по московскому времени. Данный формат позволил расширить географию участия в филологическом флэш-мобе, дав возможность писать в он-лайн режиме 36 виртуальным участникам. Из зарубежных участников самые высокие баллы у участниц из Турции — 98 баллов и Монголии — 91 балл.

По итогам диктанта организаторам поступили предложения, мнения, значимость которых в социокультурном плане можно отдельно исследовать. В целом прослеживалась диссонансное отношение участников к языку, в котором ответственность и некий дискомфорт, также протестное восприятие «чужбины». Данный постулат вполне вписывается в гипотезу исследования самоидентификации молодежи, проведенного в 2011 г. в Агин-

---

¹ Данное утверждение написала участница диктанта — студентка, обучающаяся в крупном городе. Возможно с этим фактом связаны понятия «чужбина» и «отрыв от корней».

ском Бурятском округе¹. Результатом исследования стало выявление внутривидовых (личностных) и внешних (социокультурных) факторов формирования социально-коммуникативной системы, кумуляция этноязыкового аспекта в систему этнической идентичности.

Диссонанс звучит и в обращении в социальных сетях молодого бурята к своим сверстникам: «Би юн хэлэхэ ханана в свете последний постоной. Бурядар не очень-то хэлэдэге. Хотя бы пытаться болодоге. Хэлэе сформулироважа бурядар уменэ угый. Ородор думадаге))) Но понимэдаге. За бэрхэ» (орфография и пунктуация сохранена. — *Б. Н.*). Наглядный и частый пример уникальной ситуации, характеризующейся, с одной стороны, тягой к этнокультурному развитию, а с другой — тенденцией развития двуязычия (с преобладанием русского языка) и постепенным снижением владения бурятским языком.

Объективный процесс возрастания роли мировых языков в жизни разных языковых общностей развил необходимость многоязычия, двуязычия. Поэтому появилась тенденция распространения и конкуренции мировых языков как следствие процессов глобализации и киберпространства. Вторая тенденция — утрата ряда социальных функций и угроза исчезновения некоторых языков народов мира, тем самым противоречия в этнокультурном развитии народов. Поэтому поиск новых проектов, реализуемых в социальных сетях, подобный Всебурятскому диктанту, достоин более тщательного изучения и дальнейшей реализации с учетом мнения научной общественности. В заключение добавлю, что диктант был официально назван «Эрдэм», что в переводе с бурятского значит «образование». Подобно чашке чая, с которого начинается традиционное национальное угощение, образовательная акция «Всебурятский диктант» вполне может занять интерактивный сегмент этнокультурного развития бурят межгосударственного значения.

---

¹ *Нимаева Б. Б.* Молодежь Аги — репертуар идентичностей // Политика и общество. 2011. № 9.

Евгений Поляков

*кандидат политических наук,
преподаватель кафедры социологии и политологии
Воронежского государственного университета*

Воронеж, Россия

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

Северо-восточный Кавказ привлекает внимание по целому ряду причин: наличием вялотекущего вооруженного конфликта, геополитическим статусом, пограничным положением и т. д. Наиболее интересна особая этнополитическая динамика конца XX — начала XXI в. Эта динамика обусловлена наличием неурегулированных двух этнополитических конфликтов (русско-чеченского и осетино-ингушского) и нескольких латентных (например, даргино-ногайского или авраско-лакского).

Особую остроту ситуации придает факт протекания данных конфликтов на фоне постепенной исламизации региона, что может способствовать осложнению их регулирования. К тому же концепт исламского единства отчасти противостоит концепту гражданской российской нации. Рассмотрим подробнее основные черты этнополитических процессов трех республик региона — Дагестана, Чечни и Ингушетии.

Дагестан. 20 января 1921 г. из Дагестанской области и Хасавюртовского округа Терской области были образованы Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР. Последующие десятилетия отмечены относительной стабильностью в плане административного устройства. Единственным серьезным испытанием можно назвать ситуацию, вызванную депортацией чеченцев. Тогда, в 1944 г., был упразднен Ауховский район, большая часть которого отошла вновь созданному Новолакскому району, и созданы ряд районов (например, Ногайский) из числа территорий, полученных от Ставропольского края и Грозненской области (существовавшей на территории Чечни в период депортации ингушей и чеченцев

в 1944—1956 гг.). Дальнейшие административно-территориальные преобразования в Дагестане не выходили за рамки муниципальных образований.

Национально-государственное строительство Дагестана в целом повторяло этапы, характерные для всего Северного Кавказа в XX в. Этих этапов можно выделить пять. Первый этап (1917—1922 гг.) связан с образованием основных территориально-политических единиц, которые с некоторыми видоизменениями сохранились и в настоящее время. Второй этап (1922—1929 гг.) связан с формированием на основе региона крупного административно-территориального образования — единого экономического района Северокавказского края (правда, за исключением Дагестана) с центром в Ростове-на-Дону. Третий этап (1929—1941 гг.) был связан с обратной тенденцией: разделением края на более мелкие единицы — края и области с преимущественно русским населением и автономные области и республики. Четвертый этап (1941—1958 гг.) охватывает период, в который совершались многочисленные, но краткосрочные по историческим меркам переделы территорий, что было вызвано депортациями. Пятый этап (1958—1990-е гг.) связан с попытками восстановления прав репрессированных народов и возрождением их автономий¹. Начало XXI в. можно выделить в шестой этап, для которого характерен возврат к идее 20-х гг. XX в., которая нашла воплощение в виде Северо-Кавказского и Южного федеральных округов, а не краев (зато теперь с включением в них Дагестана).

Если «спрямить» поиски центральной власти и выделить стержневое содержание этих административных преобразований, то легко заметить колебание между двумя «полюсами»: формирование региона как целостной административной единицы или как системы рядоположенных административных единиц².

---

¹ См.: *Сикевич З. В.* Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 63.

² См.: *Денисова Г. С., Уланов В. П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д, 2003. С. 128.

Сложившееся еще в 20-х гг. XX в. «прерывистое равновесие» между крупнейшими этносами Дагестана (аварцами, даргинцами и кумыками), которое выразилось в том, что представитель каждого из них занимал одну из ключевых должностей (секретарь обкома КПСС, председатель Совмина и председатель Верховного совета), удалось сохранить и в период реформ.

Кроме того, это «этническое разделение властей» более-менее удалось институализировать с помощью Конституции Дагестана и ряда республиканских законов¹. Однако сами дагестанские исследователи обращают внимание на то, что этническая характеристика при формировании политической элиты — только внешняя форма, в которую облекаются объединения, выстроенные по экономическим интересам, вследствие чего доступ в эти объединения крайне затруднен².

Если свести к общему знаменателю данные по численности населения основных этнических групп Дагестана, то мы увидим, что разные народы имели различную скорость прироста населения. Неуклонно увеличивалась численность (а в сравнении с другими народами — и доля) аварцев, даргинцев, кумыков и лезгин, т. е. четырех крупнейших народов Дагестана (на них приходится более 70 % населения). Противоречивая динамика со взлетами и падениями характерна для рутульцев, тат и армян. Особняком стоят русские, чья абсолютная и относительная численность сокращается уже почти полвека.

Несмотря на миграцию горского населения на «плоскость» и «чересполосное» заселение равнин, в Дагестане в целом сохраняется порайонный этнический баланс (с некоторым перекосом в пользу аварцев как самого многочисленного этноса): из 51 муниципалитета (городов и сельских районов) аварцы составляют большинство в 16, даргинцы — в 5, кумыки и лезгины — в 4, лакцы и табасараны — в 2, рутульцы, ногайцы и азербайджанцы — в 1 каждый. Остальные этнические группы расселены дисперсно или слишком немногочисленны, чтобы даже

---

¹ См.: Денисова Г. С., Уланов В. П. Указ. соч. С. 141—143.

² См.: Атаев М. М., Гаджиев Н. М. Этнополитические процессы в постсоветском Дагестане. Махачкала, 1997. С. 33.

в местах компактного проживания составить большинство населения¹.

Исходя из этих данных, мы можем говорить о трех важных тенденциях:

— коренизации дагестанского населения и победе в межэтнической конкуренции «большой четверки» (аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин);

— победе «гор над равниной», ибо равнинно-городские этносы (русские, армяне, ногайцы) теперь составляют меньшинство населения Дагестана;

— «превосходстве» кавказского мира над тюркским — из четырех наиболее многочисленных народов тюркский только один (кумыки), наиболее распространенный язык (не считая русского) — аварский, и даже наличие других тюрков — азербайджанцев и ногайцев — не исправляет положение.

Чечня. События двух последних десятилетий обусловлены динамикой этносоциальных и этнополитических процессов в собственно чеченской среде. Они могут быть охарактеризованы как возникновение новой этнополитической доминанты Северо-Кавказского региона. Поскольку в этнополитических конфликтах важную роль играет групповая идентичность и «Я-концепция», рассмотрим сюжет о формировании и трансформациях этнического сознания и самосознания чеченцев в советский и постсоветский периоды подробнее.

На проблему этнической самоидентификации влияли два важных фактора: образование населения и историческая мифология (особенно касательно происхождения чеченцев и их присоединения к России). По первому фактору важно отметить, что долгое время чеченцы имели низкий уровень грамотности даже на родном языке в сравнении с соседними народами (особенно осетинами) и как следствие низкий социальный статус. Например, в парторганизации Горской АССР чеченцы, будучи самым многочисленным народом, занимали четвертое место, уступая

---

¹ *Сайт* Правительства Республики Дагестан. URL: <http://www.government-rd.ru/dagestan/karta/regions>

не только русским и осетинам, но и ингушам¹. Депортация в середине века и две чеченские войны в конце века только усилили этот разрыв (таблица).

**Число лиц с высшим образованием в республиках
Северного Кавказа в расчете на 1 000 жителей
(по данным переписей населения)**

Год	Чечня	Ингушетия	Дагестан	Осетия
2002	71	108	120	195
2010	115	164	181	264

Хотя в Чечне наблюдается самая высокая скорость прироста доли лиц с высшим образованием (из числа рассмотренных регионов), при сохранении темпов отставание от соседей будет ликвидировано не ранее середины 30-х гг. XXI в. Все это заметно осложняет воспитание подрастающих поколений, формирование интеллигенции и укрепление этнического самосознания (для чеченцев до сих пор значительную роль играет тейповая, т. е. родовая, идентификация и вирдовая принадлежность).

Более того, построение гражданской, а не этнической нации тесно связано с индустриальным производством и городским образом жизни. С этим у чеченцев тоже есть проблемы. Большая часть их после депортации поселилась в сельской местности, и для этносоциальной структуры восстановленной Чечено-Ингушской АССР была характерна диспропорция, которую условно можно назвать «русский город — автохтонное село»².

Для самих чеченцев депортация была и остается чем-то вроде «второго рождения». Пожалуй, она сродни теме Победы для русского национального самосознания, и игнорирование такой тематики официальной наукой и властями не могло не способствовать постепенной радикализации. Чеченский кризис начала 1990-х гг. породил или актуализировал богатую псевдонаучную мифологию об истории и современном облике чечен-

---

¹ См.: *Кохорхоева Д. С.* Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа: 1917—1944 гг. Элиста, 2002. С. 40.

² См. подробнее: *Денисова Г. С., Уланов В. П.* Указ. соч. С. 132—138.

ского народа. Один из доминирующих — миф об исключительном природном свободолюбии и благородстве, другой — об исключительной древности чеченцев¹. Идея древности подтверждалась родственными связями нахско-дагестанских и хуррито-урартских языков, а изучение чеченского и ингушского языков (по количеству часов, уравненных с русским) с первого класса во всех школах стало обязательным. Крайне ревизионистские версии древней истории чеченцев поддерживались Дж. Дудаевым, который способствовал деинтеллектуализации Чечни².

Еще одна из главных идей, пропагандировавшихся интеллектуалами, состояла в том, что, во-первых, чеченцы никогда не вели агрессивных войн и никогда не посягали на чужие территории, а во-вторых, никому не давали себя покорить. Подобное «сочетание несочетаемого» и апелляция к давнему историческому прошлому в своеобразной трактовке являются наиболее типичной практикой при политическом мифотворчестве³.

Изначально лидеры «чеченской революции» намеревались строить светское демократическое правовое государство (как они его понимали). Однако после столкновения с оппозицией 31 марта 1992 г. Дж. Дудаев стал опираться на происламских традиционалистов. Позднее была оказана поддержка тарикату кадирийя в противовес тарикату накшбандийя⁴. Похоже, что окончательное решение в пользу строительства исламской модели государственности Дж. Дудаев принял к началу 1993 г., навязав в мае парламенту идею об объявлении ислама государственной религией.

Первая чеченская война повлекла быструю исламизацию общества, увидевшего в исламе мощную идеологию сопротивления. Именно во время войны в школах Чечни началось преподавание основ ислама, а девушек обязали покрывать голову

---

¹ См. об этом подробнее: *Тишков В. А., Беляева Е. Л., Марченко Г. В.* Чеченский кризис. М., 1995. С. 32—33.

² См.: *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001. С. 145.

³ См.: *Корниенко Т.* Сущность и структура политического мифа // *Власть.* 2009. № 10. С. 51.

⁴ См.: *Поляков Е. М.* Проблемы формирования этнической идентичности чеченцев // *Рос. журн. исслед. национализма.* 2012. № 2. С. 42.

платком. Постепенно религиозная идентичность стала занимать все большее место в сознании чеченцев. Если в 1990 г. опросы фиксировали почти полное отсутствие предубеждений по отношению к иноверцам, то в 1995 г. их уже было более четверти, особенно среди молодежи. То же касалось и межэтнических отношений: около трети населения винило в бедах чеченцев исключительно русских¹.

Ингушетия. На этническом сознании ингушей существенно сказалась как сама депортация, так и отношение к ингушам после их возвращения на родину. Весь позднесоветский период (1960—1980-е гг.) ингуши в Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республике (ЧИАССР) и Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республике (СОАССР) были этническим меньшинством, испытывали трудности с развитием своей культуры, получением высшего образования, трудоустройством.

К этому добавлялось опасение ассимиляции как со стороны чеченцев (особенно на фоне применения этнонима «вайнахи», который должен был способствовать нивелированию «буржуазного национализма»), так и со стороны русских, учитывая невозможность для многих ингушей изучать свою историю и литературу наравне с русской, даже в своей республике.

В 1970—1980-е гг. ряд ингушских интеллектуалов и общественных деятелей предпринимал шаги, негативно воспринимаемые советской властью, направленные на историческую реабилитацию и улучшение положения ингушского населения в Пригородном районе. Хотя это были мирные акции, партийное руководство их жестко пресекало².

Накалявшаяся обстановка впервые приняла насильственный оборот за десятилетие до осетино-ингушского конфликта. В конце октября 1981 г., после убийства осетинского таксиста, в Орджоникидзе прошел митинг под лозунгом «Осетия без ин-

---

¹ См.: *Берсанова З.* Система ценностей современных чеченцев // Чечня и Россия: общества и государства / под ред. Д. Е. Фурмана. М., 1999. С. 247.

² См. подробнее: *Шнирельман В. А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М. : НЛО, 2006. С. 290—296.

гушей!», переросший в захват здания обкома КПСС и трехдневные массовые беспорядки¹.

На протяжении всех 1980-х гг. в среде ингушской общности циркулировала идея о необходимости восстановления своей государственности как единственного способа решения территориальной проблемы. В немалой степени этому способствовало безразличие Грозного и Москвы к сигналам с мест. Ингуши сами себя воспринимали как разделенный народ, лишенный «исторической земли». Причем ради «восстановления справедливости» (т. е. получения Пригородного района) предлагались даже такие способы, как создание Осетино-Ингушской республики².

На съезде депутатов разных уровней (15 сентября 1991 г.) от Ингушетии было объявлено о создании Ингушской республики в составе РСФСР. Чуть позднее, 6—7 октября, Оргкомитет по восстановлению ингушской государственности на III съезде ингушского народа выступил с осуждением этой поспешной декларации, ибо республика не может быть образована до возвращения «аннексированных земель»³.

Под влиянием событий 31 октября — 5 ноября 1992 г. (вооруженная стадия осетино-ингушского конфликта) Москва напрямую вмешалась в процесс ингушского нациестроительства. На территории трех районов ЧИАССР, населенных преимущественно ингушами, 28 ноября была образована Временная администрация Ингушетии во главе с Р. С. Аушевым. Через три месяца, 28 февраля 1993 г., он выиграл безальтернативные президентские выборы, а 20 марта 1993 г. подписал Кисловодские соглашения с Республикой Северной Осетией-Аланией (РСО-А), послужившие базой для постконфликтного урегулирования, в частности, для начала решения проблемы беженцев и переселенцев из Пригородного района.

---

¹ См.: *Цуциев А. А.* Осетино-ингушский конфликт (1992—...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М.: РОССПЭН, 1998. С. 98.

² *Шницерельман В. А.* Указ. соч. С. 300—301.

³ См.: *Костоев Б. У.* Преданная нация. М.: Гуманит. фонд Ингушетии, 1995. С. 13—14.

Для Ингушетии 1990-е гг. были периодом тяжелейших испытаний, так как требовалось наладить социальную инфраструктуру (школы, вузы, больницы, детские сады и т. д.), обустроить беженцев (не только из Осетии, но позднее и из Чечни), организовать работу органов власти. С последним пунктом возникли наибольшие трудности на местном уровне — до сих пор у Ингушетии нет официальной административной границы с Чечней, а руководство последней оспаривает принадлежность Сунженского района.

В этническом плане Ингушетия стала монолитной: согласно данным ВПН-2002, ингуши составляли свыше 77 % населения республики (и это на фоне нескольких десятков тысяч беженцев из Чечни), а по данным ВПН-2010 — уже более 93 %. Однако проблемы с образованием и как следствие с сохранением собственной культуры не решены — только $\frac{2}{3}$ ингушей, проживающих в своей республике, знают родной язык, в то время как у чеченцев этот показатель — 99 %. При этом доля ингушей, знающих родной язык, в целом по РФ составляет 71 %¹. То есть воссоздание своей государственности как необходимое условие самосохранения и защиты от ассимиляции не дало ингушам видимых преимуществ. Скорее, наоборот, — учитывая трагические события недавнего прошлого, «кровавой ценой» было куплено всего лишь символическое возрождение.

Впрочем, подобный вывод можно сделать обо всех попытках этнонационального возрождения на Кавказе (как Северном, так и Южном): ставка на консолидацию народа в рамках мифологемы возвращения утраченных территорий и восстановления исторической справедливости (оборачивающейся несправедливостью по отношению к другим народам) приводит к противоположным результатам.

---

¹ *Официальные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года.*
URL: www.gks.ru

Максим Попов

*доктор философских наук,
профессор кафедры социальной философии и этнологии
Северо-Кавказского федерального университета*

Ставрополь, Россия

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ КАК УГРОЗЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

Специфика этнополитических конфликтов как вызовов безопасности и интеграции российского общества заключается в том, что они протекают на фоне столкновения традиционалистских и постмодернистских проектов этнонационального развития. Понятие ценностно-мировоззренческого столкновения уточняет концепт этнополитического конфликта как конфликта идентичностей, подчеркивая системно-генетический характер данной объяснительной модели. Региональные конфликты идентичностей необходимо рассматривать в контексте инструменталистской парадигмы как следствие реактуализации и радикализации политизированных этничностей, изменяющих динамику и содержание современных этнополитических конфликтов.

Этноконфликтологические концепции солидарности и интеграции тесно связаны с теориями идентичности и конфликта: социокультурная интеграция интерпретируется как способ разрешения этнических противоречий на основе консенсуса и компромисса, как антиконфликтогенный инструмент включения этничности в символическое пространство гражданской идентификации. На макросоциальном уровне социокультурная интеграция указывает на базовые рационально-коммуникативные, рефлексивно-идентификационные принципы и механизмы, консолидирующие социальных субъектов на основе взаимного признания, сотрудничества и принятия гражданских норм. Ценностно-нормативным результатом интеграции полиэтничного

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе». Грант Президента РФ МД-7429.2015.6.

сообщества является солидарность этнокультурных сегментов в пространстве политической нации-согражданства. Парадигма «разрешения конфликтов» акцентирует внимание на интеграционной интенции к метаэтнической солидарности и способности к трансформации деструктивных конфликтов идентичностей в конструктивные конфликты интересов.

Социокультурная интеграция как процесс поддержания и продвижения ценностей, идентичностей, институтов, позволяющий всем социальным субъектам участвовать в политической жизни на основе принципов согражданства и равноправия, становится основным методом разрешения этнополитических конфликтов в изменяющихся сложносоставных обществах: гражданская интеграция исключает процесс механической консолидации, основанной на силе ассимиляционного принуждения и подавлении различий в репрессивной попытке навязать унифицированную идентичность.

Социокультурная интеграция как социальный конструкт находится в зависимости от трех различных, но взаимосвязанных процессов, которые в системном единстве формируют интеграционную гражданскую идентичность:

1. Признание плюрализма этнокультурных идентичностей в целях содействия макросоциальной солидарности в рамках единого гражданского нормативно-правового пространства.

2. Политическое представительство и коллективные права этнических меньшинств в целях предоставления гарантии того, что интересы, идентичности и ценности различных социокультурных групп учитываются в процессе принятия государственных решений и распределения ресурсов.

3. Перераспределение экономических и политических ресурсов между различными социальными субъектами в целях предотвращения диспропорций и фрагментаций на основе экономического статуса, этнической и религиозной идентичности.

Данные основания и принципы социокультурной интеграции в процессе конструирования гражданской идентичности политической нации опираются на концептуальные модели культурного плюрализма, справедливости, прав человека, социальной инклюзии, равенства возможностей, солидарности. Социокультурная интеграция на основе плюралистической гражд-

данской идентификации снижает этническую напряженность, что связано с высоким уровнем солидарности и безопасности, редукцией интерпретаций социальных проблем посредством негативной этнической стереотипизации «других» как «культурных врагов». В современной России и ее наиболее конфликтном Северо-Кавказском регионе основная задача интеграции — рационализировать этнические противоречия в процессе трансформации иерархической системы этнополитических отношений.

Исследование региональных конфликтов идентичностей связано с анализом мобилизационных ресурсов этнорелигиозного традиционализма в структуре конфликтующих идентичностей. На Северном Кавказе политизация этничности как фактор социальной дезинтеграции и напряженности зависит от остроты переживания угроз «этнополитической безопасности». Конфликты идентичностей опасны тем, что в их генезисе и динамике этнические стереотипы и социальная неудовлетворенность будут с высокой степенью вероятности политизированы; воздействие установок к насилию состоит в том, чтобы сконцентрировать социально-агрессивный потенциал в точке культурной непримиримости. Величина этнополитического насилия в конфликтах идентичностей детерминирована остротой восприятия угроз групповой безопасности, интенсивностью социальной неудовлетворенности, масштабами институциональной поддержки, в совокупности являющимися условиями открытого противостояния.

В рамках «конфликтной модели общества» конфликты идентичностей представляют собой социокультурные конфликты, источником которых выступают негативные стереотипизации и восприятие угроз групповой безопасности, порождаемые ценностными противоречиями в результате трансформаций коллективных идентичностей. Конфликты идентичностей являются атрибутивной частью рефлексивно-модернизационных процессов «текучей современности»: стирание культурных различий и сближение групповых идентичностей становятся источниками гражданской интеграции и этнополитических конфликтов. Посттрадиционные трансформации изменяют «при-

мордиалистскую» иерархию коллективных идентичностей в оппозиции «свой — чужой» посредством универсализации правовых норм и гражданских ценностей: структурные изменения традиционных идентичностей становятся факторами регионализации и этнополитического сопротивления.

Конфликтогенность групповых идентичностей обусловлена негативной стереотипизацией «чужих» в процессе конструирования «этнических границ». Культурные различия не приводят к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к интеграции и диалогу; однако, когда культурная универсализация в процессе конструирования унифицированной идентичности интерпретируется как угроза «этнокультурной безопасности», возникают трудноразрешимые конфликты идентичностей.

Мотивы участия этнических групп в конфликтах идентичностей будут влиять на перспективы их исхода; ради удовлетворения своих материальных интересов люди вряд ли станут сознательно рисковать жизнью. В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности, а не неизбежного риска: готовность нести жертвы ради идентификационных и ценностных идеалов эмоционально переживается и осознается участниками конфликтов. Эскалация напряженности происходит в том случае, когда этническая группа склонна воспринимать себя как «жертву» ценностных притязаний со стороны «чужих» групп.

Анализ взаимосвязи конфликтности и идентичности в региональном этнополитическом процессе приводит к мысли о деструктивном воздействии внутрисистемных противоречий, обусловленных факторами социальной фрагментации и дезинтеграции, в первую очередь, неудовлетворенностью в базовых потребностях равенства, справедливости, безопасности. В исследовании В. А. Авксентьева и М. М. Шульги, посвященном анализу перспектив развития этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае, отмечается, что «межнациональные и межконфессиональные отношения в крае можно охарактеризовать как стабильно напряженные. Вместе с тем ни те, ни другие не рассматриваются как наиболее острые проблемы и зани-

мают соответственно 11-е и 15-е места из 16 предложенных в рейтинге актуальности социальных проблем. Этот результат оказался несколько неожиданным с учетом того, какое место этнонациональная проблематика занимает в общественно-политическом дискурсе в регионе. Наиболее актуальными, по мнению респондентов, являются проблемы общие для всей страны: коррупция, взяточничество (48,5 %), рост цен, налогов, инфляция (46,5 %), безработица (38,6 %), рост преступности (34,9 %); жилищная проблема и проблемы коммунального обслуживания (32,8 %). Хотя респонденты оценили вероятность возникновения межнациональных конфликтов как среднюю, в условиях стабильной напряженности любой конфликт независимо от его истинных причин может быстро превратиться в межэтнический. Для таких обстоятельств характерно восприятие действий людей другой национальности как потенциальной угрозы для безопасности своей национальности. Сложившаяся ситуация создает благоприятные условия для этноконфликтной мобилизации — быстрого объединения людей по национальному признаку для участия в конфликтных действиях. Высокая напряженность в межэтнических отношениях — основная причина постоянно вспыхивающих на территории края локальных конфликтов с межэтническим компонентом»¹.

В качестве структурных факторов, определяющих специфику и остроту этнической напряженности и как следствие эскалацию конфликтов идентичностей на Северном Кавказе, выступают социальная фрагментация и поляризация: этнополитический изоляционизм и регионализация в этих условиях приобретают выраженный конфликтогенный характер. Системные детерминанты конфликтов идентичностей — политизация этничности и антимодернизационные процессы в поляризованном социуме — остаются основной причиной деструктивного воздействия на региональную интеграцию: модернизационные процессы на Северном Кавказе развиваются асинхронно, что усиливает этнополитический изоляционизм и формирует конфликтогенные

---

¹ *Авксентьев В. А., Шульга М. М.* Ставрополье многонациональное: оплот стабильности или перекресток проблем? // Социол. исслед. 2013. № 12. С. 34—42.

идентичности. В изменяющемся российском обществе, когда в региональные конфликты вовлекаются политизированные этнические идентичности, стратегия «конфликтного разрешения» должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении культурных различий, а на принципах гражданской интеграции и культуры мира как мировоззренческом фундаменте политической нации-согражданства.

Татьяна Сениюшкина

*доктор наук государственного управления, профессор,
профессор кафедры политических наук и международных отношений
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*

Симферополь, Россия

РАННЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЛИКТОВ: КРЫМСКИЙ ОПЫТ¹

Проблемы, связанные с ранним предупреждением этнических и религиозных конфликтов в Крыму, целесообразно рассматривать в контексте трех ключевых вопросов: 1) воссоединение Крыма с Россией; 2) этнополитические и этносоциальные проблемы, связанные с интеграцией в российское политическое, социально-экономическое и правовое пространство; 3) особенности внутреннего этноконфликтного потенциала Крыма.

В условиях интеграции Крыма в российское политическое, социально-экономическое и правовое пространство этнополитические и этносоциальные процессы в Крыму приобрели принципиально новые контуры развития. Эти процессы имеют особое преломление в связи с наличием в крымском сообществе внутреннего этноконфликтного потенциала, связанного с сосуществованием и взаимодействием трех доминирующих в статистическом отношении этнических групп — русских, украинцев и крымских татар.

Согласно предварительным результатам переписи 2014 г., в Крымском федеральном округе (включая город Севастополь) проживает 1 млн 492 тыс. русских, 344 тыс. украинцев, 232 тыс. крымских татар. Эти данные заметно отличаются от предыдущей переписи 2001 г. в сторону увеличения доли русских, а также снижения доли украинцев и крымских татар в общем массиве населения Крыма.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-10178 «Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов» (рук. В. Ю. Зорин).

Особый политический резонанс имеют переписные данные о численности крымских татар. Это связано с тем, что после депортации 1944 г. крымские татары вплоть до 1960-х и даже до конца 1980-х гг. проживали в местах высылки в Средней Азии, преимущественно в Узбекистане. По мере развития крымско-татарского национального движения, а также в результате ослабления давления советской политической системы на депортированных крымские татары постепенно вернулись в Крым. Согласно переписи 1970 г., численность крымских татар в Украине составила 3 554 человека, в 1979 г. их насчитывалось 6 636, а после активизации переселений в 1989 г. — 46 807 человек. На протяжении 1990-х гг. миграционный приток в Крым был наиболее интенсивным, поэтому перепись 2001 г. выявила 248 193 человека крымских татар.

Для более полного понимания этнополитических и этносоциальных процессов в Крыму следует учитывать, что до 1954 г. Крымский полуостров входил в состав Российской Федерации, а затем был передан Украине как новая административная единица (процесс передачи не затронул г. Севастополь, который напрямую подчинялся Москве и оставался вплоть до развала СССР городом союзного подчинения наряду с Москвой и Ленинградом (Санкт-Петербургом)). В рамках единого государства этот акт не имел существенных политических последствий, но с распадом СССР ситуация стала парадоксальной — все этнические группы Крыма оказались на положении национальных меньшинств. Кроме того, русское население Крыма неоднократно демонстрировало свое отношение к акту передачи Крыма Украине как к нелегитимному политическому событию.

В контексте сказанного выше воссоединение Крыма с Россией, произошедшее весной 2014 г., следует рассматривать как результат осознанного личного и коллективного выбора большинства жителей Крыма, основанного на преобладающей в регионе цивилизационной идентичности, которая сформировалась под влиянием религиозной, языковой и культурной принадлежности большинства населения¹.

---

¹ См.: *Сенюшкина Т. А.* Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора // Проблема суверенности современ. России. Материалы

При этом следует отметить, что каждая из доминирующих в Крыму этнических групп имеет свою версию коллективной памяти и исторической правды. Этим обусловлены конфликты, которые в прошлом приводили к периодическим обострениям межэтнической напряженности в местном сообществе. Наиболее острые противостояния были связаны с проблемой гражданства у крымских татар, которая была решена к концу 1990-х гг., а также с борьбой за доступ к земельным ресурсам, преимущественно на прибрежных территориях. Не столь острой в данный момент, но важной с точки зрения ее последствий, можно считать проблему, связанную с наличием в Крыму сторонников радикальных исламских течений. В целом анализ событий в Крыму показывает, что этнополитическая ситуация может быть охарактеризована состоянием латентной конфликтности, связанной с пульсацией межэтнической напряженности¹.

В связи с вхождением Крыма в состав РФ на основании волеизъявления большинства населения, подтвержденного результатами референдума 16 марта 2014 г., внутри крымского сообщества произошло разделение на сторонников и противников нового вектора политического развития Крыма. Большинство крымчан поддержало воссоединение Крыма с Россией и приступило к процессу интеграции в российское политическое, правовое, культурное и экономическое пространство. Об этом свидетельствует крайне высокая явка на референдум, продемонстрировавший невиданную ранее активность избирателей (83,1 %), а также низкий процент людей, отказавшихся от российского гражданства.

Одновременно с этим незначительная часть населения заняла диаметрально противоположную позицию. В частности, в среде крымских татар обострился внутренний конфликт, связанный с конкуренцией политических идей о будущем крымско-татар-

---

Всеросс. науч. общ. конф., 6 июня 2014 г., Москва (текст + электронный ресурс) / Центр науч. полит. мысли и идеологии. М.: Наука и политика, 2014. С. 190.

¹ См.: *Сенюшкина Т. А.* Этнополитическая ситуация в Крыму: анализ, прогноз, тенденции // *Вопр. развития Крыма*. Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. Симферополь: СОНАТ, 2012. С. 378.

ской государственности, которая никогда не снималась с повестки дня. Официальная концепция крымско-татарского национального движения, идеологическую версию которой воплотил в своей политической деятельности меджлис, нацеливала на формирование суверенного национального крымско-татарского государства в качестве стратегической цели национального движения¹.

Все сказанное выше нацеливает на своевременную, а в ряде случаев и опережающую реакцию органов государственной власти и институтов гражданского общества на проявления межэтнической напряженности в Крыму. В свою очередь, данная цель требует создания системы раннего предупреждения конфликтов, основным элементом которой является этнологический мониторинг.

Этнологический мониторинг чаще всего рассматривается как система сбора и анализа информации, касающейся потенциального развития конфликтогенности в многоэтническом обществе. Эффективный этнологический мониторинг в системе раннего предупреждения этнических конфликтов повышает надежность системы информационно-аналитического обеспечения принятия управленческих решений в этноконфликтных ситуациях. В результате мониторинга статистическая и аналитическая информация объективно превращается в инновационный продукт, что, в свою очередь, существенно влияет на эффективность управления этнополитическими конфликтами.

Эффективность этнологического мониторинга во многом определяется оптимальным подбором индикаторов. Существует несколько стандартных индикаторов, по которым осуществляется измерение напряженности в межэтнических отношениях в Крыму. Среди них отметим следующие: мнения, представленные в СМИ, экономическое и социальное неравенство, этническая и религиозная нетерпимость, этническая дистанция, вос-

---

¹ См.: *Ефимов С. А.* К вопросу о «Путиях самоопределения крымско-татарского народа» // *Вопр. развития Крыма.* Вып. 16. Крымское региональное общество: генезис, современное состояние, перспективы. Симферополь : СО-НАТ, 2012. С. 22.

приятие некоторых этнических групп другим населением, доверие (или недоверие) к институтам власти и др.¹

Важными элементами системы раннего предупреждения этнических конфликтов наряду с государственными структурами являются неправительственные организации, а в сфере аналитической деятельности и раннего предупреждения кризисных ситуаций эффективно действуют независимые ассоциации исследователей. Наиболее известная среди них — Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (*EAWARN*) (далее — Сеть), созданная по инициативе и под руководством академика РАН Валерия Тишкова. С 1994 г. это научное сообщество осуществляет систематические исследования проблем этничности и кризисов управления в условиях трансформации стран бывшего СССР. Первая в своем роде сеть такого мониторинга объединила десятки экспертов из регионов России и ряда постсоветских государств. В Сети, начиная с 1998 г., работают крымские эксперты, использующие методы и опыт взаимных консультаций участников *EAWARN* по вопросам раннего распознавания кризисов в сфере межэтнических отношений².

Накопление сравнительной информации, полученной из разных регионов, позволило экспертам выстраивать модели этноконфликтных ситуаций. В результате была произведена оценка потенциала этнической конфликтности в Крыму, составлены карты так называемых этнопроблемных территорий. В качестве методики исследования и оценки этнополитической конфликтности в рамках Сети используется система монографического описания этнополитической и этнокультурной ситуации. При этом важнейшим инструментом служит набор специальных индикаторов конфликтности³.

---

¹ См.: *Сенюшкіна Т. О.* Інформаційно-аналітичне забезпечення прийняття управлінських рішень в етноконфліктних ситуаціях // Статистика України. 2003. № 2 (21). С. 44.

² См.: *Степанов В. В., Тишков В. А.* Этничность, конфликт и согласие. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН : Сеть этнолог. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2003. С. 6.

³ См.: *Тишков В. А.* Опыт этнологического мониторинга. М. : Сеть этнолог. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2004. С. 10.

В 2015 г. экспертами Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов был проведен экспертный опрос представителей общественных и муниципальных организаций, функционирующих в Крымском федеральном округе, деятельность которых связана с межнациональными отношениями и этнокультурными процессами. В опросе приняли участие 56 экспертов, представляющих 11 городов и районов Республики Крым и города Севастополя.

В ходе анализа данных опроса были обобщены экспертные оценки и сделаны выводы, связанные с возможностями и основными проблемами во взаимодействии общественных организаций национально-культурного характера и органов власти как регионального, так и федерального уровня с целью предупреждения этнических и религиозных конфликтов в Крыму.

Большинство экспертов (83, 9 %) считает, что в городе, в котором они живут, существует необходимость в разработке специальной политики, связанной с ранним предупреждением конфликтов. В данном случае можно говорить о том, что наряду с мерами государственного регулирования федерального и республиканского уровня необходимо разрабатывать превентивные меры на муниципальном уровне, учитывая специфику местного сообщества в каждом городе или районе. Этот вывод подтверждается анализом этнополитических процессов в Крыму за последние годы, который показывает, что существуют явные различия в этнополитической динамике, связанные с особенностями местных сообществ. К примеру, территории на Южном берегу Крыма и в Симферопольском районе в прошлом являлись зонами повышенной этнополитической конфликтности, что связано с конкуренцией за доступ к земельным ресурсам. Город Севастополь и прилегающие к нему районы также обладают этнополитической спецификой, связанной с наличием в прошлом в городской черте военных флотов двух государств. Такие города, как Белогорск и Бахчисарай, отличаются высокой плотностью компактного проживания крымско-татарского населения, что отражается на электоральной активности местного населения и должно учитываться при прогнозировании результатов избирательного процесса. Все это подтверждает вывод о необходимости учета местной специфики при разработке механиз-

мов раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов.

Подтвердив важность и значение деятельности органов государственной власти, связанной с предупреждением этнических конфликтов, экспертный опрос выявил разброс мнений в оценке фактического состояния этой сферы государственной политики. Почти треть экспертов (26,8 %) считает, что в городе, в котором они живут, мероприятия, связанные с предупреждением межнациональных конфликтов, вообще не проводятся. При этом 39,3 % опрошенных указали, что подобные мероприятия проводятся, но редко, 25 % экспертов считают, что такие мероприятия проводятся регулярно. Подобный разброс мнений может быть связан с тем, что экспертам из числа представителей муниципальных органов власти пришлось оценивать собственную деятельность, и в этом случае оценки могут носить субъективный характер.

Описанные выше фрагменты анализа результатов экспертного опроса свидетельствуют о том, что разнообразные методы сбора информации, касающейся этнополитической характеристики проблемных с точки зрения этноконфликтного потенциала регионов, можно рассматривать в качестве элементов системы раннего предупреждения конфликтов, так как фактически мониторинг расширяет представление о конфликтной ситуации и дает возможность не только делать экспертные оценки, но и прогнозировать дальнейшее развитие ситуации.

Подводя итог, отметим, что анализ развития этнополитических и этносоциальных процессов в Крыму подтверждает наличие этноконфликтного потенциала в местном сообществе. Учитывая высокий ресурсный потенциал полуострова и прилегающей к нему акватории Черного моря, а также геополитическую конкуренцию в Черноморско-Каспийском регионе, можно предположить, что этнический и религиозный факторы будут использоваться основными геополитическими игроками в их борьбе за влияние на дальнейшее развитие Крыма. В связи с этим нельзя исключить временного обострения этнополитической и межконфессиональной обстановки, для которой характерен уже накопленный за последние годы конфликтный потенциал.

С целью нивелирования рисков, связанных с дальнейшим развитием этнополитических и этносоциальных процессов в Крыму, органам государственной власти совместно с институтами гражданского общества необходимо разработать механизмы снижения напряженности, связанной с тем, что часть местного сообщества по разным причинам не поддержала воссоединение Крыма с Россией.

Деятельность субъектов, наделенных государственной властью, должна быть подкреплена качественной научной экспертизой, которая может полноценно осуществляться при объединении усилий представителей государственных информационно-аналитических структур и экспертного сообщества. Наряду с этим целесообразно проанализировать состояние и качество этноконфликтологической экспертизы, осуществляющейся в Крыму, а также разработать критерии оценки профессионализма кадров, работающих в системе информационно-аналитического обеспечения органов государственной власти.

Сталина Сергеева

*кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории и практики управления
Пермского филиала РАНХиГС*

Пермь, Россия

**СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОБЛЕМ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ
ПЕРМСКОГО КРАЯ В ОЦЕНКЕ СТУДЕНТОВ
ПЕРМСКОГО ФИЛИАЛА РАНХИГС ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В современных условиях возникает потребность изучения проблем этнокультурного взаимодействия народов Российской Федерации как объективного процесса, имеющего глубокие исторические корни, и как сложного социокультурного механизма, обеспечивающего, с одной стороны, взаимопонимание и взаимообогащение разных народов, с другой стороны, активизирующего их стремление к сохранению самобытности и уникальности национальной культуры. Именно культура народов России, составляющая в сумме общенациональную культуру, является незыблемым гарантом формирования нравственных основ государства, гражданского общества.

Таким образом, проблема межэтнического взаимодействия имеет для Российской Федерации в целом, и Пермского края в частности, исключительную значимость, так как все основные аспекты экономической, политической, социальной и духовной сфер жизнедеятельности общества тесно связаны с этническим фактором.

Изучение проблем этнокультурного взаимодействия народов, проживающих в Пермском крае, как культурного феномена, направленного на гармонизацию межнациональных отношений и сохранение идентичности этнических групп при их интеграции в полиэтничное сообщество, в оценке студентов Пермского филиала РАНХиГС было проведено в марте — мае 2015 г. в рамках межрегионального внутрикорпоративного конкурса грантов на проведение инициативных научных исследований

студентов Курганского, Магнитогорского, Челябинского и Пермского филиалов ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», «Культура российского государства и общества: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты».

В целях укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, этнокультурного развития и взаимодействия с общественными объединениями, созданными с целью сохранения и развития этнических традиций языков и народов России, проживающих в Пермском крае, Правительством Пермского края принято постановление от 3 октября 2013 г. № 1326-п «О внесении изменения в государственную программу “Обеспечение взаимодействия общества и власти”»¹.

Цели и задачи государственной региональной подпрограммы «Реализация государственной национальной политики в Пермском крае на 2014—2016 годы» соответствуют целям и задачам Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года² и Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)»³ и направлены на объединение усилий всех звеньев системы власти, научных, образовательных, культурных учреждений, творческих коллективов, учреждений физической культуры и спорта, общественных национальных и других объединений для обеспечения стабильного позитивного развития сферы межэтнических отношений в Пермском крае.

Таким образом, приоритет межэтнического диалога и предотвращения религиозного и национального экстремизма в

---

¹ *Бюл. законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края.* 2013. № 50. 23 дек.

² *Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года* : утв. указом Президента Рос. Федерации от 19 дек. 2012 г. № 1666. Ст. 9—12. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 14.03.2015).

³ *О федеральной целевой программе «Укрепление единства Российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)»* : постановление Правительства Рос. Федерации от 20 авг. 2013 г. № 718. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70339260/> (дата обращения: 14.03.2015).

политическом развитии как Российской Федерации, так и Пермского края является условием стабильного социально-экономического развития страны и региона.

Для реализации поставленных целей были решены следующие исследовательские задачи:

— изучены проблемы межкультурного взаимодействия этносов как фактора, не только во многом определяющего собственно этнические процессы, но и активно связанного с такими сферами жизнедеятельности, как политика, экономика, социальные отношения, культура и др.;

— рассмотрено протекание процессов межкультурного взаимодействия этнических групп Пермского края в рамках реализации задач Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, поставленных перед государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества;

— раскрыты концептуальные подходы к осуществлению государственной национальной политики в Пермском крае;

— проанализирована эффективность предпринимаемых управленческих решений и мер по регулированию и гармонизации национальных отношений и межкультурного взаимодействия народов Пермского края в свете выработки и поисков адаптационных механизмов в вопросах сохранения и развития национальной культуры, языка, традиций и т. д.;

— выявлены проблемы, создающие препятствия для эффективной реализации основных направлений государственной национальной политики на территории Пермского края;

— обоснованы перспективные направления совершенствования государственной стратегии в сфере национальных отношений в Пермском крае и подготовлены рекомендации по их реализации в рамках подпрограммы «Реализация государственной национальной политики в Пермском крае» государственной программы Пермского края «Обеспечение взаимодействия общества и власти».

Основными методами реализации проекта были определены социологический опрос в форме анкетирования, выборочный метод обработки и анализа данных, документальный метод.

Экспериментальную базу исследования составили студенты Пермского филиала РАНХиГС — 212 человек (10,2 % от общего числа студентов — 2 071 человек), из них: 143 девушки и женщины — 67,5 %; 69 юношей и мужчин — 32,5 %) в возрасте от 19 до 42 лет.

Опрос проводился методом анкетирования по месту учебы респондентов. Исследуемая выборка учитывала долю студентов каждого направления: государственное и муниципальное управление, юриспруденция, менеджмент, национальная экономика, экономика очного и заочного отделений всех курсов.

Выборка была произвольной, анкетирование — добровольным и анонимным. В инструментарий социологического исследования была включена анкета из 24 вопросов, направленных на изучение этнокультурного взаимодействия народов Пермского края.

Общая выборка репрезентативна по полу, возрасту, образованию респондентов и типу учебы. Максимальная статистическая ошибка для общезузовской выборки составляет $\pm 2,3$ %.

В выборке приняли участие представители шести различных национальностей: русские — 184 человека (86,8 %), татары — 12 человек (5,7 %), башкиры — 7 человек (3,3 %), коми-пермяки — 4 человека (1,9 %), украинцы — 3 человека (1,4 %), немцы — 2 человека (0,9 %).

Основной акцент исследования был сделан на изучение мнения студентов о некоторых аспектах межнациональных отношений в Пермском крае, в котором, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, проживает 2 635,3 тыс. человек, представляющих 126 национальностей. К числу наиболее многочисленных сообществ можно отнести русских (87,1 %), татар (4,6 %) и коми-пермяков (3,2 %) ¹.

Анализ социологического исследования показал следующие результаты.

Почти для 60 % респондентов национальный состав населения той местности, где они проживают, не имеет значения, но 19,3 % респондентов (41 человек) желали бы проживать в насе-

---

¹ *Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю.* URL://<http://permstat.gks.ru> (дата обращения: 17.04.2015).

ленном пункте, где большинство жителей их национальности, и 15,1 % (32 человека), где население многонациональное, но представители их национальностей тоже проживают. Для 127 опрошенных (59,9 %) национальный состав не имеет значения. Затруднились с ответом 12 человек (5,7 %).

Больше всего сближает людей: «национальные обычаи, традиции» (88,9 %), «религиозная принадлежность» (76,9 %); «совместное проживание в одной местности» (63,7 %); «общий язык» (49,2 %).

Большинство респондентов родителей (или будущих родителей) (48,6 %) предпочли бы, чтобы их дети обучались в классе, где учащиеся являются представителями одной национальности, для 35,4 % респондентов данный вопрос существенной роли не играет и только 16 % респондентов высказались за многонациональный состав учащихся, обучающихся в одном классе.

Вступая в брак, респонденты руководствуются личностными характеристиками брачного партнера, а не его национальностью (75 %). При ответе на вопрос об идеальном брачном партнере по национальности для большинства респондентов (59,9 %) национальность супруга не имеет значения.

Анализ результатов показывает, что пик интолерантных отношений у респондентов с представителями других национальностей приходится при совместном общении (17,0 %). В процессе учебы, работы, совместного общения преобладают толерантные отношения (соответственно 70,3 %, 64,7, 72,6 %). Высокий процент опрошенных, у которых не складываются никакие отношения в процессе учебы и работы (соответственно 28,3 % и 34,4 %).

Большинство (62,7 %) студентов не испытывают раздражения или неприязни по отношению к представителям иной национальности.

Опрос показал, что 56 % опрошенных относятся к представителям всех национальностей одинаково. Но 35 % имеют негативные установки по отношению к представителям отдельных наций.

Каждый второй респондент не может назвать конкретных причин неприятия представителей других народов и наций. Остальные же чаще всего ссылаются на опасения, связанные с

угрозой террористических актов (13 %) и нежеланием приезжих считаться с нормами и обычаями, принятыми в России и Пермском крае (соответственно 11 % и 9 %). Раздражают внешность, манера поведения мигрантов, низкий уровень культуры и контроль определенных сфер бизнеса 6 % респондентов. Реже всего негативное отношение вызвано убеждением, что приезжие отнимают рабочие места у местного населения (4 %).

Вызывает озабоченность то обстоятельство, что достаточно много респондентов (66,5 %) считают, что в месте их жительства возможны конфликты на национальной почве.

Среди всех причин возможных межнациональных конфликтов можно выделить три наиболее значимые: «невоспитанность, бескультурье, глупость, несдержанность людей, результат взаимного непонимания» — 68,8 %; «бедность, неустроенность жизни, большой разрыв между богатыми и бедными, зависть к тем, кто богаче» — 60,5 %; «слишком много мигрантов, их вызывающее поведение, притеснение коренного населения» — 43,4 %.

Следует обратить внимание на то, что доля тех, кто занимает наиболее жесткую позицию по отношению к иностранной рабочей силе, наиболее высокая. Об отрицательном отношении заявили 55,2 %.

Сильную напряженность, чреватую конфликтами, отметили 9,9 % респондентов. Доля респондентов, считающих, что между приезжими и коренным населением есть напряженность, превышает долю тех, кто считает, что такой напряженности нет (39,2 % против 35,8 %).

Было выявлено, что большую нетерпимость к лицам другой национальности испытывает школьная (26,9 %) и студенческая молодежь (34,9 %); меньшую — рабочая молодежь (15,1 %). Меньше всего отрицательно относящихся к представителям другой национальности среди лиц старших возрастов (8,5 %), терпимо к лицам иной национальности и население средних возрастов (11,8 %).

При анализе вопроса анкеты, включающего отношение респондентов к сохранению национальной культуры народов Российской Федерации, был получен следующий ответ: 91 % студентов считают, что нужно сохранять национальную культуру.

Однако, хорошо знакомы с культурой других народов всего лишь 23,5 % студентов. Но в то же время у 91 % респондентов высоко стремление познакомиться с национальной культурой других народов, живущих в Пермском крае. Проявляют интерес к национально-культурным мероприятиям 22,6 % опрошенных студентов, а 71,2 % — не стремятся к этому.

Анализ ответов на вопрос о том, что нравится в отношениях людей, проживающих в их местности, позволил выстроить следующий рейтинг нравственных ценностей в человеческих взаимоотношениях: доброжелательность, терпимость, толерантность, взаимопонимание, уважение, отзывчивость, желание прийти на помощь, добропорядочность, взаимопомощь, дружелюбность, открытость, отсутствие агрессии и вызывающего поведения. Однако 32,1 % опрошенных не дали ответа на данный вопрос.

Отвечая на вопрос об оценке роли государственных и муниципальных органов власти в решении национальных вопросов, 33,6 % опрошенных оценили уровень государственных и муниципальных органов власти в решении национальных вопросов как низкий, 25,9 % — как недостаточный. Положительную оценку дали 17,9 % человек, принявших участие в анкетировании, и только 0,9 % — высокую, 21,7 % респондентов затруднились дать ответ на поставленный вопрос. Очевидно, это связано с тем, что студенты не владеют достаточной информацией.

Абсолютное большинство респондентов (85,6 %) оценили положительно процесс вхождения в состав РФ Республики Крым. Отрицательных ответов нет. Затруднились ответить 14,4 %.

Респонденты на вопрос: «Как вы считаете, какие меры следует принять для улучшения межнациональных отношений и межкультурного сотрудничества?», дали конкретные предложения:

— необходимо больше рассказывать о культуре и обычаях других народов;

— повысить уровень общей культуры и образования населения Российской Федерации;

— адекватно решать проблемы миграции, не допускать двойных стандартов в законодательстве;

— ужесточить контроль за нахождением мигрантов в Пермском крае;

- пропагандировать принципы всеобщей терпимости, уважения национальных культур и обычаев народов;
- совершенствовать профессиональную деятельность должностных лиц по профилактике межнациональных конфликтов;
- информировать население о деятельности органов власти Пермского края в сфере межнациональных отношений.

Данные предложения были учтены при разработке рекомендаций.

Таким образом, в результате исследования можно констатировать, что в Пермском крае благодаря усилиям органов власти и общественных объединений сохраняется стабильная этнополитическая и этносоциальная ситуация. Но нужно учитывать усложнение этнического состава и усложнение этносоциальных процессов, что требует поиска новых механизмов управления этими процессами в соответствии с задачами, определенными Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Наталья Скорых

кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана факультета государственного и муниципального управления, доцент Сибирского института управления — филиала РАНХиГС

Новосибирск, Россия

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕСПУБЛИКИ В СИСТЕМЕ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ТРАНСФЕРТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Асимметричность Российской Федерации предусматривает разностатусность ее субъектов и закрепление за ними разного объема прав и полномочий, прямое или косвенное конституционно-правовое неравноправие субъектов Федерации¹. При этом республики, обладая большими политическими правами, в основном не имеют экономической базы, соответственно и бюджетной основы, для выполнения возложенных на них функций. Слабость экономического потенциала ряда национальных республик объясняется негативным наследием СССР в части свойственной ему пространственной структуры государственной власти, почти без изменений отраженной в Конституции РФ, которая прежде позволяла проводить целенаправленную политику по сближению условий и уровня жизни населения разных национальностей в результате применения единых нормативов распределения благ и услуг, но практически неэффективна в новых условиях.

«Исходя из определения республики, которое дается в Федеративном договоре, следует ряд юридических прав, которыми обладают только эти национально-государственные образования

---

¹ См.: *Савинов Л. В.* Этнополитика в региональном измерении : моногр. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2012. 388 с. ; *Его же.* Исторический контекст современной этнополитики в Сибири // Изв. Алт. гос. ун-та. Серия «История и политология». 2008. № 4/4. С. 209—213 ; *Его же.* Элементы российской этнополитики // Социум и власть. 2009. № 1. С. 46—49 ; *Его же.* Особенности и проблемы этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе // Изв. высш. учеб. заведений. Социология. Экономика. Политика. 2009. № 2 (21). С. 31—33 ; *Его же.* Этнополитика в современной России: проблемы конституционно-правового обеспечения // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 1 (34). С. 50—54.

в составе России». Однако существует статусное неравенство среди самих республик. Наиболее привилегированными являются национальные республики Северного Кавказа и Поволжья (особенно Чечня и Татарстан, которые изначально не подписали Федеративный договор).

Так, «эти республики продолжают получать из федерального бюджета более значительные дотации, чем регионы России, населенные преимущественно русскими». Выделение огромных трансфертов республикам с учетом их политического веса привело к тому, что проявилась еще одна грань асимметричности федеративного устройства — бюджетная асимметрия, выражающаяся в непропорциональном распределении средств федерального бюджета напрямую и опосредованно между российскими регионами.

Рассмотрим особенности отношений федерального центра с республиками, представляющими различные группы регионов по уровню социально-экономического развития, которых роднит повышенное внимание к ним Москвы, проявляемое через объем предоставляемых финансовых ресурсов. Для начала несколько слов о самих национальных республиках, существование которых не всегда обосновано численным преобладанием титульного этноса, хотя для трех рассматриваемых в данном материале территорий это справедливо: доля чеченцев в Чечне — более 95 %, тувинцев в Туве — более 82 %, татар в Татарстане — более 53 %. Только республика Алтай может быть отнесена к регионам с преобладанием русского населения над титульным — 56 против 34 %. Выбор именно этих республик обусловлен такими факторами, как объем федеральной помощи и политизированный принцип выстраивания отношений.

Зависимость бюджетов республик от помощи из федерального бюджета продолжает сохраняться на протяжении многих лет. Среди семи субъектов РФ, доходная часть бюджетов которых сформирована за счет межбюджетных трансфертов (далее — МБТ) на 60 % и более, 6 — это республики, в том числе Алтай, Тыва и Чечня. Несмотря на желание центра сократить долю МБТ в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ, в силу складывающейся экономической ситуации и нестабильности рыночной конъюнктуры объемы предоставляемых

МБТ в течение финансового года увеличиваются. Так, доля МБТ в бюджетных доходах республик Тыва и Алтай находится в диапазоне 70—80 % на протяжении последнего десятилетия, а в Чеченской Республике — в диапазоне 85—90 %. Республика Татарстан не относится к дотационным территориям, если ориентироваться на удельный вес МБТ в структуре доходов ее бюджета в целом и дотаций на выравнивание в частности (25—35 % и 0 % соответственно). Это объясняется уровнем социально-экономического развития территорий. Если республики Алтай, Тыва и Чечня относятся к группе слаборазвитых (доля в ВВП РФ 0,1—0,2 %, ВРП на одного человека меньше среднероссийского более чем в 2 раза, среднедушевые доходы также ему значительно уступают), то Татарстан входит в группу регионов-лидеров (доля в ВВП РФ почти 3 %, ВРП на одного человека и среднедушевые доходы превышают среднероссийские значения) (табл. 1), являясь одним из немногих представителей с доминированием в структуре экономики (ВРП) производственного сектора (табл. 2).

Таблица 1

**Общие показатели социально-экономического развития
исследуемых регионов в 2013 г¹.**

Показатель	Республика				РФ
	Алтай	Тыва	Чеченская	Татарстан	
Численность населения, тыс. человек	211	312	1346	3838	143 667
Доля в ВРП России, %	0,1	0,1	0,2	2,9	100
ВРП на 1 человека, тыс. руб.	141,4	121,5	78,9	376,9	348,6
Среднедушевые доходы, тыс. руб.	14,7	13,5	17,2	26,2	25,9
Доля средств федерального бюджета в структуре инвести- ций в основной капитал, %	26	30	34	9	10
Инвестиции в основной капи- тал на 1 человека, тыс. руб.	55,7	40,7	30,8	135,8	92,4

¹ Составлено по: *Регионы России. Социально-экономические показатели*, 2014. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/Main.htm

Отраслевая структура экономики исследуемых регионов¹

Показатель	Республика				РФ
	Алтай	Тыва	Чеченская	Татарстан	
Сельское хозяйство	21	5,5	9	6	4,2
Добыча полезных ископаемых	1,5	6	1,9	21,3	11,2
Обрабатывающие производства	2,4	2,7	2,1	18,3	17,3
Производство электроэнергии, газа и воды	3,7	2,8	1,6	2,5	3,8
Строительство	12,6	7,9	17	10,4	7,1
Торговля	5,6	11,9	19,2	15,1	18,2
Транспорт и связь	4,4	5,9	6,1	7,5	10,4
Государственное управление	19,4	23,5	20,9	2,9	5,6
Образование	9,5	12,4	9,9	2,5	3,1
Здравоохранение	7,1	12,4	6,3	2,1	4
Прочие	12,8	9	9	11,4	15,1

Следует отметить, что в структуре ВРП Алтая, Тывы и Чечни высока доля сферы услуг, реализуемых за счет бюджета, особенно в сегменте государственное управление. Также высокие доли отрасли «строительство» в Алтае и Чечне обусловлены значительными бюджетными инвестициями в эту сферу на фоне негативной динамики в других отраслях.

Несмотря на близость социально-экономического положения Алтая, Тывы и Чечни, а также их соседство в ряду получателей федеральных трансфертов, характер финансовой помощи у них различен. В этом смысле более типичны пары Алтай — Тыва и Чечня — Татарстан.

МБТ в настоящее время представлены различными видами финансовой помощи (дотациями, субсидиями и субвенциями) и характеризуются различным уровнем формализации их предоставления. К формализованным трансфертам относятся дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности и субвенции, к

¹ Составлено по: *Отраслевая структура валовой добавленной стоимости / Регионы России. Социально-экономические показатели*, 2014. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d02/10-04.htm

неформализованным — дотации на сбалансированность, часть субсидии, иные (прочие) трансферты. Исходя из деления трансфертов по принципу их универсальности и формализации (расчет объема получения на основе утвержденных критериев и нормативов), Алтай и Тыва получают больше формализованных, а Чечня и Татарстан — неформализованных, непрозрачных. При общем снижении доли МБТ субъектам РФ наблюдается увеличение в их структуре неформализованных видов (табл. 3).

Таблица 3

**Структура трансфертов в бюджетах республик, %
(на начало года)**

Показатель	Республика							
	Алтай		Тыва		Чеченская		Татарстан	
	2010 г.	2013 г.	2010 г.	2013 г.	2010 г.	2013 г.	2010 г.	2013 г.
Всего в доходах бюджетов	80	72	80	79	90	86	35	23
МБТ	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе дотации на выравнивание	52	62	75	60	21	20	—	—
Дотации на сбалансированность	3	—	—	1	30	41	4	4
Субвенции	3	6	3	4	8	5	9	14
Субсидии на реализацию ФЦП и бюджетные инвестиции	12	7	1	10	28	24	—	12
Прочие субсидии	—	17	—	15	—	7	—	57
Прочие (иные) трансферты	26	6	16	9	13	7	69	13

Исследования Независимого института социальной политики также констатируют закрепление тенденции роста неформализованных трансфертов, объем которых невозможно объективно обосновать какими-либо критериями на фоне сокращения

доходов региональных бюджетов в реальном выражении. По данным отчетов аудиторов Счетной палаты РФ, в 2012—2015 гг. доля дотаций в структуре МБТ увеличивается до заданных в госпрограмме «Создание условий для эффективного управления региональными и муниципальными финансами, повышение устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации» значений (с 39 до 43 %), при этом растет доля дотаций на сбалансированность (с 7 до 12 %) и иных МБТ (до 15,7 % к 2017 г.), т. е. увеличивается нетранспарентное распределение бюджетных средств. При этом инвестиционные субсидии на реализацию ФЦП и на капитальное строительство суммарно сократились на четверть в 2013 г.

Таким образом, приходится констатировать, что межбюджетные трансферты центр использует в отношениях с национальными республиками не столько как инструмент стимулирования экономического развития и способ борьбы с бюджетным кризисом, а еще и как некий регулятор геополитических и этнонациональных интересов, рисков, фактически предоставляя данным территориям определенный карт-бланш, признавая их «особые» права и беря на себя дополнительную ответственность за их благополучие. Но насколько это позволяет решить проблемы социально-экономического развития и национального спокойствия в долгосрочной перспективе? Двадцать лет использования механизма выравнивания бюджетной обеспеченности не принесли существенных результатов в части роста уровня социально-экономического развития и усиления внутренней интегрированности страны. В настоящее время начинает проявляться нарастающее противопоставление других этносов русским, в локальных сообществах происходит деление на «мы» — чеченцы, тувинцы, алтайцы и т. д. и «они» — русские и наоборот, которое не отражается в статистике, но чувствуется в непосредственном общении с представителями этносов. Причем это противопоставление имеет разную степень проявления — от подсознательной индифферентной констатации этнопринадлежности до выраженной враждебности, граничащей с ненавистью. И рост федеральной помощи, которая не привязана к прозрачным критериям, выделяемая одним территориям и не выделяемая другим может не только не способствовать решению этих

проблем, но и обострить их, поскольку действует закон «собирающих сосудов», когда резкое увеличение финансовых вливаний на поддержку одних территорий приводит к ухудшению состояния бюджетов других, что сейчас и происходит с Республикой Крым, вставшей в ряд основных получателей федеральных средств. Сегодня МБТ — вариант проявления финансового неравенства во взаимоотношениях центра и регионов за счет неформального лоббирования по крупным мероприятиям и программам, реализуемым на территории республик с участием или полностью за счет федерального уровня (как, например, Универсиада в Татарстане или создание туристского кластера на Кавказе), по получению бюджетных кредитов, в том числе на долгосрочный период (до 20 лет) для финансирования бюджетного дефицита и другое без учета эффективности использования средств. По данным Минфина, за 5 лет реализации ФЦП «Юг России» на улучшение социально-экономического положения Кавказа потрачено более 43 млрд руб. из федерального бюджета, но в 2013 г. список проблем остался тем же, что и в 2008 г., на старте программы.

Складывается парадоксальная ситуация, когда наиболее зависимые от федеральной помощи бюджеты сводятся в итоге с профицитом или становятся условно сбалансированными (Республики Чечня и Алтай), демонстрируя одни из самых высоких показателей бюджетных расходов на душу населения, самых существенных коррупционных проявлений и самых низких уровней жизни населения. Наиболее опасное последствие такой политики — формирование иждивенческих традиций, особого менталитета как у чиновников, так и у населения и неизменная зависимость экономики от федерального бюджета в силу не только МБТ, но и высокой доли в структуре ВРП сектора бюджетных услуг (см. табл. 2).

Поэтому политика совершенствования межбюджетных отношений должна опираться на взвешенные, продекларированные ориентиры формализации (обновленная Стратегия-2020 предусматривает повышение доли дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности до 50 % всех трансфертов, что практиковалось до 2005 г.), не зависящие от персонифицированных отношений Москвы с региональными элитами, прежде

всего национальных республик, но обусловленные реальной необходимостью увеличения стимулирующего воздействия на деятельность руководства регионов в зависимости от результатов развития. При этом этнонациональные риски не должны просто «заливаться» деньгами, их нивелирование должно осуществляться в рамках комплексной национальной политики, согласованной с целями социально-экономического развития субъектов РФ и снижения степени их дифференциации. Для этого необходимо усилить роль МБТ, имеющих долгосрочный инвестиционный характер и направляемых на формирование структурных сдвигов в региональной экономике и повышение их налогового потенциала.

Артур Сулейманов

*кандидат политических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой политологии и истории
Башкирского государственного университета*

Уфа, Россия

РЕГИОН В СИСТЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная в мае 2009 г., провозглашает переход России к новой государственной политике в области национальной безопасности. Она раскрывает официально признанную систему стратегических приоритетов, целей и мер, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу. В этом документе большое место занимают вопросы региональной безопасности, достаточно сказать, что в нем более 20 раз употреблены термины «регион» и «региональный» и еще более десяти раз — «субъекты Российской Федерации». Продолжающиеся как целенаправленно, так и в связи с изменениями политической и экономической конъюнктуры реформы политической и административной системы, направленные на повышение роли самостоятельности субъектов РФ и повышение их ответственности по выполнению государственных обязательств, вызывают множественные концептуальные и практические проблемы¹.

Если обратиться к истории федеративного строительства России и перехода советской территориально-политической системы к современной российской, то сама проблема дезинтеграционных процессов выражена в двух взаимообусловленных уровнях:

— идеологическом обособлении этнических общностей от центра. Как правило, субъектами подобной дезинтеграционной активности выступают этнические общности, стремящиеся

---

¹ См.: Полосин А. В. Регион в системе национальной безопасности Российской Федерации (теоретико-методологические проблемы). М., 2010. 254 с.

к политической независимости их региона от Российской Федерации. При этом сам вопрос о выходе из страны не ставится. Равнодушие к общефедеральным процессам, к становлению общегражданской идентичности, экономическая независимость — вот основные цели этих политических сил. Подобные тенденции развивались и протекали в последние годы существования Советского Союза и были выражены в антисоветских лозунгах этнических меньшинств. Советская государственность воспринималась ими как некая спонсорская помощь регионам;

— физическом обособлении регионов от центра и разрушении полиэтнической целостности государства и общероссийской идентичности. Цель дезинтеграционных сил заключается в физическом разрушении страны как целостной политической системы. Подобные дезинтеграционные тенденции носят открытый антигосударственный характер, в советское время поддерживались как русскими, так и нерусскими силами и сыграли субъектное значение в развале СССР¹.

В последнее время проблемы дезинтеграции, сепаратизма, обособления приобретают новые импульсы, от которых не может быть застраховано ни одно государство. Что даже позволяет (хотя бы условно) говорить о том, что с 2014 г. появилась некая политическая «мода» на дезинтеграцию и сепаратизм. Венеция хочет выйти из состава Италии, Шотландия — из Англии. Регионам нужны новые центры, и они «как спутники» в поисках своей идентичности и «лучшей жизни» — «парад суверенитетов» сменился «парадом сепаратизма»².

Действительно, дезинтеграционные тенденции в Российской Федерации были активированы, если так можно выразиться, еще на этапе «парада суверенитетов». В связи с этим считаем целесообразным рассмотреть этот аспект более подробно.

По нашему мнению, активизация дезинтеграционных тенденций в Российской Федерации в условиях «парада суверенитетов» была обусловлена объективными и субъективными (противоречием федеральной элиты) причинами.

---

¹ *Национальная идея России* : в 6 т. М. : Науч. эксперт, 2012. Т. 5. 696 с.

² См.: *Гайдук В. В.* «Парад суверенитетов» сменился «парадом сепаратизма». URL: <http://corrupcia.net/aboutnews/item-892.html> (дата обращения: 19.03.2014).

Объективные причины:

— в начале 1990-х гг. децентрализованные методы управления страной еще не были выработаны, что вызывало политическое недовольство регионов России;

— произошло устаревание социально-экономических и материально-ресурсных связей Федерации с регионами, которые в силу трансформационных процессов также не были обновлены и зиждились на советском наследии. На особом дотационном положении находились лишь города федерального значения, которые и без этого были в более выгодном экономическом статусе;

— с разрушением советской политической системы была разрушена и прежняя форма идеологического единения людей. «Новая» государственность была еще не способна идеологически обогатить общество, которое, по-сути, было предоставлено само себе. В связи с раскрепощением идеологического ядра трансформирующегося государства в сознании людей образовался вакуум, который и стал заполняться различного рода сепаратистскими и националистическими лозунгами;

— опыт бывших советских республик, которые стали позиционировать себя как суверенные национальные государства, мотивировал российские регионы (особенно республики) к этновозрождению, провозглашению новых этнических или национальных лозунгов.

Субъективные причины:

— «парад суверенитетов» стал политическим инструментом противоборства двух элитарных центров власти на федеральном уровне. И был использован Президентом России Б. Н. Ельциным для привлечения губернаторского корпуса на свою сторону;

— в условиях политической борьбы высших федеральных эшелонов власти региональные элиты пользовались ситуацией и занимались укреплением своего субъекта Федерации, по-сути, в ущерб общероссийской государственности. Региональные элиты пытались максимально сосредоточить финансовые и административные рычаги в своих руках¹.

---

¹ См.: Сулейманов А. П. Национально-территориальная безопасность российского государства: ретроспективный анализ // Вопр. национал. и федер. отношений. 2013. № 3 (22). С. 126—132.

Стоит особо отметить, что дезинтеграционным тенденциям были подвержены не только российские республики (Татарстан, Чечня), но и другие субъекты Федерации. Края и области также стремились к повышению своего политического веса в общедеративной системе (так, например, в 1993 г. Свердловская область приняла Конституцию Уральской Республики).

В целом же, в отличие от национально-территориальных образований, «регионализация» российских областей и краев не представляла реальной угрозы для целостности страны. Даже Уральская Конституция 1993 г. признавала верховенство федеральных законов и федеральной власти над региональными законами на своей территории. Кроме того, когда данная Конституция была отклонена федеральным центром, общественность никак не отреагировала, и в ее защиту не было ни массовых демонстраций, ни других акций протеста¹.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в СССР существовало противоречие между двумя государственно образующими принципами: национально-территориальным и административно-территориальным. Это противоречие было заложено еще в царской России, что, в свою очередь, привело к пренебрежению национально-этническими интересами. С развалом Советского Союза ситуация в Российской Федерации не изменилась, однако механизмы управления центра субъектами Федерации еще не были сформированы, а существовавшие были неэффективными. Это привело в самом начале 90-х гг. XX в. к всплеску этнического сепаратизма в национальных республиках².

Только к концу 1993 г. центробежные тенденции начали постепенно угасать. С одной стороны, это было связано с тем, что понизился уровень активности национальных движений, которые выступали с сепаратистскими лозунгами. Кроме того, выборы 1994 г. и более поздние выборы в органы государственной

---

¹ См.: *Гайдук В. В., Сулейманов А. Р.* Национальная политика в Российской Федерации: траектории, развилки, тупики // *Вопр. национал. и федер. отношений.* 2012. № 1. С. 115—121.

² См.: *Гайдук В. В., Демьяненко Ю. А.* Этнополитический инструментарий национальной безопасности Российской Федерации // *Там же.* 2013. № 3 (22). С. 113—125.

власти субъектов Федерации показали, что национальные движения во многом лишились поддержки населения, и людей больше заботило сохранение целостности страны¹.

С другой стороны, роспуском парламента завершилось противостояние Президента Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. Свою роль сыграло и выступление в октябре 1993 г. Б. Н. Ельцина о необходимости пересмотра осуществления хозяйственной реформы и переноса центра тяжести экономических преобразований в регионы. В результате стали меняться прежние экономические отношения между регионами и центром. Так, к примеру, была увеличена доля региональных бюджетов и несколько расширены права регионов во внешнеполитической деятельности¹.

Если рассматривать современность, то далеко не все научное сообщество склонно считать, что в современной России имеются реальные очаги дезинтеграционной активности. Директор Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН А. Б. Юнусова убеждена в отсутствии реальных внутренних угроз целостности Российской Федерации².

При всем уважении к коллеге с данным мнением нельзя согласиться. И современная политическая действительность тому подтверждение. Те дезинтеграционные тенденции, которые запущены в региональном измерении на современном евразийском пространстве, не могут не настораживать. От синдрома территориально-политической дезинтеграции не смогли застраховать себя даже европейские государства, такие как Англия (возможности территориального отчуждения Шотландии от Англии).

Более того, по последним данным «Левада-центра» (на конец 2013 г.), проблемы дезинтеграции России существенными в той или иной степени считают 74 % россиян и лишь 9 % уверены, что «такой проблемы нет»³. Каковы же возможные очаги

---

¹ См.: *Аминов И. Р., Сулейманов А. Р.* Институционализация национальной безопасности в истории России: внешние и внутренние угрозы // Правовое государство: Теория и практика. 2014. Т. 2, № 36. С. 111—115.

² *Юнусова А. Б.* Сепаратизм в России? Считаю, говорить не о чем. URL: http://www.pravda.ru/news/politics/11-11-2013/1181656-separatizm_unusova-0/

³ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2354209> (опрос прошел 15—18 ноября 2013 г. в 45 регионах РФ).

(центры) консолидации дезинтеграционной активности в федеративной России?

Дезинтеграционные тенденции в современных условиях могут активизироваться в самых различных регионах. По нашему мнению, не стоит абсолютизировать и связывать очаги дезинтеграции лишь с приграничными регионами, центробежной политической «чуме» могут быть подвержены (хотя и гипотетически) любые субъекты Федерации. Другое дело, что не все из них имеют этнические, культурные основания и могут муслироваться отдельными политическими элитами для реализации своих узконаправленных интересов.

Так, на примере Республики Башкортостан и Татарстан хотелось бы проанализировать роль элит в консолидации страны и выработке общегосударственной гражданской идентичности.

Республика Башкортостан (контрэлитная дезинтеграционная активность), как и другие республики Поволжья, на этапе «парада суверенитетов» испытывала на себе тенденции этнической дезинтеграции, выраженной в некоем социально-культурном сопоставлении так называемого титульного этноса с другими этническими общностями и народностями. В Республике Башкортостан подобные тенденции были выражены в следующих аспектах: обязательном изучении башкирского языка в школах, результатах переписи и т. д. Необходимо особо подчеркнуть, что радикальной конфронтации этносов на территории Республики Башкортостан не было и сама дезинтеграционная активность была скорее лингвистическо-культурной. Вместе с тем, на наш взгляд, лингвистическо-культурная (лингвистическо-этническая) дезинтеграционная активность в Республике Башкортостан сегодня трансформировалась в контрэлитную, которая выражена в определенной политической конкуренции действующей власти в Республике Башкортостан с оппозицией, в большинстве поддерживающей прежнюю власть.

Совершенно очевидно, что подобная политическая контрастность в Республике Башкортостан, существование как минимум двух «центров» региональной власти (элиты и контрэлиты) пагубно сказываются на преодолении дезинтеграционных тенденций в регионе, так как в политических играх элит и контрэлит вновь может быть разыграна «этническая карта», как

в период «парада суверенитетов», но с более радикальной выраженностью.

Республика Татарстан (интеллектуальная дезинтеграционная активность). Еще в период «парада суверенитетов» Республика Татарстан (как, собственно, и Чеченская республика) находилась на особом положении в сфере отношений центр — периферия. Татарстан не принимал участия во всенародном голосовании за проект Конституции России 1993 г. Более того, республика окончательно подписала Федеративный договор о разграничении полномочий центра и регионов 1992 г. лишь в 2007 г. Это позволяет утверждать, что Республика Татарстан, если так можно выразиться, выступает «привилегированным» субъектом Федерации, что совершенно недопустимо для преодоления дезинтеграционных тенденций.

Республика Татарстан переживает сейчас интересную эволюцию. Татарстану удалось стать главным претендентом на роль (альтернативного официальной Москве) научного генератора гуманитарных подходов, создающим собственную модель исторического, этнологического и политологического описания российской реальности. Именно интеллектуальная деятельность канализирует в республике татарскую активность. И в Казани серьезно занимаются проблемой адаптации собственных разработок к российскому общественному мнению — как либеральному, так и склонному к традиционным ценностям. Истоки этих ценностей — в работах Л. Гумилева и А. Фоменко, склонных к «реабилитации» роли татар в русской истории, что свидетельствует об интеллектуальном характере татарской дезинтеграционной деятельности.

Очевидно, что список возможных гипотетических угроз национальной безопасности страны (посредством институционализации дезинтеграционной активности российских регионов) не ограничивается лишь российскими республиками. От дезинтеграционных тенденций в полной мере не может быть защищен ни один регион в условиях глобализации современного политического процесса, и от того, какой курс выберет властвующая элита будет зависеть целостность и безопасность страны.

Оксана Лобода

*кандидат социологических наук, доцент кафедры
государственного и муниципального управления Владивостокского
государственного университета экономики и сервиса*

Владивосток, Россия

Илдус Ярулин

*доктор политических наук, профессор,
декан социально-гуманитарного факультета
Тихоокеанского государственного университета*

Хабаровск, Россия

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО СДВИГА

Восточная часть России впервые выходит на первые роли в системе приоритетов государственного развития. В течение всего советского периода Дальний Восток рассматривался как часть территории страны, которая представляла интерес главным образом как сырьевой и энергетический источник экономики государства. Только в последние годы в обществе и в руководстве страны стало формироваться понимание истинной особой роли Дальнего Востока в судьбе будущей России. Начали появляться серьезные политические заявления, проекты различных программ, попытки разработки долгосрочной стратегии развития этого региона. Однако возрастающий интерес продолжает по инерции реализовываться преимущественно в системе устаревших представлений, оценок, решений, которые приходят в острое противоречие с тем, что в действительности происходит во всей стране и на Дальнем Востоке. Если Россия действительно заинтересована в том, чтобы и в XXI в. оставаться азиатско-европейской страной, максимально использующей выгоды территориально-пространственного, природо-ресурсного и геополитического характера, то ей нужна принципиально новая региональная политика. Основой этой политики должны стать оценки и решения, освобожденные от груза устаревших представлений и основанные на принципах реалистичности и прагматизма.

Для этого необходимо признание объективного характера процессов формирования социальной (в том числе демографической), миграционной (в том числе внешней), этнонациональной ситуаций и использование системного подхода к оценке взаимовлияния предпосылок и последствий указанных процессов; каждое явление следует оценивать в единстве причин и эффектов экономического, социального, этнонационального и т. п. характера.

Разработка новой политики развития Дальнего Востока в России XXI в. должна начинаться с переосмысления представлений о Дальнем Востоке как некоем гомогенном социально-экономическом и геополитическом пространстве, для которого характерны единые интересы и единая степень экономической зависимости от центра и одинаковая острота социальной ситуации. Социальная ситуация на Дальнем Востоке не общекатастрофична, а предельно дифференцирована; если во многих населенных пунктах эта ситуация вполне сопоставима, а часто и лучше, чем в типичных областях европейской части России, то в ряде республик и автономных округов она находится на социально допустимой грани. И не последнюю роль здесь играют демографические и этносоциальные факторы. «При массе линий размежевания в современных как западных, так и в незападных обществах наиболее конфликтными и, соответственно, наиболее опасными становятся те, где социальное недовольство дополняется этнической и религиозной рознью, а также региональной спецификой (в многонациональных государствах). ...Между тем этносоциокультурные проблемы все более обостряются и могут вызвать совершенно неожиданные резонансы как в глобальном масштабе, так и во внутривосточной повестке дня России. В Российской Федерации, вроде бы, ситуация относительно стабильна, но в сфере внутренней жизни общества накапливается все большее напряжение, на что ни элита, ни властные структуры не обращают внимания. Все это создает дополнительные риски развития»¹.

---

¹ *Новые факторы глобального и регионального развития: обострение этносоциокультурных противоречий* / под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина, И. С. Семененко. М. : ИМЭМО РАН, 2013. С. 5.

Развитие этнических процессов — одна из наиболее актуальных тем исследований специалистов, изучающих данные процессы как в масштабе всей страны, так и в территориальных рамках регионов. Сегодня российская наука переходит от глобальных масштабов к региональным, причем этносоциальные и демографические исследования наиболее активно проводятся в регионах с многонациональным составом населения. Важность исследования определяется необходимостью анализа структуры населения, который показывает, что даже в таком многочисленном, но полиэтническом массиве, как Дальний Восток, взаимодействие коренных и пришлых этносов и этнических групп создает межэтническую среду и потенциально источник конфликтных ситуаций. Внутреннее этнорегиональное положение страны, внешние и внутренние миграционные процессы, миграционное поведение населения моно- и полиэтнических регионов требует изучения и обобщения с научной точки зрения.

В советский период миграция для Дальневосточного региона являлась значимым фактором в его истории и была подчинена экономическим и политическим целям государства. Миграционные процессы характеризовались преимущественно внутригосударственным перемещением населения, основные векторы которого были ориентированы на движение населения из сельской местности в городскую и наоборот, на перемещение населения из трудоизбыточных западных районов страны в трудодефицитные северные и восточные районы. Миграция рассматривалась как фактор, подчиненный задачам расширения геополитического пространства и подъема народного хозяйства.

Как отмечает Е. Л. Мотрич, демографический потенциал российского Дальнего Востока, сформированный в советское время, с началом рыночных преобразований подвергся необоснованному разрушению. Нынешний кризис воспроизводства населения в регионе проявился одновременно в двух проекциях: в депопуляции (естественной убыли) населения вследствие превышения смертности над рождаемостью и миграционном оттоке населения. «Максимальная численность населения на Дальнем Востоке — 8 056,6 тыс. человек — была зафиксирована на 1 января 1991 г. С этого времени численность дальневосточников стабильно снижается. За 1991—2008 гг. регион потерял

1 596,5 тыс. человек, или 19,8 % собственного населения. Ни один из федеральных округов России до этой отметки не опускался. Лидирующую роль в процессе сокращения численности населения сыграл миграционный отток населения, многократно превышающий его естественную убыль. Так, за 1991—2007 гг. он составил 1 376,2 тыс. человек (86,2 %), естественная убыль — 220,3 тыс. человек (13,8 %). Это уже был тревожный сигнал, свидетельствовавший о начале крушения населенческой политики на Дальнем Востоке России»¹.

В 90-е гг. XX — начале XXI в. произошли радикальные изменения в характере, содержании, направленности миграционных процессов на пространстве бывшего СССР и внутри России. Наиболее существенными проявлениями этих изменений стали рост интенсивности и масштабов иммиграции и эмиграции, кардинальная смена направлений внутренней миграции, широкое распространение вынужденности в миграционном движении, появление и развитие новых видов миграции, растущая обусловленность миграционных потоков этническими факторами.

Этнические миграционные процессы в их массовидных значениях стали новым серьезным вызовом современности, превратились в очень существенный фактор, воздействующий на социальное состояние и динамику современной России и особенно ее отдельных регионов. Наблюдение реальных социальных практик и их научный анализ показывают, что этнические миграции в наличном состоянии и долгосрочной перспективе вместе с позитивностью и явными следствиями сопровождаются появлением и обострением новых противоречий в принимающих обществах, вызывают к жизни непреднамеренные, зачастую неожиданные и нежелательные явления и процессы. Использование миграционного ресурса, несмотря на всю свою привлекательность на первый взгляд, сопряжено с большим объемом как экономических, так и социальных, культурных проблем, связанных с увеличением доли некоренного населения.

---

¹ См.: *Мотрич Е. Л.* Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья // *Пространственная экономика*. 2010. № 2. С. 74—95.

Количество приезжающих на работу в дальневосточные субъекты из регионов Средней Азии и Кавказа в последнее время резко возросло. В Приморье год от года становится все больше приезжих. По данным Института миграционных процессов, в прошлом году работодатели заявили о том, что их потребность в рабочей силе составляет около 120 тыс. человек, но квота была выделена чуть более чем на 30 тыс. человек. Таким образом, потребность не была удовлетворена, однако свободные рабочие места были кем-то заняты. Этнические мигранты метут улицы, охраняют стоянки и ремонтируют дороги. Без них край, который за последние 20 лет потерял 360 тыс. человек и в ближайшие десять лет, по прогнозам, может лишиться еще 240 тыс., не выжить. Между тем планы социально-экономического развития Приморья предусматривают реализацию глобальных проектов. Для этого нужны инвестиции и трудовые ресурсы.

В Якутии из-за особенностей климата распределение миграционных потоков носит сезонный характер. Около 80 % иностранных рабочих приезжают сюда на лето, более половины из них оседают в Якутске, и в основном они заняты в строительстве. Как правило, это представители Армении и Таджикистана.

Власти региона неоднократно предпринимали попытки ограничить число таких иностранных работников в пользу местных жителей. На нынешний год работодатели заявили потребность в 30 тыс. иностранных работников. Удовлетворена только третья часть заявок, причем и такая квота, как считают в миграционной службе, может быть уменьшена. При этом стройки не остановились.

Все большую остроту приобретают вопросы миграции в Сахалинской области. Доля трудовых мигрантов в общем количестве работающих в Сахалинской области составляет примерно 6 %. При этом число приезжих год от года уменьшается. Например, в этом году квота на привлечение трудовых мигрантов в Сахалинскую область по сравнению с прошлым годом была сокращена почти в два раза и составила 10,6 тыс. человек, из них реально приехали на острова 4,8 тыс. иностранных рабочих. Подсчитать сколько в область пребывает мигрантов-нелегалов никто так и не смог.

В Хабаровском крае, по данным Федеральной миграционной службы, постоянно проживают представители 145 народов и этнических групп. На предприятиях региона, только по официальным данным, трудятся около 30—35 тыс. иностранных мигрантов. В основном это приехавшие в Дальневосточный регион жители стран СНГ. На их долю приходится 41 % въезжающих в регион иностранных рабочих. Трудовые мигранты заняты в основном в строительной индустрии — 50 %, в сельском и лесном хозяйстве — 15, на перерабатывающих производствах — 12 %. В Хабаровском крае официальная квота на привлечение работодателями иностранных работников в 2013 г. составила 26,2 тыс. человек, что на тысячу больше, чем в прошлом году. Преобладающее количество иностранных граждан зарегистрировано по месту пребывания в Хабаровске — 71,1 % и Хабаровском районе — 8 %. В первом полугодии 2013 г. на миграционный учет в регионе было поставлено 67 024 иностранных гражданина и лиц без гражданства. По данным миграционной службы, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года рост численности мигрантов составил 7,3 %. Увеличение количества регистраций по месту пребывания, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, произошло за счет иностранных граждан, прибывших из стран СНГ с целью работы по найму: рост составил 16,9 %¹.

Межэтнические отношения в современной России проблематизируются новыми явлениями, приобретающими значение социальных фактов: изменения в статусных диспозициях, компактное и анклавное расселение этносов, этническая монополизация некоторых сфер предпринимательской деятельности и в торговле, нелегальность пребывания и трудовой деятельности, вовлечение части этнических мигрантов в криминальную деятельность, закрытость этнических общин, этническая (клановая) организованность и сплоченность, возможности быстрой мобилизации всех факторов этнического потенциала.

---

¹ См.: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности УФМС России по Хабаровскому краю на 2012 год и плановый период 2013—2015 годы // URL: <http://ufms-khb.ru/node/693>.

Российский прогноз не оценивает этнический состав потенциальных иммигрантов, однако очевидно, что в нем будут преобладать не этнические русские или даже лица славянского происхождения. Скорее, это будут выходцы из Центральной Азии, Китая, возможно, из других азиатских стран. Представляется целесообразным для дальнейшего анализа процессов, связанных с этнической миграцией на Дальний Восток России использовать теорию третьего демографического перехода Д. Коулмена. Суть этого перехода, затрагивающего страны развитого мира, заключается в существенном изменении структуры некоторых наций вследствие «иммиграции лиц отличного этнического и расового происхождения, в сочетании с постоянно низкой рождаемостью и возрастающим уровнем эмиграции местного населения»¹.

Как отмечает Д. Коулмен, если последующие поколения мигрантов и лица смешанного происхождения будут все больше идентифицировать себя с населением той страны, куда они приехали, то изменения состава населения не будут иметь особых последствий. Если же, напротив, они в большей степени будут определять себя как нечто отличное от коренного населения, убывающего как по абсолютной численности, так и относительно, то ситуация будет иной. Подобные процессы могут иметь самые разнообразные и существенные последствия, способны повлиять на идентичность той или иной страны, на социальную сплоченность ее населения. Может возникнуть ситуация, когда разные группы людей захотят говорить на разных языках, начнут требовать, чтобы использовались различные системы права. У этих групп могут оказаться различные ориентации с точки зрения внешней политики страны, в которой они живут, и т. п. В этих размышлениях Коулмена отражается беспокой-

---

¹ *Coleman D. Migration in the 21st Century: a Third Demographic Transition in the Making? Plenary Address to the British Society for Population Studies Annual Conference. Leicester, September 13, 2004 ; Idem. Immigration and Ethnic Change in Low-fertility Countries: a Third Demographic Transition (Statistical data) // Population and Development Review. September. 2006. Vol. 32, № 3.*

ство, которое испытывают жители многих развитых стран, принимающих большое количество мигрантов¹.

Как показывает исторический опыт, надеяться на скорую адаптацию, а тем более интеграцию в принимающее сообщество новых потоков мигрантов на Дальний Восток не приходится. Напротив, мы все чаще сталкиваемся с обособлением групп этнических мигрантов, появлением своеобразных этнических анклавов и этнической сегрегации.

Можно предположить, что этнические связи чаще всего определяют направление миграции и выступают в роли наиболее вероятного вектора миграционного движения при выборе нового места жительства на стадии принятия решения. По мнению Г. С. Витковской и А. В. Кочаряна, выбор целевого географического пункта вселения мигрантов существенно различается в условиях добровольной и вынужденной миграции. Так, в условиях добровольной миграции «чаще мигранты выезжают туда, где есть связи, друзья, родственники», при вынужденной миграции — «чаще в неопределенные места»². Указанные особенности этнической миграции могут вполне привести к ситуации этнического сдвига — замещения одной этнической группы другой / другими с соответствующим созданием новой этносоциальной и этнокультурной среды.

Следует согласиться с А. М. Кузнецовым, что «сегодня современная этнополитическая ситуация региона существенно меняется и в ней возникают новые риски и угрозы. Не случайно, даже зарубежные исследователи характеризуют наш регион как зону риска. Указанные особенности Дальнего Востока России определяют и специфику протекания здесь процесса этнотрансформации в сравнении не только с зарубежными странами, но и такими регионами России, как Поволжье и Кавказ. Наличие и необходимость разрешения комплекса противоречий, вызываемых разнообразными по видам и содержанию этническими ми-

---

¹ См.: Коулмен Д. Третий демографический переход // Демоскоп Weekly. № 299—300. 3—16 сент. 2007. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php>

² См.: Витковская Г. С., Кочарян А. В. Вынужденные миграции как социальная проблема // Миграция населения. М., 1992. С. 63.

грационными процессами в региональных обществах, испытавших и испытывающих интенсивный и масштабный приток этнических мигрантов, становятся неотложной практической задачей социальной политики и социального управления на федеральном и региональном уровнях»¹.

---

¹ *Кузнецов А. М.* Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы // Ойкумена. 2012. № 1. С. 75.

Научное издание

ОБЩЕСТВО И ЭТНОПОЛИТИКА

**Материалы Международной научно-практической конференции
24—26 сентября 2015 г.**

В трех частях

Часть 1

**Под научной редакцией
доктора политических наук
Леонида Вячеславовича Савинова**

Подписано в печать 30.11.2015. Бумага офсетная. Печать ОСЕ.
Гарнитура Times New Roman.
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 17,75. Усл. п. л. 19,53. Тираж 91 экз. Заказ 64.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6,
Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС.

